К. Д.
УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

7

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАУК
РСФСР

К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Печатается по постановлению
Совета Народных Комиссаров СССР
от 22 августа 1945 г.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Институт теории и истории педагогики

К. Д. УШИНСКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*

Редакционная коллегия:
А. М. Еголин (главный редактор),
Е. Н. Медынский
и В. Я. Струминский

*

Москва — Ленинград
1949

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

7

Родное слово

Год 3-й

*

Руководство к преподаванию по „Родному слову“

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

РСФСР

Составил и подготовил к печати
В. Я. Струминский

ОТ РЕДАКЦИИ

«Родное слово», год 3-й, и «Руководство» к нему, печатаемые в настоящем, седьмом томе собрания сочинений К. Д. Ушинского, имеют своим содержанием курс русской грамматики и методику её преподавания в начальной школе. Этими выпусками Ушинский положил начало особой, второй серии книжек «Родного слова», предназначенной уже не для элементарного, как в 1 и 2-м году, а для систематического обучения.

Систематическое изучение грамматики как науки, по преимуществу «очеловечивающей» ребёнка, вводящей его в сознательное обладание системой основных категорий человеческого мышления, выработанных в течение тысячелетий народной жизни, представлялось Ушинскому одной из первых и основных задач начального обучения. Дальнейшие выпуски «Родного слова» предназначались для систематического изложения других предметов начальной школы. Одновременно с изучением грамматики в 3-м году должно было начаться систематическое изучение естествознания: его первые основы уже были изложены Ушинским для другой цели в «Детском мире», но для «Родного слова» этот мате-

риал предполагалось переработать, согласовав его со всем курсом начального обучения. Изучение русской истории, также элементарно изложенной в «Детском мире», по всем признакам, относилось на 4-й год начального обучения, для чего предполагалось составление особого выпуска «Родного слова». Но уже для 3-го года Ушинский предполагал отдельный выпуск «Родного слова» посвятить изложению первоначальных сведений по географии. Видимо, ещё в период составления «Детского мира» Ушинским был набросан вчерне в качестве материалов для учебника географии ряд специальных эскизов, посвящённых описанию родины. Предприняв летом 1870 г. поездку в Крым для лечения, Ушинский захватил с собой и черновые эскизные очерки по русской географии, предполагая разработать их как очередной выпуск «Родного слова» для 3-го года обучения. Этому его намерению не суждено было осуществиться в связи с обострившейся болезнью и смертью. Таким образом, из второй серии книжек «Родного слова», назначенной для систематического, собственно начального обучения, Ушинским был разработан только 1-й выпуск, посвящённый грамматике.

Восторженно встреченное теми педагогами, которые уже на предшествующих выпусках «Родного слова» сумели на практике оценить педагогическое мастерство Ушинского, «Родное слово», год 3-й, далеко не имело того массового успеха, как ранее изданные первые две части (годы первый и второй). Научно грамматические и методические предпосылки, положенные Ушинским в основу своего учебника, оказались после его смерти не настолько популярными, чтобы способствовать распространению его учебника. Положенная в основу этого учебника точка зрения единства языка и мышления во вто-

рой половине XIX в. сменялась другой, формально-грамматической, ошибочной точкой зрения, требовавшей однако же других учебников и других методов изучения грамматики. Равным образом принятая Ушинским система разграничения двух стадий обучения в начальной школе — обучения элементарного, подготовительного и собственно начального, систематического — уступала место предпочтению сплошного, последовательного изучения учебных предметов в начальной школе, начиная с I класса.

Уже в силу изложенных обстоятельств спрос на «Родное слово», год 3-й, оказался менее значительным, чем на первые две части этой книги. Однако же и при этих неблагоприятных обстоятельствах 3-й год «Родного слова» имел широкое распространение преимущественно среди учителей начальных школ, так что к концу 1908 г. в обращении было 23 издания «Родного слова», г. 3-й, и 12 изданий «Руководства» к нему.

Идея единства языка и мышления, положенная Ушинским в основу разработки грамматического материала, делает содержание 3-го года «Родного слова» особенно интересным для филологов и методистов по преподаванию русского языка, разрабатывающих эти вопросы на основе учения академика Н. Я. Марра и его школы. Нужно думать, что книга Ушинского найдёт широкий отклик в среде учителей советской начальной школы.

При перепечатке «Родного слова», год 3-й, и переводе текста книги на новую орфографию выяснилась необходимость изъять целый ряд отделов, посвящённых изучению упразднённых в современном правописании букв, как-то — ять, твёрдый знак, и десятеричное и т. п. (исключенные разделы в оглавлении отмечены звездочкой, а в тексте отточием....) как уже потерявших свое зна-

чение в нашем письме. Изъятие правил о них из грамматики Ушинского ни в коей мере не нарушает ни методической, ни грамматической системы, положенной в основу этой книги.

«Родное слово», год 3-й, печатается по 1-му изданию 1870 г. В сплошной текст грамматики внесены подразделения на параграфы (1—101), сделанные К. Д. Ушинским во 2-м издании его книги, для облегчения пользования текстом.

Родное слово

Год 3-й

первоначальная практическая грамматика с хрестоматией

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГРАММАТИКА

Стр.

Разбор простого предложения.

I.

IV.

V.

VI.

Статьи для разбора и изучения наизусть.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ.

1. Приложение к грамматике.

РОДНОЕ СЛОВО

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ—ГРАММАТИЧЕСКІЙ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
СЪ ХРЕСТОМАТІЕЮ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

Изданіе первое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ тип. Ф. С. Сущинскаго, Могилевская, 7,
и Глазунова, Бол. Мѣщанская, № 8.

1870.

Родное слово

Год третий.

(ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ — ГРАММАТИЧЕСКИЙ).

I.

РАЗБОР ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

1. Солнце светит.— Рыба плавает.— Сено скошено.— Дети играют.— Сердце бьётся.— Гриб растение.— Железо металл.

Сколько здесь выражено отдельных мыслей? Какая первая? (*Ответ*: солнце светит). Какая вторая? третья? четвёртая? пятая? шестая? седьмая?

Правило: *Каждая отдельная мысль, выраженная словами, называется в грамматике предложением.*

Сколько отдельных мыслей в приведённых примерах? Сколько предложений? О чём говорится в первом предложении? (*Ответ:* в первом предложении говорится, что солнце светит). О чём говорится во втором предложении? в 3-м? в 4-м? в 5-м? в 6-м? в 7-м?

Правило 1: *В каждом предложении о чём-нибудь идёт речь.*

Правило 2: *После каждого отдельного предложения ставится точка.*

Правило 3: *Если совершенно отдельные предложения пишутся в одну строку, то между ними ставится точка и тире (.—).*

Правило 4: *Предложение, поставленное с начала строки или после точки, начинается прописной (большой) буквой.*

Задачи.

облака плывут по небу мы учимся писать время измеряется часами мух много летом медведь любит мед медь полезный металл ручки у дверей бывают медные

Сколько здесь отдельных предложений? О чём говорится в каждом? Переписать эти предложения на доску. Поставить, где следует, точки и прописные буквы. Переписать правильно с доски в тетради. Написать ответы на следующие вопросы: *Что такое роза? Что такое серебро? Где растёт земляника? Что такое сосна? Что делает портной? Что делает сапожник? Сколько дней в неделе? Сколько ног у лошади? Когда цветут яблони?*

Сколько написали вы предложений? Где вы ставили точки? Где большие буквы?

---

2. Солнце греет.— Снег тает.— Мёд сладок.— Медь желта.— Собака животное.— Цветок красив.— Дедушка стар.

Сочтите, сколько здесь предложений. О каком предмете говорится в первом предложении? (*Ответ:* о солнце). Что говорится о солнце? (*Ответ:* что оно греет). О каком предмете говорится во 2-м предложении? Что говорится об этом предмете? Отыщите и в остальных предложениях предмет речи и что о нём сказано.

Правило: *В каждом предложении два* главные члена; *а именно:* 1. *предмет, о котором говорится и который потому мы будем называть* предметом речи, *и* 2. *то, что сказано об этом предмете, что мы и будем называть* сказуемым.

Задачи.

Отыщите *предмет речи* в 1-м предложении, во 2-м, в 3-м, в 4-м, в 5-м, в 6-м, в 7-м. Отыщите самую речь или *сказуемое* в 1-м предложении, во 2-м, в 3-м, в 4-м, в 5-м, в 6-м, в 7-м.

Что называется предметом речи в предложении? Что называется сказуемым?

Составьте сами предложения, в которых предметами речи были бы следующие слова: *свеча, крестьянин, дерево, река, свинец, лето, лес, земляника, мальчик, лошадь.* Надобно сказать что-нибудь о каждом из этих предметов, т. е. придать к нему сказуемое, тогда и составится предложение.

Составьте предложения, в которых сказуемыми были бы следующие слова: *поёт, играет, пишет, куёт, плавает, летает, вкусна, сильна, животное, насекомое, растение, греет, светит, металл, лает, ржёт, мяучит.*

Написать все эти предложения на доске. Поставить, где следует, точки и прописные буквы. Переписать правильно в тетради.

Назовите несколько предметов, какие вы видите в классе, в поле, в лесу. Напишите названия этих предметов на доске. Скажите и напишите о каждом из них что-нибудь, чтобы вышло предложение. Перепишите эти предложения правильно в тетради.

---

3. Крестьяне рубят.

Где в этом предложении предмет речи и где сказуемое?

Зимою крестьяне рубят дрова в лесу. Кроме сказуемого и предмета речи, в этом последнем предложении есть еще другие слова, *объясняющие*, что крестьяне рубят (дрова), где рубят (в лесу), когда рубят (зимою). Такие слова, объясняющие смысл предложения и пополняющие его, мы будем называть *объяснительными* словами. Предмет речи и сказуемое мы назовем *главными* членами предложения, а объяснительные слова — членами *второстепенными*. Укажите главные и второстепенные члены в следующем предложении: *Высокое дерево растёт в нашем саду.*

Правило: *Предложение, в котором есть только главные члены (предмет речи и сказуемое), мы будем называть* кратким *предложением. Предложение же, в котором, кроме того, находятся и члены второстепенные (объяснительные слова), мы будем называть предложением* распространённым.

Растёт.

Что растёт? *Дерево* растёт. *Где* растёт дерево? Дерево растёт *в саду. В чьём* саду растёт дерево? Дерево растёт *в нашем* саду. *Какое* дерево растёт в нашем саду? *Высокое дерево растёт в нашем саду.* Отыщите в этом предложении предмет речи, сказуемое и объяснительные слова. По каким вопросам поставлены предмет речи и объяснительные слова?

Правило: *Сказуемое в предложении стоит без всякого вопроса; все же объяснительные слова в предложении и самый предмет речи стоят по каким-нибудь вопросам.*

Задачи.

Возьмём какое-нибудь слово за сказуемое и по вопросам сделаем из него распространённое предложение.

Жнут. Кто жнёт? Крестьяне жнут. Что? Когда? Где? Чем? Какими серпами? Какую рожь? Какие крестьяне? В ответ на такие вопросы может выйти следующее предложение: *Соседние крестьяне летом жнут на поле спелую рожь кривыми серпами*. Разберите это *распространённое* предложение. Отыщите в нём сказуемое, предмет речи и объяснительные слова. Сказуемое подчеркните, а над предметом речи и над каждым объяснительным словом надпишите вопросы:

какие? *кто?* *когда?* *где?*
соседние крестьяне летом *жнут* на поле

какую? *что?* *какими?* *чем?*
спелую рожь кривыми серпами

Пилит.

Кто пилит? что пилит? чем пилит? на чём? какую доску?

Из ответов на эти вопросы составить распространённое предложение, сказуемое подчеркнуть, над предметом речи и объяснительными словами поставить вопросы.

Опишите точно так же следующие за сим картинки и потом составленные вами предложения разложите на *члены*, т. е. отыщите в них *предметы речи, сказуемые* и *объяснительные слова*.

Ловит.

Кто ловит? что? в чём? чем? какой рыбак (большой или маленький)?

Куёт.

Кто куёт? что? чем? на чём? каким молотом? какой кузнец?

По этому же образцу составьте распространённые предложения по следующим сказуемым:

Плывут. Что плывёт? *(Барки плывут).* По чём? какие? с чем? когда? куда? откуда?

Пишут. Кто пишет? *(Дети).* Что? где? когда? чем? на чём? *(На тетрадях).* На чьих? какие дети?

Стоят. Что? *(Стога).* Чего? где? какие стога? чьи?

Напишите правильно все эти распространённые предложения. Сказуемые в них подчеркните, а над предметами речи и объяснительными словами напишите вопросы, по которым эти слова поставлены в предложении.

---

4. Каждое предложение состоит из *слов*. Каждое слово состоит из одного или нескольких *звуков*. Каждый звук на письме выражается отдельной *буквой*. Сочтите, сколько букв в слове *лобъ*. Одни из этих четырёх букв нельзя отдельно произнести громко и ясно, таковы *л* и *б*; букву *о* можно произнести громко и ясно; букву *ъ* совсем нельзя произнести отдельно.

Те буквы, которые и отдельно можно произнести ясно и громко, *в голос*, называются *гласными*, таковы: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, *ю*, *ы*, *я*. Те буквы, которые нельзя отдельно произнести *в голос* громко и ясно, называются *согласными*, потому что их можно произносить ясно только вместе с гласными; таковы: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*. Буква *й* (*и* с кратким знаком) называется *полугласною* (мой, бой, герой). Буквы *ъ* и *ь* называются буквами *безгласными* или просто знаками: *твердый знак (ъ)* и *мягкий знак (ь)*. Эти знаки служат только для того, чтобы показать, как произносить стоящие возле них буквы, напр., *кон — конь, Коля — колья*; *обедать — объедать*.

Пр. *Если слово оканчивается на согласную букву, то всегда надобно ставить после неё мягкий или твёрдый знак, смотря по выговору.*

Задачи.

Допишите следующие слова: пол., дуб., кон., сол., сучок., корен., ствол., лист., стол.

В слове *лобъ* четыре буквы: одна *гласная*, две *согласные* (и одна *безгласная*, или *твёрдый знак*).

В слове *стой* четыре буквы. Какие?

Сколько букв и какие в следующих словах: *соль, бор, лист, сено, сосна, луг, земля, жильё, карандаш, потолок, вой, чернильница, злой, грифель, середина, у, в, к?*

Сочтите, сколько букв в азбуке? Сколько между ними *гласных, согласных* и *полугласных?*

---

5. Сколько гласных букв в слове *потолок?* Сколько в этом слове *гласных* букв, на столько *слогов* его можно разделить: по-то-лок.

Разделите на слоги слова: *перина, ворона, семя, колокол, книга.* Сколько слогов в словах: *конь, вол, пол, вода, кора, берёза, животное?*

Пр. *Слова в один слог называются* односложными; *в два* — двухсложными; *в три, четыре или более* — многосложными.

Задача.

Напишите по 10-ти односложных, по 10-ти двухсложных и по 10-ти многосложных слов.

---

6. В яйце есть белок.— В лесу много белок.

Какую разницу вы замечаете в слове *белок* в обоих предложениях? Какую разницу замечаете вы в выговоре слов, состоящих из одних и тех же букв в следующих выражениях: *белая мука, великая мука; у человека две руки, дитя запачкало руки?*

В словах: *бело́к* и *бе́лок, мука́* и *му́ка, руки́* и *ру́ки* — буквы одни и те же, разница только в *ударении.* Переписать эти выражения и поставить *ударения,* где следует.

Пр. *Чтобы узнать наверное, где ударение, надобно пробовать вытянуть голосом то тот, то другой слог. Тот слог, на котором есть ударение, можно вытянуть голосом и слово будет всё же произнесено правильно.*

Задачи.

Перепишите следующие слова и поставьте над ними ударения: *время, семя, листья, вода, земля, колос, голос, работа, бревно, брёвна, шапка, рукавицы, ворона, дерево.*

У него сильные руки.— У него нет одной руки.— У лошади четыре ноги.— Ноги у комара длинны.— У нас много земли.— Земли бывают разные.— Жита в этом году хороши.— В закроме много жита. Сочтите, сколько в каждом из этих предложений *слов*, сколько в каждом слове *слогов*. Перепишите эти предложения, разделив чёрточками слова на слоги, и поставьте ударения, где следует.

Спелый колос *клонится* к земле.

Сказуемое видно. Какое это предложение — краткое или распространённое? Отыщите в нём главные члены и второстепенные. Над предметом речи и объяснительными словами поставьте соответствующие вопросы. Укажите односложные, двухсложные и многосложные слова. Над каждым сложным словом поставьте ударение, где следует. Сделайте то же самое для следующих предложений:

Из пеньки вьются *крепкие верёвки.— Летние дожди сильно* мешают *уборке хлеба.— Наши крестьяне* пашут *свои поля сохами.— Извозчики* перевозят *тяжёлые товары на сильных лошадях.— Из лисьего меха* делаются *очень тёплые шубы.— Высокие деревья часто* привлекают *молнию своими вершинами.— В жаркие дни тёмносиние тучи* предсказывают *сильную грозу.— Серая кукушка* кладёт *свои яйца в чужие гнёзда.— Шёлк* делается *шелковичными червями на тутовых деревьях.— Полезная пенька хорошо* растёт *на жирных огородах.— Аспидные доски* вырезываются *в горах из аспидного камня.— На сосне и ели вместо листьев* растут *колючие хвои.*

Повторение пройденного.

Как называется в грамматике мысль, выраженная словами? На какие члены разделяется предложение? Как называются главные члены и как второстепенные? Где следует ставить точку? Где пишется прописная

буква? Сколько букв в русской азбуке? Как разделяются эти буквы? На конце каких слов всегда пишется твёрдый или мягкий знак? Не знаете ли вы таких слов, где твёрдый или мягкий знак пишется в средине? Напишите несколько слов с полугласною *й*. Как разделяются слова по числу слогов? Где следует делать ударение? Напишите несколько двухсложных и многосложных слов и поставьте верно ударения.

II.

РАЗБОР СКАЗКИ «О РЫБАКЕ И РЫБКЕ».

7. Жил старик со своей старухою у самого синего моря; они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года.

Вот отрывок из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке». Сколько в этом отрывке предложений? Какой знак между ними поставлен? Почему между ними не поставлена точка?

Пр. *Если два или многие предложения находятся между собою по смыслу в ясной связи, то между ними ставится запятая (,), а иногда точка с запятою (;).*

Напишите первое предложение отрывка отдельно и разложите его на члены. Сказуемое подчеркните, а над остальными членами поставьте вопросы.

---

8. Кого зовут *стариком?* Кого зовут *старухою?* Стало быть, слово «старик» есть *имя*, которое дают старому мужчине, а слово «старуха» есть *имя*, которое дают ... (кому?). Что называется *морем?* Какая вода в море? Велико ли оно? Следовательно, слово «море» есть *имя* предмета. Все, что существует, имеет своё имя, которое и называется именем существа, или *существительчым именем.*

У какого моря (по цвету) жил старик со старухой? Какие предметы знаете вы *синего* цвета? К чему ещё можно приложить качество *синий?* К чему можно приложить качество *красный? твёрдый? круглый? острый?* Стало быть, слова *синий, красный, твёрдый, острый* суть *имена* не самих предметов, а *качеств* предмета.

Пр. *Имена предметов называются* именами существительными, *ибо ими обозначается всё существующее; а имена качеств предмета называются* именами прилагательными, *ибо они* прилагаются *к именам предметов.*

Задачи.

Наименуйте предметы, находящиеся в вашем классе. *Наименуйте* качества классной доски по цвету, по форме, по материалу, из которого она сделана. *Наименуйте* предметы, которые встречаются в саду. *Наименуйте* качества яблока по форме, по цвету, по вкусу, по зрелости.

Перечислите несколько имён домашних животных, диких зверей, рыб, птиц, цветов, деревьев, хлебных растений, грибов. К каждому из этих имён существительных прибавьте по имени прилагательному.

Напишите все сказанные вами имена существительные и прилагательные; существительные подчеркните, прилагательные оставьте неподчёркнутыми. На какие буквы оканчиваются существительные и на какие прилагательные? Отыщите все имена существительные и прилагательные в приведённом отрывке сказки.

---

9. Разделите на слоги слова *старик* и *старуха.* Сколько слогов в каждом? Какие в этих словах буквы общие и какие различные? В них обоих общий слог

стар, потому что и старик, и старуха — оба стары. Эта общая многим словам часть слова, придающая ему главный смысл, называется *коренною частью слова*, а слоги *ик* и *уха* — *прибавки.*

Задачи.

Отыщите общую *коренную* часть и отделите её от прибавок в следующих словах: *учитель, ученик, ученье, учить, ученица, учёный.* Как пишется слово *синего* и как выговаривается? Отыщите коренную часть слова и отделите от прибавок в следующих словах: *синий, синяк, синька, синица, синеть, посинеть, посинелый, синеватый.*

Где ударение в слове *мóря*? Придумайте такое предложение, где бы следовало сказать *моря́.*

---

10. *Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года.* Разложите это предложение на члены; поставьте, где следует, вопросы.

О ком это говорится: *они жили в ветхой землянке?* Кто это *они?* Знали ли бы вы, что слово *они* поставлено вместо слов *старик* и *старуха,* если бы впереди не было первого предложения? А если бы говорилось об одном старике, то можно ли было бы сказать: *они?* А если бы об одной старухе, то как бы следовало сказать?

Пр. *Такие слова, которые сами по себе значения не имеют, а только указывают на какие-нибудь другие имена, называются* местоимениями, *ибо они ставятся вместо имён.*

Задача.

Ваня и Коля бегали поздно в лесу; Ваня и Коля промочили себе ноги, и вот у Вани и Коли началась

лихорадка. Хорошо ли было бы так часто повторять слова *Ваня* и *Коля?* Замените же эти имена, где можно, местоимениями.

---

11. *Ветхая землянка.* Где здесь имя прилагательное и где имя существительное? К чему вы ещё можете приложить качество *ветхий?* Можно ли сказать *ветхая вода?* Что называется *землянкой?* Почему избу нельзя назвать землянкой?

Сколько лет жил старик со старухою в ветхой землянке? Сколько вам лет? *Ровно* ли столько вам лет? *Ровно* ли в году 52 недели? *Ровно* ли в месяце 30 дней? Для чего же в сказке поставлено слово *ровно?*

Можно ли слово *тридцать* заменить цифрами? Напишите цифрами слова *тридцать три.* Стало быть слово *тридцать* и слово *три — имена чисел.*

Пр. *Слова, означающие имена чисел, называются* числительными именами.

Задачи.

Сколько у лошади ног? Сколько у человека глаз? Сколько пальцев на обеих руках? Сколько в году месяцев, недель, дней? Который вам год? В котором часу начинаются ваши уроки? Напишите ответы не цифрами, а словами, так, чтобы в ответе был повторен вопрос. Числительное имя в ответе подчеркните.

---

12. По зимам жили ли старик со старухою в землянке, или нет? Вместо какого же слова поставлено в сказке слово *лет?*

Летом очень тепло. — Мальчику восемь лет. Что значит слово *лето* в первом предложении и что во втором?

Землянка, земля, земляника, земляной, земной. Отыщите коренную часть слова в этих словах и отделите от прибавок....

...Выучите наизусть разобранный отрывок сказки и приучитесь писать его без ошибок.

Перепишите правильно 1-ю статью из хрестоматии. Отыщите в ней все имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Над первыми поставьте *точку,* над вторыми *две,* над третьими *три,* над четвёртыми *четыре.* Сказуемые подчеркните.

Продолжение сказки.

13. Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу.

Что такое невод? Чем ещё ловят рыбу? Из чего прядут пряжу? Для чего она нужна?

Сколько в этом отрывке предложений? О ком говорится в первом? О ком во втором? Каким знаком разделены эти предложения? Почему между ними не поставлена точка?

Перепишите в тетради первое предложение; над предметом речи и объяснительными словами надпишите вопросы, а сказуемое подчеркните. Укажите в этом предложении имена существительные. Почему слово *ловил* нельзя назвать именем существительным? Выражает ли оно какой-нибудь предмет, или качество, или то, *что делал* старик?

Старуха пряла свою пряжу. Разберите это предложение так же, как и предыдущее.

Хорошо ли было бы сказать: *старуха пряла старухину пряжу?* Почему слово *свою* есть местоимение? Почему слова *старуха* и *пряжа* имена существительные? Что же выражает слово *пряла?*

Старик жил в землянке. Что выражает собою слово *жил?* Есть ли оно имя предмета или показывает оно, *что́ было* со стариком?

Пр. *Слова, показывающие, что́ делает предмет или что́ делается с ним, называются в грамматике* глаголами. Жил, ловил, пряла — *суть глаголы, а не имена.*

Задачи.

Отыщите имена и глаголы в следующих предложениях: *Рыбак ловит рыбу. — Птицы вьют гнёзда. — Лисицы роют норы. — Жёлтые листья падают на землю. — Сено косят острыми косами. — Рожь жнут кривыми серпами. — Медведь засыпает в тёплой берлоге. — Реки зимою покрываются льдом.*

Отыщите имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и глаголы в следующих предложениях: *Жестокая зима погубила молодые деревья; они не расцвели и садовник выроет их из земли. — В году считают 12 месяцев. — У фиалки пять лепестков; она очень душиста, хотя и не очень красива. — Сосна полезное и красивое дерево: из неё люди строят тёплые дома, а зимой она не теряет своих зелёных игл.*

Перепишите 2-ю статью из хрестоматии. Все имена подчеркните одной чертой, местоимения двумя, а глаголы тремя.

---

14. *Пряла пряжу.* Где коренная часть в этих словах? Какая коренная часть в слове *рыбак? (рыбка, рыбный).* Какая коренная часть в слове *ловит? (лов, улов, ловля).* Из каких двух коренных слов составлено слово *рыболов?* Какою буквой соединены эти два слова? Составьте одно слово из двух: *земля* и *мерять; хлеб* и *печь; вода* и *возить.* Какие буквы употребляли вы для соединения двух слов в одно?

Пр. 1: *Слова, состоящие из двух или более слов, называются* составными.

Пр. 2: *Буквы, соединяющие два слова в одно, называются* соединительными *буквами; они обыкновенно — о или е...*

---

15. *Тридцать лет и три года.* Можете ли вы узнать, из каких слов сложено слово *тридцать?* Это трудно узнать, потому что слово при сложении своём изменилось. Сколько десятков в тридцати? Следовательно, это слово состоит из двух слов: *три* и *десятка.* Вот почему в середине слова осталась буква *д.*

Из чего сложено слово *пятнадцать?* В пятнадцати сколько десятков и сколько единиц? Следовательно, это слово сложено из трёх слов: *пять, на* и *десять,* т. е. *пять сверх десяти.* Из каких слов сложено слово *двенадцать?..*

Задачи.

Выучите наизусть и напишите без ошибок весь приведённый здесь отрывок сказки. Укажите в нём имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и глаголы. Подчеркните в нём предметы речи и сказуемые.

Перепишите 3-ю статью из хрестоматии. Отыщите в ней все имена существительные, прилагательные, местоимения и глаголы, сказуемые и предметы речи. Над именами существительными поставьте буквы *сущ.*; над прилагательными — *пр.*; над местоимениями букву *м.*; а над глаголами — *гл.* Предметы речи подчеркните одной чертой, а сказуемые двумя.

Продолжение сказки.

16. Раз он в море закинул невод, пришёл невод с одною тиной; он в другой раз закинул невод, пришёл невод с травою морской; в третий

раз закинул он невод, пришёл невод с золотою рыбкою.

Кто это закидывал невод? Где ещё бывает тина? Сам ли пришёл невод? Отчего трава названа морскою?

Сколько раз старик закидывал невод? Сколько частей в этом отрывке? Какими знаками отделена одна часть от другой? Почему между ними не поставлено точек? Сколько предложений в каждой части отрывка? Какими знаками отделены эти предложения?

Пр. *Если мы хотим в речи разделить такие части, которые по их близкой связи нельзя разделить точками, но в которых уже есть запятые, то ставим точки с запятыми.*

Сколько раз старик закидывал невод? Что попалось ему, когда он закинул *в первый* раз? Что попалось ему, когда он закинул *во второй* раз? *В который* раз закинул он невод, когда попалась ему золотая рыбка? На какой вопрос стоят в сказке слова — *тридцать три?* На какой вопрос стоит слово *третий?*

Пр. *Имена числительные бывают двух родов:* количественные, *означающие сколько предметов числом (один, два, три и т. д.), и* порядковые, *означающие, который по числу будет предмет (первый, второй, третий и т. д.).*

Задачи.

Отличите в следующих числительных именах количественные от порядковых: *первый, один, два, второй, пятый, семь, пятнадцать, семнадцать, сороковой, пятьдесят, двести.* От количественных сделайте по-

рядковые и от порядковых количественные. Напишите *количественными числительными* именами следующие числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 30, 35, 40, 50, 60, 75, 90, 102, 500, 625. При этом соблюдайте следующее правило:

Пр. *В числах 11, 12, 20, 30 и других того же рода удерживается буква д; в числах от 15 до 19, сложенных из трёх слов (пять-на-десять) мягкий знак в середине не ставится; в числах же от 50 до 80 мягкий знак в середине слова удерживается. Он удерживается также и в числах, сложенных из сотен: 500, 600 и т. д.*

Выразите те же самые числа *порядковыми числительными* именами, причём соблюдайте следующее правило:

Пр. *Слова* четвёртый, пятый *и другие порядковые, в которых ударение не на последнем слоге, оканчиваются на* ый *(кроме* третий*), а слова:* второй, шестой, седьмой, восьмой, сороковой, *где ударение на последнем слоге, оканчиваются на* ой.

---

17. В разбираемом отрывке мы можем заметить два рода слов: одни, будучи выделены из предложения, сохраняют свой самостоятельный смысл, таковы: *море, невод, закинул, пришёл, трава, морской, золотой* и т. д.; другие же слова, будучи выделены из предложения, не имеют никакого определённого значения, таковы слова: *он, с, в.* Эти слова помогают только составлять предложение, так что без них оно часто не будет иметь смысла. Попробуйте читать выученный вами отрывок сказки, выпуская из него слова, которые сами по себе, взятые отдельно, ничего не значат.

Пр. *Такие слова в речи, которые сами по себе ничего не значат, но помогают только составлять предложения, называются* служебными частями речи. *Такие же слова, которые и сами имеют своё самостоятельное значение, называются* знаменательными частями речи.

Знаменательных частей речи мы знаем уже несколько: *глагол, имя существительное, имя прилагательное и имя числительное;* а из *служебных* частей речи знаем только пока одну — *местоимение,* которое заменяет собою какое-нибудь *знаменательное* слово.

Задачи.

Укажите *служебные* и *знаменательные части речи* во всём выученном вами отрывке сказки. Напишите три глагола, три имени существительные, три имени прилагательные и три местоимения.

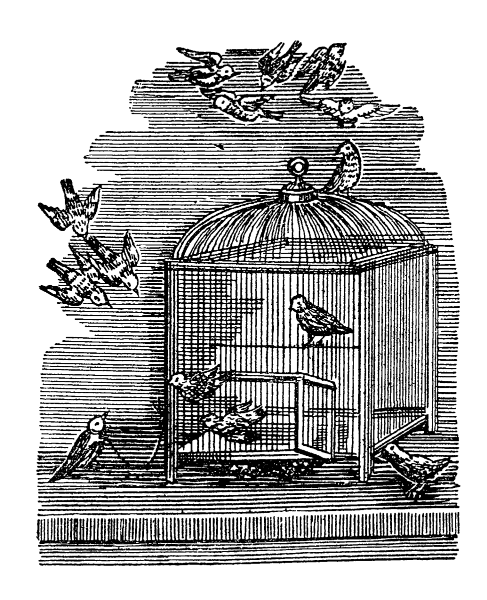
Перепишите 4-ю статью из хрестоматии и все знаменательные слова подчеркните в ней одной чертою, а все служебные двумя....

---

19. *Одна птица* **в** *клетке, другая* — **на** *клетке, две лежат* **под** *клеткой, две летят* **из** *клетки, а три* **в** *клетку, одна прыгает* **у** *клетки, несколько летают* **над** *клеткой, а одна привязана* **к** *клетке.*

Для чего служат во всех этих предложениях служебные слова: *в, на, под, из, у, над, к?* Эти слова служат для того, чтобы показать отношение птиц к клетке. Такие слова называются *предлогами.*

Пр. *Предлог есть такая служебная часть речи, которая показывает в предложении отношение одного члена предложения к другому.*

Задачи.

Теперь мы знаем четыре *знаменательные* части речи: *глагол, имя существительное, имя прилагательное* и *имя числительное,* и *две служебные: местоимение* и *предлог.* Напишите по пяти примеров каждой части речи.

Перепишите 5-ю статейку из хрестоматии; отыщите в ней все знакомые вам части речи и отметьте сверху начальными буквами. (Прилагательное пишите *пр.*; а предлог — *пред.*).

Повторение пройденного.

Что называется предложением? Какие бывают члены предложения? Какие вы знаете два главные члена предложения? На какие вопросы ставятся объяснительные слова? Какие предложения называются распространёнными? Какие нераспространёнными?

Чем разделяются предложения? Когда ставится между ними точка? Когда — запятая? Когда — точка с запятою? Когда в начале предложения пишется прописная буква?

Как разделяются части речи? Чем отличаются знаменательные слова от служебных? Какие вы знаете знаменательные части речи? Какие вы знаете служебные части речи? Что обозначает собой глагол? Что обозначает собой имя существительное? имя прилагательное? числительное? Какие бывают числительные имена? Для чего употребляется местоимение? Для чего употребляется предлог? Составьте несколько предложений, в которых были бы употреблены все известные вам части речи. Составьте такое предложение, в котором предметом речи было бы имя существительное. Составьте такое предложение, в котором сказуемым было бы имя прилагательное; такое, в котором предметом речи было бы местоимение.

Из чего состоит каждое слово? Сколько букв в русской азбуке? Как они разделяются? Когда на конце слов ставится мягкий знак? На каком слоге делается ударение? Что называется коренной частью слова? Какие слова называются составными? Какие соединительные буквы употребляются для соединения двух слов в одно?...

III.

20. *Старик ловит рыбу. — Старик ловил рыбу. — Старик будет ловить рыбу.* Какое *время* выражено в первом предложении? Какое — во втором? Какое — в третьем? Какое слово изменялось в предложении, чтобы выразить настоящее, прошедшее и будущее время? Какая часть речи — *ловит, ловил, будет ловить?*

Старуха прядёт свою пряжу. Где в этом предложении глагол? В каком времени он стоит? Поставьте его в прошедшем; поставьте в будущем.

Старик закинул невод в море. Укажите глагол в этом предложении. В каком он времени? Поставьте его в будущем времени.

Задача.

Перепишите поставленные ниже предложения и над каждым глаголом надпишите, в каком он времени (пишите сокращённо: *н. вр.*, *пр. вр.*, *б. вр.*):

Ваня учится сегодня прилежно.—Завтра Миша будет гулять.—Вчера мы поймали рыбу.—Завтра мы поедем в город.—Сегодня целый день идёт дождь.—Моя сестра любит играть в куклы.—Осенью поспеют яблоки.—Весною вскрылася река.—Камень скатился с горы.—Земляника зреет в лесу.—Сено скосили с лугов.—Птицы рано просыпаются.—Снег лежал на полях.—Ночь будет темна.

---

21. *Ваня завтра выучит свои уроки; потом он будет гулять.* Разложите эти предложения на члены. Отыщите в них сказуемые. Какими частями речи выражены в них сказуемые? В каком времени стоят оба глагола? Сколькими словами выражено будущее время в первом предложении и сколькими во втором?

Пр. *Будущее время, выражаемое одним словом, называется* простым, *а выражаемое двумя словами с помощью* вспомогательных *глаголов* (буду, стану, начну), *называется* сложным. *Глаголы* буду, стану, начну *потому и называются* вспомогательными глаголами.

Заря занималась; становилось светло; птицы пробуждались; крестьяне собирались в поле; дети спешили в школу. Сколько здесь предложений? Подчеркните в каждом сказуемое. Какими частями речи

выражены здесь сказуемые? В каком времени поставлены здесь глаголы? Скажите их в двух остальных временах.

Я завтра поеду в лес; я найду там много грибов; я нарву там много ягод. — Отыщите в этих предложениях глаголы. В каком времени они поставлены? Скажите их в прошедшем времени. Скажите в настоящем.

Пр. *Глаголы, имеющие будущее простое время, не могут быть поставлены в настоящем времени.*

Задачи.

Напишите весь выученный вами отрывок сказки. Подчеркните в нём все глаголы. Скажите, в каких временах они поставлены. Поставьте эти глаголы в других временах.

Перепишите 6-ю статейку из хрестоматии. Подчеркните в ней все глаголы и напишите сверху каждого (сокращённо), в каком времени он поставлен.

---

22. *Я ловлю рыбу.* — *Ты ловишь рыбу.* — *Он ловит рыбу.*

Разделите эти предложения на члены. Какою частью речи выражены в них сказуемые? Какою предметы речи?

Пр. *Местоимения* я, ты, он *называются* личными *местоимениями:* я — *первое* лицо, ты — *второе,* он — *третье.*

Какое ещё слово меняется в данных предложениях, кроме местоимений, и что в этом слове меняется — всё ли слово, или только окончание?

Пр. *Изменениями окончаний глаголов выражается не только время, но и лицо.*

Я пишу письмо. — *Ты читаешь книгу.* — *Он сидит на крыльце.* — Укажите в этих предложениях глаголы. В каком времени они поставлены? В каком лице? Проспрягайте их по остальным двум лицам.

Я напишу письмо; ты пойдёшь гулять; он съест яблоко. В каком времени и лице поставлены здесь глаголы? Скажите их в двух остальных лицах.

Я писал письмо; ты читал книгу; рыбак ловил рыбу. В каких временах и лицах здесь поставлены глаголы? Изменялись ли окончания глагола по лицам?

Пр. 1: *Окончания глагола изменяются по лицам только в настоящем и будущем времени. В прошедшем же времени лицо различается по личному местоимению или по смыслу предложения. В будущем сложном изменяются окончания вспомогательного глагола, а спрягаемый глагол остаётся неизменным* (я буду писать, ты будешь писать, он будет писать).

Пр. 2: *При первом и втором лице всегда ставятся или подразумеваются предметами речи личные местоимения (*я *или* ты*); при третьем же лице может быть вместо личного местоимения (*он*) всякий другой предмет, о котором ведётся речь.*

Задачи.

Отыщите глаголы в выученном вами отрывке сказки и скажите, в каком лице они стоят. Перепишите 7-ю

статейку из хрестоматии; подчеркните в ней глаголы и надпишите, в каких временах и лицах они поставлены. (Лица означайте сокращённо: 1-е л., 2-е л., 3-е л.).

---

23. *Рыбак поймал золотую рыбку.* — *Рыбаки поймали золотую рыбку.* Какую разницу замечаете вы в окончании глаголов в этих двух предложениях? Сколько действующих лиц в первом предложении? Сколько во втором? Следовательно, глагол может выражать и число действующих лиц.

Пр. *Изменениями в окончаниях глаголов выражается не только время действия и лицо действующее, но и число лиц или предметов, к которым глагол относится. Чисел два:* единственное *и* множественное.

Задачи.

Узнайте, в каких временах, лицах и числах поставлены глаголы в следующих предложениях:

Мы вчера гуляли в лесу. — Я напишу письмо. — Вы выучили урок. — Мальчик делает задачу. — Ты сорвёшь яблоко. — Ученик потерял свою книгу. — Дети рвут цветы. — Девушки сплели венок; они наберут ягод. — Крестьяне рубят дрова.

Перепишите эти предложения и переделайте сказанные в единственном числе — во множественное, а сказанные во множественном — в единственное число.

В каком числе взяты предметы в следующих словах: *деревья, стены, дети, птицы, лошади, яблоки?* Прибавьте к этим именам существительным по глаголу в настоящем времени, в третьем лице, и напишите полученные предложения. Поставьте те же существи-

тельные имена в единственном числе и сообразно тому измените окончания глаголов.

Стол. — *Крот.* — *Кошка.* — *Петух.* — *Дитя.* В каком числе эти существительные имена? Прибавьте к ним глаголы в настоящем времени и напишите полученные предложения. Поставьте те же имена во множественном числе и сообразно тому измените окончания глаголов, связанных с ними в одно предложение.

---

24. *Старик поймал рыбку.* — *Старуха поймала рыбку.* Как изменился глагол в обоих этих предложениях? Почему он так изменился? Поставьте вместо слова *старик* слово *дитя.*

Пр. 1: *В прошедшем времени окончание глагола не выражает лица, зато в единственном числе выражает род того предмета, к которому глагол относится:* старик *ловил,* старуха *ловила,* дитя *(неизвестно — мальчик или девочка) ловило.*

Пр. 2: *Родов два:* мужской и женский; *если же слово не относится ни к тому, ни к другому роду, то говорят, что оно* среднего *рода. Род слова можно узнать, приставляя к нему* указательные местоимения: *этот, эта, это:* этот мальчик, эта девочка, это дитя. *Местоимение* этот *приходится к словам мужского рода;* эта — *к словам женского рода и* это — *к словам среднего рода. Всякое существительное имя имеет род.*

Заметка. Указательные местоимения *этот, эта, это* начинаются с оборотного *э.*

Задачи.

Узнайте, какого рода следующие существительные имена: *крестьянин, крестьянка, дитя, стол, кадка, ведро, дом, церковь, село*. Возьмите эти слова за предметы речи и прибавьте к ним сказуемые из глаголов в прошедшем времени в единственном числе.

В написанных вами предложениях поставьте предмет речи во множественном числе и сообразно тому измените окончания глаголов.

Следующие существительные поставьте в единственном числе и скажите, какого рода каждое: *лошади, книги, люди, перья, рыбы, ложки, старухи, дети, рамки, картины, цветы, сундуки, прутья, мосты.*

Возьмите эти имена за предмет речи и свяжите с ними сказуемые, употребив для этого какие хотите глаголы в прошедшем времени в единственном числе.

Перепишите 8-ю статью из хрестоматии; подчеркните в ней все имена существительные и надпишите над ними, в каком числе они поставлены и какого они рода. (Пишите кратко: *ед. ч., мн. ч., м. р., ж. р., ср. р.*). Подчеркните также все глаголы и надпишите, в каком они времени, числе, лице и роде, если род виден.

---

25. *Рыбаки ловили рыбу; они поймали мало.* Сколько здесь предложений? Отыщите части предложения. Вместо какого слова стоит местоимение *они?* Какого оно числа? Как будет в единственном?

Две старухи пришли к нам; они просят хлеба. Сколько здесь предложений? Разложите на члены каждое. Вместо какого слова стоит местоимение *они*? Какого оно числа? Какого рода? Почему оно такого числа и такого рода? ....

.... *Я ловлю рыбу.* — *Мы ловим рыбу.* Какая разница в этих предложениях? В каком они времени и лице? А числе?

Ты ловишь рыбу. — *Вы ловите рыбу.* В каком времени и лице эти два предложения? В чём же разница между ними? Скажите личные местоимения *я* и *ты* во множественном числе. Скажите местоимение *он* во всех трёх родах и обоих числах.

Пр. 1: *Следовательно, изменениями в окончаниях глаголов мы можем выражать время, лицо, число, а в прошедшем времени — и род действующего предмета; лицо же в прошедшем времени выражается только переменой личных местоимений:* я *гулял,* ты *гулял,* он *гулял.*

Пр. 2: *Изменять окончания глагола и личные местоимения, при нём стоящие, для выражения времени, действия, лица, числа и рода действующих предметов — значит* спрягать *глагол.*

26. 1-й образец спряжения глагола с будущим сложным.

Настоящее время.

Единственное число. Я дела-*ю*. Ты дела-*ешь*. Он (она, оно) дела-*ет*.

Множественное число. Мы дела-*ем*. Вы дела-*ете*. Они (оне) дела-*ют*.

Прошедшее время.

Ед. ч. Я дела-*л* (дела-*ла*, дела-*ло*). Ты дела-*л* (*ла*, *ло*). Он (она, оно) дела-*л* (*ла*, *ло*).

Мн. ч. Мы дела-*ли*. Вы дела-*ли*. Они (оне) дела-*ли*.

Будущее время.

Ед. ч. Я буд-*у* делать. Ты буд-*ешь* делать. Он (она, оно) буд-*ет* делать.

Мн. ч. Мы буд-*ем* делать. Вы буд-*ете* делать. Они (оне) буд-*ут* делать ....

Заметка 3. Во втором лице настоящего времени, единственного числа, в окончании глагола всегда пишется *мягкий знак*: *ты дела-ешь.*

Заметка 4. В будущем сложном изменяется окончание вспомогательного глагола и во 2-м лице ед. ч. также всегда ставится *мягкий знак; ты будешь.* Спрягаемый же глагол остаётся неизменным и всегда оканчивается на тот же знак: *я буду делать, ты будешь делать* и т. д.

Задачи.

По этому образцу проспрягайте письменно следующие глаголы: *я жела-ю, я двига-ю, я меря-ю, я чита-ю, я покупа-ю, я се-ю, я ве-ю.* При спряжении спрягаемое окончание отделяйте черточкой от неспрягаемой части глагола ....

---

27. 2-й образец спряжения глагола с будущим сложным.

Настоящее время.

Ед. ч. Я хвал-*ю*. Ты хвал-*ишь*. Он (она, оно) хвал-*ит*.
Мн. ч. Мы хвал-*им*. Вы хвал-*ите*. Они (оне) хвал-*ят*.

Прошедшее время.

Ед. ч. Я хвал-*ил* (*ла, ло*). Ты хвал-*ил* (*ла, ло*). Он (она, оно) хвал-*ил* (*ла, ло*).

Мн. ч. Мы хвали-*ли*. Вы хвали-*ли*. Они (оне) хвали-*ли*.

Будущее время.

Ед. ч. Я буд-*у* хвалить. Ты буд-*ешь* хвалить. Он (она, оно) буд-*ет* хвалить.

Мн. ч. Мы буд-*ем* хвалить. Вы буд-*ете* хвалить. Они (оне) буд-*ут* хвалить.

Заметка. Сравнив спрягаемые окончания настоящего времени в глаголах *делать* и *хвалить*, вы заметите, что они не одинаковы. По этому различию разделяют и самые глаголы на два спряжения.

Пр. *Глаголы, имеющие в настоящем вр. во 2-м л. ед. ч. окончание* ешь, *а в 3-м л. мн. ч.* ут *или* ют, *причисляются к* первому спряжению. *Глаголы, имеющие в наст. вр. во 2-м л. ед. ч. окончание* ишь, *а в 3-м л. мн. ч. окончание* ат *или* ят, *причисляются ко* второму спряжению. *Но есть кроме того неправильные глаголы, как напр.,* бежишь — бегут, хочешь — хотят.

Задачи.

К какому спряжению принадлежат следующие глаголы: *летать, кусать, писать, бросать, белить, любить, пилить, ходить, ехать (я ед-у, ты ед-ешь), бить (я бью, ты бь-ёшь).*

Проспрягайте письменно все эти глаголы.

Заметка 1. Многие глаголы вставляют, выпускают или изменяют буквы при спряжении и в неспрягаемой части глагола: *я люб-лю, ты люб-ишь; я бег-у, ты беж-ишь; я бер-у, я бра-л; я сиж-у, ты сид-ишь, сид-ел ....*

---

28. От глагола *сидеть* настоящее время будет *сижу*, а как будет будущее время от глагола сесть? От гла-

гола *рвать* настоящее время *рву*, от глагола *разрывать — разрываю*, а от глагола *разорвать* как будет настоящее время? От глагола *кусать* настоящее будет *кусаю*, а от глагола *укусить?* От глагола *делать* настоящее время *делаю*; а от глагола *сделать?* А как будут будущие времена от тех же глаголов?

Следовательно, многие глаголы не имеют настоящего времени и именно эти-то глаголы имеют будущее простое.

Задача.

Разберите, какие из следующих глаголов не имеют настоящего времени и имеют будущее простое: *строить, выстроить; тянуть, притягивать, притянуть; сидеть, сесть, бить, убивать, убить; читать, прочитать; плакать, заплакать; желать, пожелать; лепить, вылепить; бежать, прибежать, убежать; спать, засыпать, заснуть.*

29. Образец спряжения глагола с будущим простым

Настоящего времени нет.

Прошедшее время.

Ед. ч. Я похвали-*л* (*ла*, *ло*). Ты похвали-*л* (*ла, ло*). Он (она, оно) похвали-*л* (*ла, ло*).

Мн. ч. Мы похвали-*ли*. Вы похвали-*ли*. Они (оне) похвали-*ли*.

Будущее время.

Ед. ч. Я похвал-*ю*. Ты похвал-*ишь*. Он (она, оно) похвал-*ит*.

Мн. ч. Мы похвал-*им*. Вы похвал-*ите*. Они (оне) похвал-*ят*.

Заметка. Будущее простое имеет те же окончания, как и настоящее в других глаголах, и также имеет во

втором лице ед. ч. на конце *мягкий знак*. Спряжение глаголов, не имеющих настоящего времени, определяется по окончаниям тех же лиц в будущем времени.

Задачи.

Проспрягайте по данному образцу глаголы в следующих предложениях: *Я взбежал на гору. — Я наметил стрелу в цель. — Я выследил зверя. — Я отрезал ветку. — Я взвесил железо.*

Определите, какого спряжения все эти глаголы.

Заучите наизусть и выучитесь писать без ошибок следующие пословицы и загадки:

Редко, да метко. — Метил в ворону, а угодил в сук. — Еду, еду — следу нету; режу, режу — крови нету. (Загадка). — В цене волен, а в весе не волен.

От корней *бег, мет, след, рез, вес* сделайте существительные, прилагательные и глаголы, какие можете.

Образец спряжения глаголов, оканчивающихся на ся.

Настоящее время.

Единственное число. Я хвалю-ся (или хвалюсь). Ты хвалишь-ся. Он (она, оно) хвалит-ся.

Множественное число. Мы хвалим-ся. Вы хвалите-сь. Они хвалят-ся.

Прошедшее время.

Единственное число. Я хвалил-ся (хвалилась, хвалилося). Ты хвалил-ся (хвалилася, хвалилося). Он хвалил-ся (хвалилася или хвалилась, хвалилося или хвалилось).

Множественное число. Мы хвалили-ся. Вы хвалили-ся. Они хвалили-ся (или хвалились).

Будущее время.

Единственное число. Я буду хвалить-ся. Ты будешь хвалить-ся. Он (она, оно) будет хвалить-ся.

Множественное число. Мы будем хвалить-ся. Вы будете хвалить-ся. Они (оне) будут хвалить-ся.

Заметка. Из этого видно, что глаголы, оканчивающиеся на слог *ся*, спрягать очень легко: стоит только к окончанию обыкновенного спряжения прибавлять этот слог: *я хвалю — я хвалю-ся*; *ты хвалишь — ты хвалишь-ся.* Мягкий знак везде сохраняется и перед слогом *ся*; но твердый везде выбрасывается. Иногда слог *ся* сокращается в *сь*: я хвалился — и можно сказать я хвалилась.

Задачи.

Проспрягайте по данному образцу глаголы в следующих предложениях:

Я борюсь с бедностью. — Я боюсь греха. — Я взялся за дело. — Я улыбаюсь. — Я улыбнулся. — Я смеюсь. — Я засмеялся.

Заучите следующие пословицы и поговорки: *Беда едет, беду везёт, бедой погоняет. — Грех да беда на кого не живёт. — Одному смех да потеха, а другому тын да помеха....*

Напишите на память весь выученный вами отрывок сказки. Отыщите в нём все глаголы. Проспрягайте их письменно.

Продолжение сказки.

30. Как взмолится золотая рыбка, голосом молвит человечьим: «отпусти ты, старче, меня в море, дорогой за себя дам откуп: откуплюсь, чем только пожелаешь».

Что сделала рыбка, когда её поймал старик? Говорят ли рыбы? Почему рыбу называют немою? Что значит откупаться? Какие новые знаки препинания видите вы в этом отрывке? Кто это говорит: *отпусти ты, старче, меня в море?*

Пр. *Если в речи приводятся чьи-нибудь слова, то перед ними ставится* двоеточие (:), *а чужие слова помещаются между кавычками* («—»).

Почему перед словом *откуплюсь* поставлены две точки? Потому что рыбка объясняет, каков будет дорогой её выкуп: такой, какого только пожелает старик.

Пр. *Если во втором предложении объясняется то, о чём упоминается в первом, то мгжду ними ставится* двоеточие (:).

Задачи.

Поставьте знаки препинания между следующими предложениями:

Ваня сказал сестре дай мне твою куклу.— Учитель сказал детям разверните ваши книги.— Один ученик сказал другому дай мне карандаш.

Поставьте знаки препинания между следующими предложениями:

Я заплатил дорого за эту книгу дал за неё два рубля.— Наш дом очень невелик в нём всего четыре комнаты.— Это дитя ещё очень мало ему всего три года.

---

31. *Как взмолится золотая рыбка, голосом молвит человечьим.* Сколько здесь предложений? Разложите каждое на члены. Надпишите вопросы. Какой частью

речи выражены здесь сказуемые в обоих предложениях? Проспрягайте глагол *взмолится.* Как будет в прошедшем времени? Как в будущем? Имеет ли этот глагол настоящее время? Следовательно, глагол *взмолится*, взятый отдельно, стоит в будущем времени; но здесь, в речи, оно употреблено вместо прошедшего. То же самое можно сказать и о глаголе *молвит*: взятый отдельно, по своему окончанию он выражает будущее время, а здесь, в речи, имеет смысл прошедшего времени.

Заметка. Часто случается, что глагол, в отдельности взятый, стоит по окончанию в одном времени, а в речи выражает собой другое время.

Задача.

Мальчик думал, что ружье не заряжено, и стал им играть; а оно вдруг как выстрелит!.. Лошадь шла тихо, а потом как бросится в сторону! Отыщите в этих предложениях глаголы. Покажите, в каких они временах. В каком они времени поставлены, если их брать отдельно, и какое выражают собою в целой речи? Составьте сами три предложения, в которых глагол, употреблённый в будущем времени, имел бы смысл прошедшего времени,— и вы заметите, что это почти всегда бывает, когда мы хотим выразить неожиданность, быстроту и внезапную силу действия, особенно таким глаголом, который настоящего времени не имеет. *Гром как грянет!.. Дитя как крикнет!..* и т. д.

---

32. «*Отпусти ты, старче, меня в море*». Сказуемое здесь — *отпусти*; предмет речи — личное местоимение *ты*, а слово *старче* — *звательное слово*: так рыбка назвала старика. Звательное слово стоит в предложении не на вопрос, а потому и выделяется из предложения запятыми.

Пр. *Если в предложение вносится* звательное слово, *то оно ставится между запятыми; если же* звательное слово *стоит в начале или в конце предложения, то отделяется от него запятой.*

Задача.

Отыщите звательные слова в следующих предложениях и поставьте, где следует, знаки препинания:

Ваня крикнул брату Миша поди сюда.—Приходи ты Сеня вечером ко мне я буду дома сегодня.—Учитель сказал ученику выучи ты Ваня этот урок поскорее он очень не труден.—Ученик сказал учителю объясните мне это слово господин учитель.

---

33. *Отпусти ты меня в море.* Где здесь будет глагол? Проспрягайте его в прошедшем и будущем (я отпустил, я отпущу). Какое же время выражено в глаголе *отпусти*, в котором спрягаемое окончание отброшено? Времени в нём никакого не выражено, а выражена в нём просьба рыбки и для этого употреблена особая *короткая форма* глагола, которой мы ещё не видали.

Пр. *Если глагол стоит в такой* короткой форме *и выражает собой просьбу или приказ, то говорят, что он стоит* в повелительном наклонении. *Глаголы в короткой форме оканчиваются или на* и *или на* й, *напр.*, беги—бегай, плыви—плавай, *или на мягкий знак:* кинь, сядь, *и только в слове* ляг *ставится твёрдый знак. Когда приказ или просьба относится к нескольким лицам, то к глаголу в повелительном наклонении прибавляется на конце слог* те *(окончание*

2-го лица, настоящего времени, множественного числа), перед которым мягкий *знак не выбрасывается:* сядь — сядьте, кинь — киньте, ступай — ступайте, ляг — лягте. *При обращении к лицу, которому из вежливости говорят* вы, *и повелительное наклонение ставится во множественном числе.*

«Отпусти меня, старче, в море». Отыщите сказуемое, предмет речи, звательное слово.

Пр. *При глаголе в повелительном наклонении предмет речи (личное местоимение* ты *или* вы) *очень часто выпускается; но его надобно подразумевать и не смешивать с звательным словом, которое выделяется из предложения запятыми.*

Задачи.

Принеси (ты) мне тетрадь. — Принеси мне, Ваня, тетрадь. — Нарвите, дети, цветов. — Объясните мне это слово, господин учитель. Отыщите в этих предложениях глаголы. В какой они форме? В каком числе? В каком лице? Отыщите сказуемые в этих предложениях. Отыщите предметы речи и звательные слова.

Напишите в обоих числах повелительного наклонения следующие глаголы: *встать, двигать, двинуть, читать, прочитать, лежать, лечь, сидеть, сесть, ловить, поймать, целить, прицеливаться, чесать, чесаться, мыть, умываться, умыться.*

Заметка. Повелительное наклонение имеет только одно второе лицо. Нельзя прямо приказывать ни самому себе, ни третьему лицу, с которым не говоришь.

---

34. *Сядем мы, друзья, под липу.* Разберите это предложение. В каком времени здесь глагол? В каком лице? Что выражено в этом предложении — какое-нибудь время, приказ, или приглашение?

Пр. *Будущее время в 1-м лице, мн. ч. употребляется часто как приглашение; но тогда местоимение* мы *или опускается, или ставится после глагола. Иногда в этом случае на конце глагола ставят слог* те: кинемте, бросимте. Но *в таком приглашении перед слогом* те *нет уже мягкого знака; ибо на конце глагола в будущем времени, во множественном числе стоит* твердый знак; *а этот знак перед согласными буквами никогда не ставится.*

Скажите вашему брату: пусть он придёт ко мне. Разберите, сколько здесь предложений; разберите каждое.

Пр. *Если хотят выразить требование или желание относительно третьего лица, то иногда употребляют особенное выражение с глаголом* пусть: пусть он едет.

Задача.

Выразите письменно приглашение в един. и во множ. числе следующими глаголами: *встать, сесть, лечь, выйти, закричать, написать, поехать, помолиться, одеться, умыться.*

Выразите теми же глаголами желание относительно третьего лица. Выразите повеление одному лицу и многим.

———

35. *Поймай рыбак золотую рыбку, и она сделала бы его богачом.* Сколько здесь предложений? Разберите первое и второе. В какой форме глагол в первом предложении? Выражает ли эта форма здесь приказ?

Пр. *Краткая форма глагола, кроме приказа или просьбы, может быть так поставлена в предложении, что будет выражать собою условие.*

Задачи.

Переделайте следующие предложения в повелительные: *Работник привёз дрова из лесу.* — *Дети выучили свой урок.* — *Вася сорвал яблоко.*

Попробуйте придумать такие предложения, чтобы та же краткая форма глагола выражала условие.

---

36. *Старик поймал золотую рыбку.* — *Старик, поймай золотую рыбку!* — *Старик поймал бы золотую рыбку, если бы она была.* — *Поймай старик золотую рыбку, и она бы его обогатила.* В котором из этих предложений выражается время? В котором приказ? В которых условие?

Пр. *Если глагол, взятый отдельно от предложения, выражает (изъявляет) время, то говорят, что он стоит в* изъявительном *наклонении. Если глагол, взятый отдельно, выражает приказ или просьбу, то говорят, что он стоит в* повелительном наклонении.

Рыбак не посмел взять *выкупа с рыбки.* Разложите это предложение на члены. На какой вопрос стоит здесь слово *взять*? Какая это часть речи? В каком наклонении этот глагол? В каком он времени? числе? лице? Выражает ли он приказ? Выражает ли условие?

Пр. *Если глагол, взятый отдельно от предложения, не выражает (не определяет) собою ни требования, ни условия, ни времени, ни числа, ни лица, то говорят, что он стоит в* неопределённом наклонении. *Неопределённое наклонение есть только* имя глагола. *Глагол* в неопределённом наклонении *оканчивается по большей части на* ть: двигать, чесать. *К этому окончанию прибавляется иногда слог* ся, *причём мягкий знак всегда удерживается:* двигаться, чесаться. *Немногие* глагольные имена *оканчиваются на* чь: жечь, стричь *и на ти:* идти.

Следовательно, глагол может стоять в трёх наклонениях: *или в* неопределённом, *или в* изъявительном, *или в* повелительном. *Изменять окончания глагола по наклонениям значит также спрягать его.*

Задачи.

В каких наклонениях стоят следующие глаголы: *пить, бей, спал, хожу, полюблю, пишу, молиться, молится, хвалится, хвалиться, смотрим, вижу, гадаешь, угадать, смейся, любить, люби, любил, пей, пил, гулять, гулял, погулять?*

Поставьте каждый из этих глаголов в двух других наклонениях. Если придётся ставить в изъявительном, то ставьте во 2-м лице, настоящего; если же глагол не имеет настоящего времени, то во 2-м лице будущего времени. Повелительное ставьте в обоих числах; при этом припомните правило о постановке мягкого знака.

---

37. .... *Дорогой за себя дам выкуп.* — *Крестьянин ехал большой дорогой.* Какая разница в смысле слова *дорогой* в обоих предложениях и от чего она зависит?

За кого рыбка обещается дать выкуп? На какое же слово указывает слово *себя?* Слово *себя* есть *местоимение возвратное*. Оно сокращается иногда в слог *ся* или, ещё короче, в *сь* и в таком виде прибавляется к глаголу для означения возвратного действия: *я одеваю, я одеваюся,* или *одеваюсь,* т. е. *одеваю себя.* Такие глаголы называются *возвратными.*

Заметка. Но слог *ся*, прибавляемый к глаголам, очень часто не имеет значения возвратного местоимения: *я молюся* не значит *я молю себя; я сержуся* не значит *я сержу себя.*

Задача.

Напишите пять возвратных глаголов и пять таких, которые оканчивались бы на слог *ся*, но не были возвратными.

Дам. В каком времени этот глагол? В каком лице и числе? Как будет его глагольное имя? (Неопределённое наклонение). Так ли оканчивается этот глагол в 1-м лице будущего времени, как другие глаголы?

Заметка. Глагол *дать* оканчивается в будущем времени в 1-м л. не на *у* или *ю,* а на *м*: я *дам,* а во 2-м л.: *ты дашь.* Глагол *есть* имеет в наст. вр. 1-го л. ед. ч. — *я ем*, 2-го л. — *ты ешь.*

Задачи.

Проспрягайте письменно глаголы *дать* и *есть.* Поставьте их во всех трёх наклонениях.

Напишите весь выученный вами отрывок сказки без ошибки. Подчеркните в нём все глаголы. Определите, в каких наклонениях они стоят, и если в изъявитель-

ном, то в каком времени, числе и лице. Выпишите эти глаголы отдельно и поставьте каждый в двух других наклонениях. Придумайте такие предложения, в которых те же глаголы выражали бы условие или посредством краткой формы глагола или посредством словца *бы*.

Перепишите 9-ю статью из хрестоматии; подчеркните в ней все глаголы и надпишите над ними сокращённо, в каком они наклонении, времени, числе и лице.

38. Образец полного спряжения глагола.

Имя глагола или неопред. накл.: двигать.
Повел. накл. ед. ч.: двигай., *мн. ч.* — двигайте.
Изъявительное наклонение:

Наст. вр. Ед. ч. Я двигаю, ты двигаешь, он двигает. *Мн. ч.* Мы двигаем, вы двигаете, они двигают.

Прошедш. вр. Ед. ч. Я двигал, ты двигал, он двигал (двигала, двигало). *Мн. ч.* Мы двигали, вы двигали, они двигали.

Будущ. вр. Ед. ч. Я буду двигать, ты будешь двигать, он будет двигать. *Мн. ч.* Мы будем двигать, вы будете двигать, они будут двигать.

Выражение условия. Двигай я, двигай ты, двигай он, двигай мы и т. д. Я двигал бы, ты двигал бы и т. д. *Выражения приглашения:* будем двигать, будемте двигать. *Выражение желания в отношении 3-го лица:* пусть он двигает, пусть они двигают и т. д.

Заметка 1: Кроме краткой формы глагола, которая может выражать повеление или условие, немногие глаголы имеют ещё более краткую форму, выражающую мгновенность действия: *хватай, хватать, хвать; толкать, толкай, толк. — Ястреб* хвать *цыплёнка; мартышка* толк *медведя.*

Заметка 2: Будущее сложное, как мы видим, составляется из будущ. врем. вспомогательных глаголов *быть* и *стать* и глагольного имени спрягаемого глагола. Если же глагольное имя оканчивается на согласную букву, то за нею всегда ставится мягкий знак, который не выкидывается и перед слогом *ся: молить, молиться, он молится.*

Задачи.

Проспрягайте по этому образцу следующие глаголы: *читать, хлопнуть, кинуть, кидать, учиться, креститься.* Если глагол не имеет наст. вр., то это следует означить. Если глагол имеет самую краткую форму, то написать её внизу.

Продолжение сказки.

39. Удивился старик, испугался: он рыбачил тридцать лет и три года, и не слыхивал, чтобы рыба говорила.

Чему удивился старик? Слово *рыбачил* замените другим. Отчего сказано *не слыхивал?* Можно ли было сказать: *не услышал?* Сколько в этом отрывке предложений? Какое первое? Отыщите в нём сказуемое и предмет речи. Почему после него поставлена запятая? Разберите второе предложение — *испугался.* Где здесь предмет речи?

Пр. *Предложение, в котором выпущен один из главных членов, называется* неполным предложением.

Почему после слова *испугался* две точки? Испугался ли бы старик, если бы ему часто приходилось говорить с рыбами? Какое слово можно было бы здесь поставить вместо двух точек?

---

40. Подчеркните во всём этом отрывке *знаменательные части речи*. Какие остались *служебные?* Что делает словцо *и* в речи и зачем оно поставлено? *Он рыбачил тридцать лет; он ещё рыбачил три года.* Эти два предложения соединены в одно и вышло: *он рыбачил тридцать лет и три года.* Какие слова взяты из второго предложения — предмет речи, сказуемое или объяснительные слова? Следовательно, посредством словца *и* связаны *две мысли,* или *два предложения* в одно, причём из второго предложения взяты только объяснительные слова, так как предмет речи и сказуемое в обоих предложениях одинаковы, и нет надобности их повторять. Итак, что же делает словцо *и*? Оно соединяет члены двух различных предложений в одно.

Старик рыбачил тридцать лет, но не слыхивал говорящей рыбы. Сколько здесь предложений? Чем они связаны? Следовательно, словцо *но* служит для того, чтобы связать два предложения, не соединяя их в одно. Кроме того оно показывает противоположность соединяемых им мыслей или предложений.

Пр. *Такие служебные слова в речи, которые служат для того, чтобы связывать мысли и предложения или соединять члены различных предложений в одно, называются* союзами. *Иногда союзы только связывают, а иногда показывают отношение между связываемыми частями.*

Канарейка красива и поёт приятно. — Тюльпан красив, но не душист. Сколько предложений в первой фразе? Сколько во второй? (Предложений столько, сколько сказуемых). Чем связаны предложения в первой фразе и чем во второй? Почему же в первой фразе между предложениями нет запятой, а во второй запятая поставлена? Заметьте, что в первом случае предложения *только связываются*; а во втором они связы-

ваются так, что между ними выражается противоположность: *хотя тюльпан красив, но не душист*; а судя по красоте, ему следовало бы быть душистым.

Пр. *Если два предложения стоят рядом, то они всегда разделяются каким-нибудь знаком препинания, но если предложения только связываются соединительным союзом, без указания на какое-нибудь особое отношение между связываемыми частями, то знак препинания пропускается.*

Задача.

Вот несколько пар предложений. Свяжите каждую пару каким-нибудь союзом:

Брат мой умный мальчик; брат мой добрый мальчик. — Ваня прилежный ученик; Ваня иногда шалит. — Роза красива; роза душиста. — Роза прекрасный цветок; роза имеет колючие шипы.

---

41. *Ваня был нездоров, и пошёл гулять.* Сколько здесь предложений? Чем они связаны? Почему же между ними запятая?

Пр. *Если союз* и *связывает два такие предложения, в которых выражается противоположность, или зависимость одного предложения от другого, так что этот союз мог бы быть легко заменён союзом* но *или другим, показывающим отношение, то запятая ставится.*

Почему поставлена запятая перед союзом *и* между следующими предложениями: *он рыбачил тридцать лет и три года, и не слыхивал, чтобы рыба гово-*

рила? Смысл этой речи тот, что хотя рыбак рыбачил так долго, но не слыхал говорящей рыбы. Вот почему поставлена здесь запятая, несмотря на соединительный союз *и*.

Задачи.

Поставьте запятые в следующих выражениях:

Тюльпан так красив и не душист. — Роза душиста и красива.

Напишите несколько предложений, в которых бы перед союзом *и* нужна была запятая, и несколько таких, где бы она не была нужна.

---

42. *Старик не слыхивал говорящей рыбы.* Отыщите в этом предложении сказуемое, предмет речи и объяснительные слова.

Старик *не слыхивал*, чтобы рыба *говорила*. Чем отличается это предложение от предыдущего — смыслом или образом выражения той же мысли? Сколько здесь предложений? Сказуемые видны, где же предметы речи? Чего не слыхивал старик? Следовательно, предложение — *чтоб рыба говорила* стоит вместо объяснительных слов (каких?) и служит *объяснением*, чего старик не слыхивал.

Пр. *Такое предложение, которое стоит при другом вместо объяснительных слов, мы будем называть* придаточным *предложением, так как оно* придается *к другому предложению для объяснения в нём чего-нибудь. То же предложение, для которого придаточное служит объяснением, называется по отношению к нему* главным. *Придаточное предложение всегда отделяется от главного запятою.*

Старик не слыхивал, чтобы рыба говорила. Чем связаны эти два предложения — *придаточное* и *главное?* Следовательно, какая же часть речи слово *чтобы?*

Я видел сегодня утром, как всходило солнце. Сколько здесь предложений? Где главное и где придаточное? Что придаточное предложение объясняет в главном? К какому слову в нём относится? Поставьте знак препинания там, где он нужен. Каким словом связано здесь главное предложение с придаточным? Какая это часть речи? Имеют ли слова *и, но, чтобы,* выделенные из речи, какой-нибудь самостоятельный смысл?

Мы знаем теперь, следовательно, уже три служебные части речи: *местоимение, предлог и союз. Местоимение* указывает или напоминает собою какое-нибудь имя (прилагательное или существительное), о котором говорилось в речи; *предлог* показывает различные отношения между членами предложений; а *союз* связывает отдельные мысли и предложения или соединяет члены различных предложений в одно предложение.

Задачи.

Прибавьте какие-нибудь придаточные предложения к следующим главным: Я не видел, как... Я не слыхал, чтоб... Я вижу, как... Я не знаю, как... Я люблю, чтоб... Скажите ему, чтобы... Вы не знаете, как...

Перепишите правильно 10-ю статью из хрестоматии; подчеркните в ней *все служебные* слова и надпишите над каждым, какая это часть речи — местоимение, предлог или союз.

---

43. *Слыхивать, слышать, услышать.* Какую разницу вы замечаете между этими тремя глаголами от одного корня? Можно ли сказать: *я раз слыхивал об этом?* Можно ли сказать: *я не раз слыхивал об этом?* Можно ли сказать: *я не раз услыхал об этом?* Следова-

тельно, глаголы *слышать* и *услышать* не могут быть поставлены один вместо другого, ибо выражают не одно и то же, хотя и похожи между собой.

Пр. *Глаголы бывают различных* видов. *Одни из них выражают* продолженность *действия (слышать, двигать), другие выражают* совершенность *его, быстроту или однократность (услышать, двинуть). Первые называются глаголами* несовершенного вида; *вторые — глаголами* вида совершенного. *Кроме того, некоторые глаголы выражают* многократность *действия и называются глаголами* многократного вида *(слыхивал, говаривал). Глаголы вида совершенного имеют будущее простое и не имеют настоящего времени. Глаголы многократные весьма часто употребляются только в одном прошедшем времени.*

Замечание: Легко видеть, что глагол *совершенного* вида часто можно сделать из глагола *несовершенного*, прибавив в начале глагола какой-нибудь предлог, который при этом пишется с глаголом нераздельно: *слышать — услышать; резать, отрезать, зарезать, надрезать.* Иногда для той же цели изменяется окончание глагола: *глядеть — глянуть; двигать — двинуть.* В глаголах многократного вида вставляется слог *ив* или *ыв: хаживал, видывал.* Глаголы многократного вида можно сделать только из немногих глаголов вида несовершенного. *Глаголы различных видов суть совершенно различные глаголы, только произведённые от одного и того же корня, и потому их не нужно смешивать в одном и том же спряжении.*

Задачи.

Желать, смеяться, свистать, играть, держать, снимать, прыгать, пилить, водить. Какого вида эти глаголы? Имеют ли они настоящее время? Отыщите в них коренную часть. Сделайте совершенные глаголы от тех же корней.

Лечь, взять, сесть, кольнуть, дёрнуть, кликнуть, хлопнуть, встретить, заметить. Какого вида эти глаголы? Имеют ли они настоящее время? Отыщите в них коренную часть. Сделайте от тех же корней глаголы несовершенного вида.

Похаживать, поглядывать, слыхивать, читывать, видывать, сиживать. Какого вида эти глаголы? Сделайте от тех же корней глаголы двух других видов.

Медведь рвал цепь, да не разорвал. Сколько здесь предложений? Где глагол *совершенного* вида и где — *несовершенного?* Какого вида глагол *слыхивал?*

Определите вид следующих глаголов: *двигать, двинуть, двигивать; говаривать, говорить, сказать; прочитать, читать, читывать; сесть, сиживать, сидеть; придти, ходить, хаживать; увидать, видеть, видывать.*

Перепишите 11-ю статью из хрестоматии. Подчеркните в ней все глаголы и надпишите сверху, какого они вида.

Напишите наизусть без ошибки весь выученный вами отрывок сказки. Подчеркните в нём все глаголы; определите, каких они видов и в каких наклонениях поставлены. Отыщите в них коренную часть. Сделайте от тех же корней несколько других глаголов различных видов.

Продолжение сказки.

44. Отпустил он рыбку золотую и сказал ей ласковое слово: «бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо: ступай себе в синее море, гуляй там себе на просторе».

Кто это отпустил рыбку? Почему слова рыбака названы ласковыми? Что связывает здесь союз *и*? Разделите весь этот отрывок на предложения. Объясните знаки препинания. Почему перед словами «*бог с тобою*» стоят две точки? Почему эти слова и следующие за тем поставлены в кавычках? Почему перед словами *золотая рыбка* стоит запятая? Как называется знак, стоящий после этих слов? Зачем он здесь поставлен?

Пр. *Восклицательный знак ставится часто после звательных слов, а иногда после тех предложений, в которых употреблены звательные слова.*

Разберите каждое предложение отрывка отдельно. Укажите в каждом сказуемое, предмет речи и объяснительные слова. Над каждым словом надпишите сверху, какой оно части речи. (Пишите сокращённо: *имя сущ.*, *имя пр.*, *мест.*, *гл.*, *предл.*, *с.*).

Бог с тобою. Где предмет речи в этом предложении? Где сказуемое? Сказуемое опущено: *пусть будет*, или *да будет бог с тобою*. Как же назвать такое предложение?

Пр. *Имена существительные и имена прилагательные бывают* собственные *и* нарицательные. *Нарицательные принадлежат многим предметам одного рода, собственные — одному предмету.*

Задачи.

Какое ваше собственное имя, данное вам при крещении?

Какое ваше нарицательное имя? Какое ваше собственное имя по отчеству? по фамилии? Напишите их...

Городов в России много, но всякий город имеет своё *собственное* имя. Какое *собственное* имя вашего го-

рода? А какое его *нарицательное* имя? Какое *собственное* имя вашей реки? А какое её *нарицательное* имя? *Собственное* имя губернии, где стоит ваш город, и её *нарицательное* имя? *Собственное* имя вашего отечества? А его *нарицательное* имя?

Напишите несколько существительных и прилагательных собственных имён людей, государств, губерний, городов, морей, гор, рек. Напишите собственные имена ваших родных и товарищей.

---

45. *Твоего* мне *откупа не надо.* Какая часть речи слово *мне?* Вместо какого слова оно поставлено? На какой вопрос оно стоит в предложении?...

Ступай себе в синее море, гуляй себе на просторе. Сколько здесь предложений? К кому относятся слова: *ступай* и *гуляй*? Где же, следовательно, здесь предмет речи? В каком наклонении стоят глаголы: *ступай* и *гуляй*?... Какая часть речи слово *себе*? На какой вопрос оно стоит? Этого не видно, ибо в обоих этих предложениях пропущено слово *сама*: ступай, рыбка, *сама по себе*, ступай по своей воле. Следовательно, слова *сама по себе* стоят на вопрос *как*.

Задачи.

Отыщите в выученном отрывке сказки все имена существительные, прилагательные и местоимения. Отыщите предлоги и союзы. Подчеркните слова, о которых вы не знаете, какой они части речи. Определите виды всех глаголов. Какой вид глагола *отпустить?* Сделайте глагол *несовершенного вида* от того же корня. Сделайте глагол *многократного вида* от глагола *гулять*. Проспрягайте глаголы *отпустить* и *гулять* вполне по всем наклонениям.

Продолжение сказки.

46. Воротился старик ко старухе; рассказал ей великое чудо: «Я сегодня поймал было рыбку, золотую рыбку, не простую; по-нашему говорила рыбка, домой, в море синее, просилась, дорогою ценою откупалась: откупалась, чем только пожелаю. Не посмел я взять с неё выкуп: так пустил её в синее море».

Разделите весь этот отрывок на предложения. Сколько в нём предложений? Почему после слова *чудо* стоит двоеточие и почему следующие затем слова в кавычках? Почему после слов *не простую* стоит точка с запятою? Почему после слова *откупалась* стоят две точки? Почему перед предложением — *чем только пожелаю* — стоит запятая? Как назвать это предложение относительно того, которое ему предшествует? Почему после этого предложения стоит точка? Почему далее опять двоеточие?

Воротился старик ко старухе. Разложите это предложение на члены. Скажите, какой частью речи выражен каждый член? Какая часть речи слово *ко*? Как ещё иначе можно его написать? В каком наклонении глагол *воротился?* В каком времени, числе и лице? Какого вида этот глагол? Сделайте от того же корня глагол другого вида. Проспрягайте его устно по всем наклонениям и временам.

Рассказал ей великое чудо. Где предмет речи? Как неопределённое наклонение от глагола *рассказал?* Какого вида этот глагол? Сделайте от того же корня глагол несовершенного вида и проспрягайте его устно.

Рассказать, рассказывать, сказывать, сказка, сказание, рассказчик. Где коренная часть в этих сло-

вах? В глаголе *рассказать*, следовательно, две *прибавки*: одна в начале, другая — в конце. Прибавка в начале глагола называется *приставкой*: она при спряжении не изменяется... . В глаголе *рассказать* приставлен к глаголу *сказать* предлог *раз*, который отдельно никогда не употребляется, а всегда в связи с другим словом: *разделить, разложить, рассказать* (почему после з следует писать с?), *раздел, рассказ*.

Пр. *Многие предлоги не употребляются отдельно, а всегда в слиянии с другими словами. Такие предлоги называются* слитными. *Таковы:* вы *(выбирать)*, низ *(низложить)*, воз *(возвратить)*, пере *(переехать)*. *Другие предлоги употребляются слитно и отдельно: напр., предлог* в *(в доме, вложить)*, с *(с крыши свалиться)*, у *(у стены уложить)*. *С глаголом предлог всегда сливается в одно слово и прибавка предлога даёт другой смысл глаголу:* уложить, положить, приложить, проложить, сложить, доложить, переложить, низложить, разложить, вложить, выложить. *Такие глаголы, слитые с предлогами, называются* предложными *глаголами*.

Задача.

Приставьте различные предлоги к следующим глаголам: *двигать, ехать, стать, идти, лечь, резать, метить, сесть, просить, печь, сеять, лить*. Напишите все эти предложные глаголы и определите, какого вида каждый. Перепишите 12-ю статью из хрестоматии. Подчеркните в ней все слова, слитые с предлогами. Надпишите сверху, с каким предлогом слово слито.

---

47. *Я сегодня поймал было рыбку.* Разложите это предложение на члены. Тот ли смысл был в предложении, если бы не было в нём слова *было*? Следовательно, слово *было*, прибавленное к прошедшему времени глагола, означает, что действие глагола уже окончательно миновалось: *поймал, да отпустил рыбку.*

Заметка. Глагол *быть* в настоящем времени в обоих числах употребляется только в третьем лице: *он есть, они суть.*

Задачи.

Проспрягайте письменно и вполне глагол *быть*. Какие вы знаете ещё два *вспомогательные* глагола? Проспрягайте их устно. Напишите два выражения, в которых бы слово *было* означало, что действие глагола окончательно миновалось.

---

48. *Я сегодня поймал было рыбку, золотую рыбку, не простую.* Разложите это предложение на члены. Подчеркните сказуемые. Поставьте над каждым словом вопросы. Почему в средине этого предложения поставлены две запятые?

Пр. *Если в предложении стоит несколько объяснительных слов на один и тот же вопрос, то эти слова разделяются запятыми, которые показывают, что это предложение составлено из нескольких предложений, слитых в одно.* Я сегодня поймал было рыбку; я сегодня поймал было золотую рыбку; я сегодня поймал было не простую рыбку. *Все эти три предложения слиты здесь в одно, разделённое запятыми.*

Задачи.

В нашем саду стоит развесистая липа. У самого нашего дома стоит красивая липа. У самого нашего дома стоит старая липа. Соедините эти предложения так, чтобы не было повторений и ничего не было пропущено. Поставьте знаки, где следует. Напишите три такие сложные предложения, в средине которых следовало бы поставить запятые. Перепишите 13-ю статью из хрестоматии и объясните в ней знаки препинания.

---

49. *По-нашему говорила рыбка, домой, в море синее, просилась, дорогою ценою откупалась: откупалась, чем только пожелаю.* Сколько в этом отрывке предложений? Почему в нём стоят запятые? Почему в нём две точки? Какое предложение — *чем только пожелаю?* К какому оно придано? Для чего? Разложите каждое предложение на члены. Сказуемые подчеркните. Надпишите, где следует, вопросы. Почему после слова *домой* запятая? Где подлежащее в 1-м предложении, где во 2, 3, 4, 5? Как же следует назвать первое предложение и как остальные? Укажите в этих предложениях слова, о которых вы не знаете, какой они части речи. Укажите глаголы в этом отрывке; определите их вид и наклонение. Укажите предложные глаголы.

По-нашему *гозорила рыбка.* По-каковски говорила рыбка? По-рыбьи ли? Следовательно, какая часть речи *нашему, наш, наши* и т. д.?

Пр. *Местоимения, показывающие принадлежность одного предмета другому* (мой, твой, его, свой, наш, ваш, их), *называются* притяжательными местоимениями.

Задачи.

Проспрягать письменно глаголы: *проситься, откупаться, пожелать.*

---

50. *Цена, ценою.* Где в этом слове корень? Где окончание? Какая это часть речи? Сделайте от того же корня прилагательное и глагол. Выучите следующую пословицу — *Цену вещи узнаешь, как её потеряешь.*

„*Не посмел я взять с неё выкуп: так пустил её в синее море*". Почему этот отрывок в кавычках? Кто это говорит? Сколько в этом отрывке предложений? Почему между ними две точки? Разделите оба предложения на члены; поставьте, где следует, вопросы. Укажите глаголы. Определите их вид, наклонение, время, число и лицо; укажите предложный глагол. Какой в нём предлог и к какому глаголу приставлен?

Повторение пройденного.

Как называется мысль, выраженная словами? Сколько главных членов в предложении и какие? Как называются второстепенные члены в предложении? Какое предложение называется распространённым? Какое предложение называется сокращённым и какое полным? Какое предложение называется повелительным? Какое условным? Какое предложение называется придаточным?

Составьте примеры: 1) предложения краткого, 2) предложения распространённого, 3) предложения сокращённого, 4) повелительного, 5) условного и 6) главного с придаточным.

Что ставится между предложениями? Когда между предложениями ставятся запятые? Когда в самом предложении ставятся запятые? Когда между предложениями ставится точка с запятой? Когда двоеточие? Между какими объяснительными словами ставится запятая? Когда предложения пишутся в кавычках? Когда ставится восклицательный знак? Какие слова всегда ставятся между запятыми? Когда между предложениями никакого знака препинания не ставится? Когда ставится запятая, несмотря на союз *и*? Когда предложение начинается с прописной буквы?

В подтверждение этих правил о знаках препинания напишите примеры из выученного отрывка сказки.

Сколько частей речи вы уже знаете? Какие части речи знаменательные? какие служебные?

Что обозначает имя существительное? Почему имя существительное так называется? Какие бывают имена существительные? С какой буквы следует начинать собственные имена? В каком числе бывают имена существительные? Каких родов они бывают?... Что такое имя прилагательное? Почему оно так называется? Что такое имя числительное? На какой вопрос ставится имя числительное порядковое? На какой — количественное?...

Составьте три предложения, в которых были бы употреблены имена существительные собственные. Составьте такие два предложения, в которых были бы употреблены прилагательные собственные имена.... Составьте предложение, в котором было бы порядковое числительное имя, и такое, в котором было бы количественное.

Что выражает глагол? Каких видов бывают глаголы? Как можно составлять совершенные глаголы? Как — многократные? В скольких и каких наклонениях может

быть сказан один и тот же глагол? Почему можно узнать изъявительное наклонение? А неопределённое? Что выражает собою повелительное наклонение? Что ещё может выражать краткая форма глагола? Посредством чего ещё можно сделать предложение условным? В скольких и каких временах может быть поставлен глагол в изъявительном наклонении? Каковы бывают будущие времена глаголов? Какие глаголы не имеют настоящего времени? Какие глаголы имеют будущее простое? В каком лице ставится глагол в повелительном наклонении? Как делается множественное число повелительного наклонения? Где ставится мягкий знак в повелительном наклонении? В каких ещё наклонениях, временах и лицах ставится всегда мягкий знак? На что оканчивается глагол в неопределённом наклонении? Как спрягаются глаголы, оканчивающиеся на ся? Где всегда ставится в них мягкий знак?

Составьте предложение, в котором сказуемым был бы глагол в настоящем времени. Составьте такое, в котором глагол был бы в прошедшем времени, и такое, в котором глагол был бы в будущем времени. Составьте предложение, в котором сказуемым был бы глагол в повелительном наклонении, единственного числа, и такое, в котором сказуемым был бы глагол в повелительном наклонении и во множественном числе. Составьте такое предложение, в котором краткая форма глагола выражала бы условие. Составьте условное предложение с помощью словца *бы*. Составьте предложение, в котором приглашение было бы выражено будущим временем и с помощью слога *те*. Составьте такое предложение, в котором одним из объяснительных слов был бы глагол в неопределённом наклонении.

Для чего употребляются местоимения? Какие вы знаете личные местоимения? Указательные? Притяжательные? Какое вы знаете возвратное местоимение?... Для чего употребляются в речи союзы? Какие союзы вы знаете? Для чего употребляются в предложении

предлоги? Какие вы знаете слитные предлоги?... Какие глаголы называются предложными?

Составьте два предложения, соединённые каким-либо союзом. Составьте два предложения, соединённые союзом *и* так, чтобы перед *и* не нужна была запятая. Соедините союзом *и* два такие предложения, чтобы между ними нужна была запятая. Составьте два предложения, соединённые союзом *чтобы*. Напишите десять глаголов со слитными предлогами. Составьте несколько предложений, в которых употреблены были бы следующие предлоги: *к, у, в, с, при, на, под, из....*

Что называется приставкой в слове и что окончанием?...

IV.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ.

51. Старика старуха забранила: «дурачина ты, простофиля!»

Почему после слова *забранила* две точки? Почему после слова *ты* запятая? Почему после слова *простофиля* восклицательный знак?

Старик бранит старуху. — Старика бранит старуха. Разложите на члены оба эти предложения и надпишите, где следует, вопросы. Одно ли и то же говорится в обоих этих предложениях? Как изменились вопросы над словами *старик* и *старуха?* Как изменились окончания в этих словах? Какой части речи слова *старик* и *старуха?*

Сердитый старик бранит ворчливую старуху. — Ворчливая старуха бранит сердитого старика. Разложите на члены оба эти предложения. Надпишите вопросы. Заметьте, где изменились вопросы и оконча-

ния. К каким частям речи принадлежат слова, изменившие свои окончания?

Ты *хвалил брата*; тебя *хвалил брат*. — Тебе *брат дал книгу*; ты *брату дал книгу*. — Ты *доволен братом*; *брат* тобою *доволен*. — Ты *говорил о брате; брат говорил* о тебе.

К каким частям речи принадлежит слово *ты*? По каким вопросам и как изменялось это слово?

Я нашёл два *яблока*. *Я не нашёл* двух *яблок*. *Я обрадовался* двум *яблокам*. *Я доволен* двумя *яблоками*. По каким вопросам и как изменялось слово *два?* Какая часть речи слово *два?*

Следовательно, мы видим, что различные отношения между членами предложения могут быть выражены не только предлогами, но и просто переменой окончаний имён и местоимений.

Пр. *Изменение окончаний в именах и местоимениях по различным вопросам для выражения отношений между членами предложения называется* склонением. *Глаголы* спрягаются, *а имена и местоимения* склоняются.

Кто *ловил рыбу?* Старик *ловил рыбу*. Кого *не было дома?* Старика *не было дома*. Кому *попалась рыбка*? Старику *попалась рыбка*. Кого *забранила старуха?* Старика *забранила старуха*. Кем *была поймана рыбка?* Стариком *была поймана рыбка*. О ком *говорится в сказке?* О старике *говорится в сказке*. Какое слово повторяется во всех ответных предложениях и по каким вопросам? *Просклоняйте* отдельно то же слово и по тем же *шести* вопросам: *кто? кого? кому? кого? кем? о ком?* Заметьте, что последний из этих вопросов употреблён с предлогом; другие без предлогов.

Задачи.

Напишите ответы на следующие вопросы о рыбаке: Кто *жил у моря?* Кого *не было у моря?* Кому *попалась рыбка?* Кого *послала к морю старуха?* Кем *была поймана рыбка?* О ком *говорится в сказке?...*

Возьмите то же слово во множественном числе (*рыбаки*) и склоняйте его по тем же вопросам.

Какого рода имена существительные *рыбак* и *старик*? Просклоняйте теперь имя женского рода *рыбка*, отвечая письменно на следующие вопросы: Кто *жил в море?* Кого *не поймал старик?* Кому *говорил старик?...* Кого *поймал старик?* С кем *разговаривал старик?* О ком *говорил старик своей жене?*

Просклоняйте то же слово (*рыбка*) и по тем же вопросам, но во множественном числе.

Какого рода имя *море?* Просклоняйте его, отвечая письменно на следующие вопросы: Что *расстилалося перед стариком?* У чего *жил старик?* К чему *пошёл старик?* Что *видел старик перед собою?* Над чем *собралися облака?* В чём *жила рыбка?*

Просклоняйте то же слово и во множественном числе (*моря́*).

---

52. Заметим теперь, по каким вопросам изменялись окончания слов в *склонениях.*

Первый вопрос был *кто*, когда дело шло о *старике*, о *старухе*, о *рыбке*, т. е. о предметах *одушевлённых*, — и *что*, когда дело шло о неодушевлённом предмете (*о море*). Когда слово поставлено на эти вопросы, то говорят, что оно стоит в *именительном*, или *прямом*, падеже.

Второй вопрос был *кого* — к одушевлённым предметам и *чего* — к неодушевлённым. Когда слово поставлено в ответ на эти вопросы, то говорят, что оно поставлено в *родительном* падеже.

Третий вопрос был *кому* или *чему*. На этот вопрос слова ставятся *в дательном падеже*.

Четвёртый вопрос был *кого* или *что*. На этот вопрос отвечает *падеж винительный*.

Пятый вопрос был *кем* или *чем*... На этот вопрос отвечает *падеж творительный*.

Шестой вопрос был *ком* и *чем*; но таких вопросов без предлога сказать нельзя, а говорят: *о ком? о чем? в ком? в чём? при ком? при чём? на ком? на чём?* Поэтому и самый падеж, отвечающий на эти вопросы, называется *предложным*.

При других падежах, кроме первого, *именительного*, могут быть или не быть предлоги; при *предложном* они всегда бывают; при *именительном* — никогда.

Заметка. Если мы прочтём вопросы внимательно, то заметим, что некоторые из них одинаковы для различных падежей, а именно; вопрос *что* для неодушевлённых предметов повторяется в *именительном* и *винительном*, а вопрос *кого* для одушевлённых предметов повторяется в *родительном* и *винительном*. Заметим же, что для того, чтобы на вопрос *что*, при склонении имён неодушевлённых предметов, получить непременно *винительный*, а не *именительный* падеж, мы должны спросить себя: *что я люблю?* или *что я вижу?* потому что после глаголов *люблю* и *вижу* непременно уже в ответе будет *винительный* падеж. Падеж же *именительный* непременно ответит на вопрос: *что мне нужно?* Например: *Что я вижу? Я вижу липу* (падеж винительный). *Что мне нужно? Мне нужна липа* (падеж именительный).

При склонении имён одушевлённых предметов *родительный* падеж получится в ответ на отрицательные вопросы: *кого я не люблю?* или — *кого я не вижу?* Винительный же на вопросы: *кого я люблю?* или — *кого я вижу?* Например: *Кого я не вижу? Я не вижу рыбки* (падеж родительный). *Кого я вижу? Я вижу рыбку* (падеж винительный).

Пр. *Всех* падежей, *в которых ставятся имена и местоимения,* — шесть: 1) Именительный, *или* прямой, *на вопросы:* кто? что? *Этот падеж ставится всегда без предлога и называется потому* прямым *падежом, а все остальные*—косвенными. Он называется также *началом* слова; а все другие принимаются за изменения. 2) Родительный *ставится на вопросы*: кого? чего? *(Кого или чего я не вижу?)* 3) Дательный — *на вопросы*: кому? чему? 4) Винительный — *на вопросы:* кого? что? *(Кого или что я вижу?)* 5) Творительный — *на вопросы:* кем? чем? 6) Предложный — *на вопросы:* о ком? о чём?

Задача.

Перепишите 15-ю статью из хрестоматии, подчеркните в ней все имена и местоимения, а сверху надпишите, в каком падеже слово поставлено. Пишите сокращённо, так: им. п., род. п., дат. п.

53. Образец склонений по вопросам для имён одушевлённых предметов.

Единственное число.

Им. Кто? Рыбак. *Род.* Кого? (Кого я не вижу?) Рыбака. *Дат.* Кому? Рыбаку. *Вин.* Кого? (Кого я вижу?) Рыбака. *Тв.* Кем? Рыбаком. *Пр.* О ком? О рыбаке.

Множественное число.

Им. Кто? Рыбаки. *Род.* Кого? Рыбаков. *Дат.* Кому? Рыбакам. *Вин.* Кого? Рыбаков. *Твор.* Кем? Рыбаками. *Пред.* О ком? О рыбаках.

Образец склонений по вопросам для имён предметов неодушевлённых.

Единственное число.

Им. Что? (Что мне нужно? Мне нужна...) Стрела. *Род*. Чего? Стрелы. *Дат*. Чему? Стреле. *Вин*. Что? (Что я вижу? Я вижу...) Стрелу. *Твор*. Чем? Стрелой. *Пр*. О чем? О стреле.

Множественное число.

Им. Что? Стрелы. *Род*. Чего? Стрел. *Дат*. Чему? Стрелам. *Вин*. Что? Стрелы. *Твор*. Чем? Стрелами. *Пр*. О чём? О стрелах.

Задачи.

Орех. Змея. Полено. Лошадь. Доска. Брат. Купец. Гнездо. Отличите в этих словах имена одушевлённых предметов от имён неодушевлённых. Просклоняйте их по вопросам, по данному образцу...

Подчеркните в выученном вами отрывке сказки все имена существительные; надпишите над ними вопросы, по которым они стоят; определите по этим вопросам, в каких падежах имена эти поставлены.

Перепишите 16-ю статью из хрестоматии; подчеркните в ней все *склоняемые* слова одной чертой, а *спрягаемые* двумя. Над склоняемыми надпишите, в каком они падеже.

---

54. Дитя *поймало птичку. У* дитяти *в руках птичка*. Дитяти *подарили птичку. Мать любит своё* дитя. *Мать любима своим* дитятей. *Мать заботится о своём* дитяти.

Дети *любят своих родителей. Родители остались без* детей. *Родители рады своим* детям. *Роди-*

тели любят своих детей. *Родители любимы своими* детьми. *Родители пекутся о своих* детях.

Узнайте по вопросам, в каком падеже слово *дитя* в каждом предложении, и заметьте, как это слово изменяется.

Пр. 1: *В некоторых словах при склонении не только изменяется* склоняемое *окончание, но добавляется слог, напр.*, мать — матери; имя — имени; семя — семени; время — времени. *В этих словах буква е ни в добавочном слоге, ни в склоняемом окончании никогда не ставится.* (О матери; *а не* о матере, о дитяти, *а не* о дитяте)....

Задачи.

Просклоняйте по всем падежам и в обоих числах следующие слова: *дитя, мать дочь, семя, время, имя, знамя, вещь, конь, кость, терпение, знание,* соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Слова среднего рода, оканчивающиеся на* мя, *и слова женского рода, оканчивающиеся на* мягкий знак, *оканчиваются в* дательном *и* предложном *падежах на* и, *а не на е; слова же, оканчивающиеся на* ие, *оканчиваются в* дательном *падеже на* ю, *а в* предложном *также на* и.

---

55. *Простофиля.* Кого старуха назвала простофилей? Может ли быть приложено это название к лицу женского рода? Мог ли старик сказать старухе: «Ах ты простофиля!»

Пр. *Некоторые имена существительные могут быть одинаково прилагаемы к лицам как мужского, так и женского пола; напр.,* сирота *(девочка сирота, мальчик сирота),* родня *(он мне родня, она мне родня),* ровня *и мн. др. Такие имена принято называть именами* общего *рода.*

Продолжение сказки.

56. «Не умел ты взять выкупа с рыбки! Хоть бы взял ты с неё корыто; наше-то совсем раскололось».

Почему эти слова в кавычках? Почему восклицательный знак после первого предложения? Это говорит старуха не просто, а в укор старику. Почему далее следуют две точки?

Пр. *Если в предложении объясняется причина того, что сказано в предыдущем, так что между ними можно было бы поставить слова* потому что, *то вместо этих пропущенных слов часто ставят* двоеточие.

Разделите этот отрывок на предложения. Разложите первое предложение на члены. В каком падеже стоит предмет речи? В каком падеже стоят слова *рыбка* и *выкуп?...* На какой вопрос стоит предмет речи? Кто это *ты?* Какая это часть речи? В каком падеже стоит это слово?

Разложите второе предложение на члены. Каким словом предложение это связано с предыдущим? Какая часть речи слово *хоть?* Чем выражено условие в этом предложении? С кого это — *с неё?* Как это слово пишется и как выговаривается? На какой вопрос

оно стоит? Замените его тем словом, вместо которого оно стоит. В каком же падеже слово *неё?* Следовательно, мы опять видим, что местоимения изменяются по падежам, как и имена, т. е. склоняются.

Задачи.

Перепишите 17-ю статью из хрестоматии; подчеркните в ней все местоимения, надпишите, в каком падеже каждое.

Какие вы знаете *личные* местоимения? Просклоняйте личное местоимение *я* в следующих предложениях:

Единственное число. *Я поймал рыбку. Рыбки нет у* ... (кого?). *Рыбка не попалась* ... (кому?). *Рыбка боится* ... (кого?). *Рыбка поймана* ... (кем?). *Теперь рыбка при* ... (при ком?).

Множественное число. Мы *поймали рыбку. Рыбки нет у* ... (кого?). *Рыбку дали* ... (кому?). *Рыбка боится* ... (кого?). *Рыбка поймана* ... (кем?). *Рыбка теперь при* ... (при ком?).

Замените во всех этих предложениях местоимение 1-го лица местоимением 2-го...

Рыбак *ловил рыбу.*— У рыбака *не было невода.*— Рыбаку *попалась золотая рыбка.*— Рыбака *бранила старуха.* — Рыбаком *была старуха недовольна.* — В рыбаке *было много доброты.* Определите, в каких падежах стоит слово *рыбак* во всех этих предложениях? Поставьте это слово во множественном числе.

Замените слово *рыбак* везде, как в единственном, так и во множественном числе, личным местоимением *он.* При склонении же этого местоимения соблюдайте следующее правило:

Пр. Местоимения он *и* оно *имеют в родительном и винительном п.* его, *хотя и слышится* ево. *После предлогов к этим место-*

имениям во всех трёх родах приставляется в начале буква н. (От него, к нему, за ним, к ней и т. д.).

Старуха *пряла свою пряжу*.— У старухи *пряжа не прялась*.— Старухе *надобно было корыто*.— *Рыбка рассердилась на* старуху.— *Старик был недоволен* старухой.— В старухе *не было доброты*. В каких падежах стоит слово *старуха* во всех этих предложениях? Поставьте его везде во множественном числе. Замените его личным местоимением *она* в обоих числах и всех падежах...

---

57. *Раскололось, расколоть, уколоть, приколоть, колотить, вколотить, укол, кол, раскол.* Отыщите коренную часть в этих словах. В слове *раскололось*— где приставка и где окончание? Отчего же в приставке из предлога *раз* вышел предлог *рас?*

Пр. *Слитные предлоги, оканчивающиеся на букву з, переменяют её на букву с, если слово, с которым эти предлоги слиты, начинается с букв:* к, п, х, т, ч, ц, ш, щ: расхватать, восток, распустить, исчезнуть, истребить, исцелить, раскинуть, расщепить и др.

Задача.

Напишите 20 таких слов, в которых приставками были бы слитные предлоги *раз, воз, из*. При этом соблюдите выше выставленное правило о перемене буквы *з* в *с*.

57а. *Умел, уметь, умею, умно, ум.* Отыщите коренную часть в этих словах. Следовательно, в глаголе *уметь, уме-ю, уме-ешь, уме-л* буква *е* не принадлежит ни

к корню, ни к спрягаемому окончанию, а стоит между ними, связывает их и составляет особый *слог*. Такие *связывающие слоги* в иных глаголах бывают, в других нет. В глаголе *пилю*, напр., спрягаемое окончание привязано прямо к корню; в глаголе *делаю* спрягаемое окончание *ю* привязано к корню *дел* связывающим слогом *а*.

Задачи.

Отыщите связывающие слоги и выделите их чертами в следующих глаголах: *читать, ломать, зевать, играть, заигрывать, краснеть, велеть, робеть*.

Напишите *пять* таких глаголов, в которых спрягаемое окончание было бы привязано прямо к корню, и *пять* таких, в которых бы между спрягаемым окончанием и корнем вставлялся один или несколько связывающих слогов.

Продолжение сказки.

58. Вот пошёл он к синему морю; видит: море слегка разыгралось.

Разложите этот отрывок на предложения. Оправдайте в нём знаки препинания. Разложите первое предложение на члены; надпишите вопросы. В каком падеже здесь предмет речи?

Пр. *Если предмет речи стоит в* именительном, *или* прямом, *падеже, то само такое предложение мы будем называть* прямым, *а такой предмет речи* подлежащим. *Если же предмет речи стоит в одном из косвенных падежей (напр.,* мне *больно,* ему *слышно и т. п.), то он подлежащим не называется, а всё такое предложение мы будем называть* косвенным.

Задачи.

Отличите в следующих предложениях предложения *прямые* от *косвенных:*

Он спит.— Ему спится.— Он хочет.— Ему хочется.— Ему больно. — Нам смешно. — Он смеётся.— Мне весело.— Мы веселимся.— У меня есть деньги.— У него нет денег.— Клён имеет красивые листья.— На липе зимою нет листьев.

---

59. *Вот пошёл он к синему морю.* Какое это предложение, прямое или косвенное? Где подлежащее и где сказуемое? На какие вопросы стоят объяснительные слова? На какой вопрос стоит слово *вот?* Оно стоит без всякого вопроса. Какая это часть речи?

Пр. *Некоторые знаменательные слова, выражающие* не мысли, но *различные чувства, которыми сопровождаются иные наши мысли, как-то: страх* (ай, ай!), *печаль* (ах! увы!), *удивление* (ого! ба!), *побуждение* (ну!), *или простые звукоподражания* (куку-реку, динь-динь), *или указание* (вот!),— *называются* междометиями. *Иногда междометие составляет как бы отдельное предложение и отделяется запятыми от того предложения, к которому приставлено; иногда вносится в самое предложение для усиления и запятыми от него не отделяется. Междометие не склоняется, не спрягается и стоит в предложении без всякого вопроса.*

Задачи.

Сколько же вы знаете теперь частей речи? Какие знаменательные и какие служебные? Перечислите их все и напишите по три примера каждой. Какие из них

склоняются, какие спрягаются и какие вовсе не изменяются? Перепишите 18-ю статью из хрестоматии и над каждым словом надпишите, какой оно части речи. Слова же, о которых вы не знаете, какой они части речи, подчеркните.

---

60. *К синему морю.* Какой части речи каждое слово в этом выражении? Какого рода слово *море?* В каком оно падеже? Если вместо слова *море* поставить слово *река,* то как изменится окончание прилагательного? Поставьте те же слова во множественном числе. Если слово *море* поставить в именительном пад., то как изменится прилагательное? Следовательно, окончания прилагательного имени изменяются не только по падежам и числам, но и *по родам* — соответственно роду, числу и падежу того имени существительного, к которому прилагательное приставлено.

Пр. *Прилагательные сами по себе не имеют рода; но принимают род того существительного, к которому они приставлены.*

Задачи.

Приставьте прилагательное *добрый* к следующим существительным: *отец, мать, дитя*; а прилагательное *золотой* приставьте к существительным: *ключ, кольцо, серьга*; прилагательное *синий* — к существительным: *шляпа, сюртук, море.*

Просклоняйте в единственном числе по вопросам следующие выражения: *добрый отец, добрая мать, доброе дитя,* соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *В мужском и среднем роде в родительном падеже единственного числа прилагательные имена оканчиваются на* ого *и* его

(доброго, синего), *хотя в произношении и слышится* ова *и* ева.

Просклоняйте следующие выражения в обоих числах: *золотой ключ, слепой старик, ленивое дитя, мягкое яблоко, железная цепь, синяя река. ...*

Заметка 1: Если в именительном падеже прилагательного ударение не на последнем слоге, то пишется *ий* или *ый* (синий, смелый), а если на последнем слоге, то *ой* (золотой, большой).

Заметка 2: В именах предметов одушевлённых муж. рода, а также и в тех прилагательных и местоимениях, которые к этим именам приложены, винит. п. сходен с родительным.

Перепишите 19-ю статью из хрестоматии, подчеркните в ней все прилагательные; надпишите, в каком они роде, числе и падеже.

61. *Числительные* имена склоняются также по вопросам, как имена существительные, имена прилагательные и местоимения.

Задачи.

Просклоняйте по вопросам в обоих числах следующие выражения: *один бедный рыбак, одна ветхая землянка, одно большое окно.* При этом соблюдайте следующее правило:

Пр. *Числительное* один *имеет три рода:* один, одна, одно. *В мужском и среднем роде родительный падеж оканчивается на* ого. ...

Просклоняйте следующие выражения: *два ветхие дома, две синие стрелы, два золотые кольца.* Можно ли просклонять эти выражения в единств. числе?

Просклоняйте следующие выражения: *три молодые белки, пять серых зайцев, пятнадцать высоких деревьев, пятьдесят две недели.*

Выучитесь писать правильно знакомую вам загадку на год: *двенадцать орлов, пятьдесят две галки и триста шестьдесят пять скворцов одно яйцо снесли.*

Заучите следующие пословицы: *Натаскала белка орехов в дупло: будет ей в зиму тепло.— Мыло серо, да моет бело.— Ему о деле, а он: приходи на неделе.— На одной неделе семь пятниц.*

---

62. *Море слегка разыгралось.* Разложите это предложение на члены. Поставьте вопросы. Прямое ли это предложение, или косвенное? В каком роде и числе здесь подлежащее? В каком роде и числе глагол? Поставьте подлежащим в том же предложении слово *река,* а потом слово *реки,* и заметьте, как изменяется сказуемое.

Пр. *В* прямых *предложениях* предметы речи *(подлежащие) всегда согласуются со сказуемым в числе, лице и роде, если сказуемое в своём окончании может выражать лицо, число и род, напр.:* я люблю читать, ты любишь читать, она любила читать; день долог, ночь долга, лето коротко, дни коротки. *В косвенных же предложениях такого согласования между предметом речи и сказуемым нет* (мне больно, ей больно, нам больно *и пр.*).

Задачи.

Отыщите в следующих предложениях предложения *косвенные* и *прямые;* в последних отыщите подлежащие и сказуемые и покажите, в чём они согласованы.

Пчёлы берут мёд на цветах.— Пчела очень умна.— Пчёлы очень умны.— Я хочу есть.— Мне хочется есть.— Она хотела спать.— Ей хотелось спать.

Перепишите 20-ю ст. хрестоматии. Подчеркните в ней все подлежащие и сказуемые. (Подлежащие всегда стоят на вопросы именительного падежа: *кто* или *что*?). Подчеркните косвенные предложения.

---

63. *Море слегка разыгралось.* Какими частями речи выражены здесь подлежащее и сказуемое? На какой вопрос стоит слово *слегка* и к какому слову приставлено для объяснения? Можно ли его спрягать или склонять? Показывает ли оно отношение между членами предложения? Показывает ли оно связь между мыслями? Знаменательное ли это слово, или служебное? Выражает ли оно какое-нибудь чувство криком, как междометие? Какая же это часть речи? Такой части речи мы еще не встречали.

Рыбак поймал очень *большую рыбу.* Какая часть речи слово *очень?* Можно ли его склонять или спрягать? На какой вопрос оно стоит? К какому слову приставлено?

Я сегодня *поймал было рыбку.* Какая часть речи слово *сегодня?* На какой вопрос оно поставлено? Имеет ли оно самостоятельное значение, или это слово служебное?

Наше-то (корыто) совсем *раскололось.* На какой вопрос стоит слово *совсем?* К какому слову оно придано? Знаменательное оно, или служебное? Какая это часть речи?

Рыбка просилась домой. На какой вопрос стоит слово *домой?* Знаменательное ли это слово? От какого слова оно происходит? Просклоняйте слово *дом.* Есть ли в числе его падежей слово *домой?* Какая же часть речи слово *домой?*

Дерево подгнило снизу. На какой вопрос стоит слово *снизу?* Можно ли его склонять или спрягать? Знаменательное оно, или служебное? Для объяснения какого слово оно придано?

В доме двери открыты настежь. На какой вопрос поставлено здесь слово *настежь?* Имеет ли оно своё самостоятельное значение? Попробуйте склонять его или спрягать.

Он упал дважды. На какой вопрос поставлено здесь слово *дважды?*

Не *посмел старик взять выкупа с рыбки.* Какая часть речи отрицание *не?* Придаёт ли оно особый смысл предложению? Склоняется ли оно?

Пр. *Слова, которые, выражая какое-нибудь понятие, имеют свой самостоятельный смысл и вносят его в предложение, но в то же время не могут быть ни склоняемы, ни спрягаемы (не изменяются ни по временам, ни по родам, ни по числам, ни по падежам), причисляются к особой части речи, которую называют* наречием. *В предложении* наречия *по большей части бывают объяснительными словами и стоят* чаще всего *при глаголах и прилагательных на вопросы:* когда? где? куда? сколько? как? каким образом?

Заметка. Наречия отличаются от имён, местоимений и глаголов тем, что не склоняются, не спрягаются, не изменяются ни по родам, ни по числам. От предлогов и союзов наречия отличаются тем, что имеют самостоятельное значение, тогда как предлоги и союзы суть части речи служебные и служат только для того, чтобы связывать мысли и предложения или показывать различные отношения между предложениями и словами в предложении. От междометий наречия отличаются тем, что выражают собой какие-нибудь понятия о качестве, времени, месте и т. п., тогда как междометие есть только как бы невольный *крик,* звукоподражательный или выражающий какое-либо чувство и вообще душевное движение.

Задачи.

Пересмотрите весь выученный отрывок сказки и отыщите в нём *наречия.*

Перепишите 21-ю статью из хрестоматии и подчеркните в ней все *наречия.*

---

64. *Сегодня.* Из каких слов сложено наречие *сегодня?* Из местоимения *сей* (этот) и имени существительного *день.* Из каких слов сложилось наречие *слегка?* Из предлога *с* и имени прилагательного *лёгкий.* Наречие *совсем* сложилось из предлога *с* и местоимения *весь,* взятого в творительном падеже. Наречие *снизу* сложилось из двух слов: имени существительного *низ* — в родит. п. и предлога *с.* Наречие *дважды* — из имени числительного *два,* к которому прибавилось окончание *жды.* Наречие *настежь* — из предлога *на* и того корня, который мы слышим в словах: *растегнуть, застегнуть, стежка.* Наречие *домой* образовалось из слова *дом* в неизменяемую форму.

Пр. 1: *Большей частью наречия образовались из слов, принадлежащих другим частям речи: из имён существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов и предлогов, и для того, чтобы писать такие производные наречия правильно, следует смотреть, из чего и как они образовались.*

Пр. 2: *Отрицательное наречие* не *при глаголах всегда пишется отдельно* (он не любит зимы), *за исключением глагола* ненавидеть, *ибо старинный глагол* навидеть *без отрицания теперь не употребляется...*

Заучите следующую пословицу: *Есть — словцо, как мёд, сладко; нет — словцо, как полынь, горько.*

Заметка. При прилагательных отрицательное наречие *не* иногда пишется отдельно, а иногда слитно: *слитно*, когда мы придаём предмету *отрицательное* качество (волк недобрый зверь; мышка небольшой зверёк); *отдельно* — когда мы отрицаем у предмета какое-нибудь *положительное качество*. (Волк не добр, а зол. Лошадь не кровожадное, а травоядное животное).

Задачи.

Перепишите 22-ю ст. из хрестоматии и подчеркните в ней наречия. Припомните сами десять наречий и покажите, из чего они образовались.

Напишите три предложения, в которых бы отрицание *не* от прилагательных отделялось, и три таких, в которых оно было бы написано вместе.

---

65. Мы упомянули в предшествующем уроке о двух местоимениях *сей* и *весь*, которые нам ещё не встречались. Первое из этих местоимений называется *указательным*, а второе — *определительным*.

Пр. 1: Указательными *местоимениями называются такие, в которых выражается указание на предмет или на его качество. Таковы:* сей, сия, сие *(употребляется редко);* этот, эта, это; тот, та, то; такой, такая, такое.

Пр. 2: *Местоимениями* определительными *называются такие, которые несколько определяют, каков предмет сам в себе:* весь, вся, всё; сам, сама, само; самый, самая, самое; каждый, каждая, каждое; всякий, всякая, всякое.

Задачи.

Таким образом, мы знаем теперь следующие местоимения: *личные* (какие?), *притяжательные* (какие?), *возвратное* (какое?), *указательные* (какие?), *определительные* (какие?). Напишите их.

Просклоняйте по вопросам выражения: *этот старый дом, эта тёплая изба, это высокое дерево; тот зелёный лес, та чёрная нива, то синее озеро*, соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Местоимения* этот *и* тот *в среднем и мужском роде, в родительном единственного числа оканчиваются на* ого...

Выучитесь писать правильно следующую поговорку: *За здоровье тех, кто любит всех.*

Просклоняйте выражения: *такой добрый человек, такой сильный урожай, такая сильная засуха, такое трудное дело,* соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Местоимение* такой *имеет в родительном единственного числа, мужского и среднего рода, окончание* ого, *хотя и слышится* ова...

Просклоняйте выражения: *весь длинный день, вся тёмная ночь, всё богатое село...*

---

66. *Рыбак жил* у самого *моря*. У самого *рыбака не было невода: он взял его у соседа*. От какого слова происходит слово *самого* в первом предложении и от какого слова *самого* во втором? В каком падеже употреблены оба эти слова? Чем они различаются?

Задача.

Просклоняйте выражения: *сам человек, сама женщина, само дитя; тот самый город, та самая деревня, то самое поле,* соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Местоимение* сам *в мужском и среднем роде, родительном падеже единственного числа имеет* ого, *хотя и слышится* ова ... *Во множественном числе местоимение* самый *следует также правилу прилагательных, с которыми оно сходно по окончанию* (те самые города, те самые деревни, те самые поля).

Продолжение сказки.

67. Стал он кликать золотую рыбку; приплыла к нему рыбка и спросила: «чего тебе надобно, старче?»

Сколько в этом отрывке предложений? Почему поставлены эти, а не другие знаки препинания? Какой знак стоит в конце последнего предложения? Почему он тут поставлен?

Пр. *Предложения, заключающие в себе вопрос, называются* вопросительными предложениями *и после таких предложений ставится* вопросительный знак (?).

Разложите первое предложение на члены; поставьте вопросы; сказуемое подчеркните. Есть ли в этом предложении подлежащее? Какою частью речи выражено здесь подлежащее? К каким частям речи принадлежат остальные члены предложения? В каких наклонениях поставлены глаголы? Почему на конце слова *кликать* стоит мягкий знак? В каком падеже стоят слова *золотую рыбку?* К какому слову они относятся? Почему они стоят именно в этом падеже?

Пр. *Такие глаголы, после которых удобно поставить вопросы винительного падежа*

(кого, что?), *называются глаголами* действительного *залога. Такие же глаголы, после которых нельзя поставить вопросов винительного падежа, мы будем называть глаголами* среднего залога.

Заметка. Кроме того, мы заметили уже глаголы *возвратные,* или *возвратного* залога. На что они оканчиваются? Какие действия показывают? Глаголы возвратные делаются из действительных. Все ли глаголы, оканчивающиеся на *ся*, суть возвратные?

Задачи.

Различите между следующими глаголами *действительные, средние* и *возвратные: рубить, двигать, двигаться, молить, молиться, спать, толкнуть, сесть, кликнуть, болеть, летать, бояться, чесаться, пить, разрушать, бегать, прятать, прыгнуть.*

Отыщите в выученном вами отрывке сказки все глаголы *действительного* и все глаголы *среднего* залога. При глаголах действительных поставьте какое-нибудь объяснительное слово в винительном падеже.

Перепишите 23-ю статью из хрестоматии, подчеркните в ней глаголы и сверху означьте сокращённо, какого залога каждый.

---

68. Какая разница между словами: *рыба, рыбка, рыбища, рыбина, рыбочка?*

Пр. *Многие существительные и некоторые прилагательные имена могут выражать в своих окончаниях огромность предмета, обилие какого-нибудь качества, малость предмета, малость какого-нибудь качества, особенную ласковость к предмету или презрение лица*

говорящего; иногда миловидность самого предмета, а иногда и неуклюжесть его.

Задачи.

Что выражают следующие существительные: *дом, домище, домина, домичек, домик, домишко; рука, ручка, рученька, ручище; конь, конёк, коничек, конишка; мальчик, мальчишка, мальчишечка, мальчуга, мальчуган?*

Что выражают следующие прилагательные: *тёплый, тёпленький, тепловатый; зелёный, зелёненький, зеленоватый; твёрдый, твердоватый, твердейший; сильный, сильнейший; белый, беленький, беловатый, белейший, белёхонький?...*

Измените окончания в следующих именах существительных так, чтобы эти имена выражали огромность предмета: *стол, книга, бык, старик, друг.* Измените окончания в этих существительных так, чтобы имя выражало малость предмета или особенную ласковость к нему, соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Если в уменьшительных или ласкательных именах, оканчивающихся на букву* к, *гласный звук перед этим окончанием в родительном падеже выбрасывается, то уменьшительное слово оканчивается на* ек, *а если гласный звук остаётся, то на* ик, барашек — шка; мальчик — ика; цветочек — чка.

Придайте к следующим прилагательным такие окончания, чтобы они выражали обилие какого-нибудь качества в превосходной степени: *спелый, смелый, чистый, умный, глупый, обширный, ласковый, толстый.*

---

69. *Приплыла к нему рыбка и спросила.* Сколько здесь предложений? Чем они связаны? Почему между ними нет запятой? Какого вида глаголы *приплыла* и *спросила?* Простые они или предложные? Какого они залога? В каком они времени? Какой род выражает их окончание? Почему они поставлены в этом роде? Как будут эти глаголы в настоящем времени? Припомните глаголы несовершенного вида от тех же корней? Какая часть речи слово *нему*? Как будет именительный падеж того же слова? Почему в начале слова *нему* стоит буква *н*?

Чего тебе надобно, старче? Где здесь *звательное слово?* Где предмет речи? В каком падеже он поставлен? Есть ли в этом предложении *подлежащее?* Как следует назвать это предложение, *прямым* или *косвенным?* Какая часть речи слово *тебе?*... Какая часть речи слово *чего?*

Пр. *Местоимения, выражающие вопрос, называются* вопросительными *местоимениями, таковы:* кто? что? какой? чей? который? *Те же самые местоимения могут показывать отношение одного предложения к другому, и тогда они называются* относительными.

Кто *создал мир? Бог. Следует молиться тому,* кто *создал мир.* В котором из этих предложений местоимение *кто* есть местоимение *вопросительное?* а в котором *относительное?*

Который *час? Четвёртый. Я не знаю,* который *теперь час. Чей это дом? Мой.* Я не знаю, чей *это дом.* Что *вы делаете? Не скажу. Я знаю,* что вы *делаете.* Какая *у вас книга? Библия. Сегодня была такая гроза,* какой *я еще не видывал.* Укажите в этих предложениях вопросительные и относительные местоимения. Что связывают здесь относительные местоимения?

Пр. *Относительные местоимения часто употребляются вместо союзов для соединения придаточных предложений с главными; но местоимение можно отличить от союза тем, что местоимения склоняются, тогда как союз есть неизменяемая часть речи.*

Задачи.

Составьте пять таких выражений, чтобы в каждом два предложения были связаны относительными местоимениями. Напишите пять предложений, начинающихся вопросительными местоимениями.

Просклоняйте местоимения *кто* и *что*. Вы уже употребляли все падежи их при каждом склонении; а множественного числа они не имеют.

Заучите следующие поговорки: *Чем богаты, тем и рады. — Живёшь — не с кем покалякать; помрёшь — некому поплакать.*

Просклоняйте по вопросам следующие выражения: *какой высокий дом, какая крепкая клетка, какое мелкое семя.* Местоимение *какой* склоняется так же, как и местоимение *такой.*

Просклоняйте следующие выражения: *чей дом, чья изба, чьё поле; который год, которая берёза, которое озеро,* соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *В местоимении* чей *при изменениях по падежам буква* е *заменяется мягким знаком* (чей, чья, чьё, чьего, чьей, чьи). *Прилагательное местоимение* который *склоняется, как имя прилагательное.*

Заметка. Местоимения *кто* и *что* не изменяются по родам и не имеют множественного числа; местоиме-

ния *какой, чей* и *который* имеют все три рода и оба числа; но местоимение *чей* во множественном числе по родам не изменяется.

---

70. *Чего тебе надобно?* Где в этом предложении сказуемое? Каким словом можно заменить слово *надобно?* Какая часть речи это слово?

Пр. *Многие имена прилагательные имеют два окончания: одно* полное *на* ый, ой, ий (добрый, молодой, синий, надобный), *а другое* — усечённое — *на твёрдый или мягкий знак* (добр, молод, синь, надобен). *Как полные, так и усечённые окончания изменяются по родам* (добрый, ая, ое; синий, яя, ее; добр, а, о; надобен, а, о); *но с коротким окончанием прилагательные склоняются редко, зато, поставленные сказуемыми, могут, с помощью вспомогательных глаголов, образовывать спряжения* (он добр, он был добр, я буду силён, ты станешь умён), *почему усечённое окончание прилагательных имён и называется в грамматиках окончанием* спрягаемым, *а окончание полное — окончанием* склоняемым.

Задачи.

Перемените *полные* окончания на *усечённые* в следующих прилагательных: *добрый, смелый, твёрдый, крепкий, слабый, сильный, здоровый, красивый, золотой, вчерашний, деревянный* и поставьте их во всех 3-х родах.

Заметка. Не все прилагательные могут изменять *полное* окончание в *усечённое.*

Поставьте сказуемыми следующие прилагательные: *добр, умён, силён, здоров, крепок,* и проспрягайте

полученные выражения по всем наклонениям, временам, лицам и числам.

Заметка. Неопределённое наклонение: *быть добрым, быть сильным,* или — *быть добру, быть сильну*. При настоящем времени вспомогательный глагол в русском языке не употребляется. Нельзя сказать: *он есть добр.*

Заучите следующие пословицы: *Не ладно скроен, да крепко сшит.* — *Крепки запоры, да хитры и воры.*

---

71. *Твоего мне откупа не надо.* Кто это сказал и кому? Отыщите в этом предложении сказуемое. Есть ли в нём подлежащее? Как следует назвать это предложение — прямым или косвенным? К какой части речи принадлежит каждое слово в этом предложении?

Заметка. Усечённое прилагательное *надобно* в разговорном языке часто сокращается в наречие *надо.*

Корыто надобно старухе. Корыта надобны старухе. Изба была надобна старухе. Дворец будет надобен старухе. Где в этих предложениях подлежащее и сказуемое? В какой форме употреблено в этих предложениях прилагательное *надобный?* Почему оно в такой форме? Как изменяется окончание спрягаемого прилагательного во всех этих трёх предложениях? Почему оно так изменяется?

Пр. *Будучи сказуемым в прямых предложениях, прилагательное согласуется в роде и числе с подлежащим.*

Учиться надобно. Гулять приятно. Плыть по морю опасно. Где в этих предложениях предметы речи, где сказуемые? В каком роде стоят слова *надобно, приятно, опасно?*

Пр. *Предметом речи в предложении часто бывает глагол в неопределённом наклонении; но так как неопределённое наклонение есть глагольное имя и заменяет собой здесь имя существительное в именительном падеже, отвечая на вопрос этого падежа (что опасно? плавать опасно, вместо* плавание *опасно), то мы и будем называть такие предложения* прямыми *и такие предметы речи* подлежащими.

Задачи.

Ученье полезно.—Леченье всегда неприятно.—Хождение по высоким горам затруднительно.—Лазание по высоким деревьям опасно.—Гулянье в хорошую погоду отрадно. Переделайте все эти предложения так, чтобы подлежащими были в них глаголы в неопределённом наклонении. Придумайте сами пять таких предложений.

---

72. *Он пишет красиво.* Разложите это предложение на члены. Надпишите вопросы. Определите, какая часть речи каждое слово. На какой вопрос стоит слово *красиво?* К какому слову оно прибавлено? Какая же это часть речи?

Мальчику слышно.—Девочке видно.—Дитяти весело.—Какие это предложения—прямые или косвенные? Где в них сказуемые и предметы речи? Какой же частью речи выражены сказуемые? Какие это прилагательные? В какой форме? В каком роде и числе? Согласуются ли они с предметами речи в роде и числе?

Пр. *Если прилагательное в усечённой форме стоит сказуемым в косвенном предложении или относится к словам, не имеющим*

рода, глаголам или прилагательным, то само оно ставится в среднем роде, ибо средний род показывает только, что род собственно неизвестен.

Задачи.

Сильно вспотевшую лошадь опасно поить. Разберите это предложение. Укажите в нём прилагательные. Почему прилагательные *опасно* и *сильно* стоят в среднем роде? Придумайте шесть таких косвенных предложений, в которых прилагательные были бы сказуемыми. Придумайте шесть таких, в которых прилагательные были бы объяснительными словами при сказуемом или при другом прилагательном.

Заметка. В грамматиках прилагательные в усечённой форме и в среднем роде, стоящие объяснительными словами при глаголах и других прилагательных, называются *наречиями качества.*

---

73. *Он пишет красивее меня.* Разложите это предложение на члены. Надпишите вопросы. Определите, какой части речи каждое слово.

Пр. *От многих прилагательных в усечённой форме могут быть произведены слова, выражающие собой* сравнение: красивее, выше, тяжелее, лучше. *Эти слова, выражающие сравнение, не изменяются ни по родам, ни по падежам, ни по числам; следовательно, их должны причислить к неизменяемым частям речи, имеющим свой самостоятельный смысл, т. е. к* наречиям. *Если мы хотим означить преимущество не слишком большое, то к сравнительному наречию прибавляем приставку* по: получше, покрасивее.

Слон сильнее всех зверей. Отыщите в этом предложении подлежащее, сказуемое и объяснительные слова.

Пр. *Наречия, выражающие сравнение, бывают часто* сказуемыми.

Заметка. Иные называют такие сравнительные наречия *прилагательными в сравнительной степени*; а прилагательные, показывающие превосходство качества и оканчивающиеся на *ший*, называют прилагательными *превосходной степени: добрый (степень положительная), добрее (степень сравнительная), добрейший (степень превосходная)*. Но слова *добрый* и *добрейший* меняют свои окончания по родам, числам и падежам, тогда как слово *добрее* остаётся всегда неизменным, потому мы и причислим его к *наречиям.*

Задачи.

Произведите сравнительные наречия из следующих прилагательных: *твёрд, смел, крепок, гладок, умён, силён, быстр, тонок, длинён, долог, далёк, остёр, туп, стар, сладок ....*

Произведите от тех же прилагательных другие, означающие обилие какого-нибудь качества в предмете и оканчивающиеся на ейший или айший ....

Вот несколько прилагательных, просто выражающих качество, которые потому и можно назвать прилагательными *простыми: сладкий, острый, лёгкий, тяжёлый, добрый, мягкий.* Сделайте из этих прилагательных такие наречия, которые выражали бы сравнение, и такие прилагательные, которые выражали бы превосходную степень того же качества, и поставьте эти прилагательные во всех трёх родах.

---

74. *Чего тебе надобно, старче?* Что за слово *старче* в этом предложении? Как оно будет в именительном падеже? В каком же падеже оно здесь поставлено?

Пр. *Немногие слова, взятые в русский язык из церковно-славянского, имеют особый,* звательный, *падеж: бог — боже; господь — господи; сын — сыне; отец — отче; старец — старче. В русском же языке звательные слова ставятся всегда в именительном падеже.*

Заметка. Церковно-славянским языком называется тот язык, на котором написаны наши церковные книги и на котором совершается у нас богослужение.

Продолжение сказки.

75. Ей с поклоном старик отвечает: «Смилуйся, государыня-рыбка! Разбранила меня моя старуха; не даёт старику, мне, покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсем раскололось».

Сколько в этом отрывке предложений? Почему после первого предложения стоят две точки? Почему после второго стоит восклицательный знак? Почему стоит запятая перед словами *государыня-рыбка?* Почему эти слова соединены *маленьким тире* (-)?

Пр. *Если два имени существительные, стоящие рядом, употреблены как одно название одного и того же предмета, то между ними ставится соединительная черточка* (-).

Почему между следующими предложениями стоят точки с запятыми? Почему в предложении — *не даёт старику, мне, покою* — слово *мне* стоит между запятыми?

Пр. *Если в предложении рядом с каким-нибудь словом, для яснейшего определения, поставлено в том же падеже другое, означающее тот же самый предмет, то оно или выделяется запятыми, или ставится в скобках.*

Какая часть речи слово *ей?* В каком оно падеже, какого рода и почему такого рода?...

Смилуйся. В каком наклонении этот глагол? Почему он начинается с большой буквы?

Заметка. Если двоеточие относится к нескольким предложениям, разделённым точками, то и первое предложение начинается с прописной буквы.

---

76. *Разбранила меня моя старуха.* Какая часть речи слово *меня?* Вместо какого слова поставлено слово *моя?* Что означает собой это слово? Какие вы знаете ещё притяжательные местоимения?

Задачи.

Просклоняйте следующие выражения: *мой любимый брат, моя бедная изба, моё дубовое корыто, свой лес, своя сестра, своё дело*, соблюдая при этом следующее правило:

Пр. *Родительный падеж притяжательных местоимений, в мужском и среднем роде, оканчивается на* его, *хотя и слышится* ево.

---

77. *Старик надел свою шляпу. Старик надел его шляпу.* Чью шляпу надел старик во втором предложении, свою или чужую? А в первом?

Пр. 1: Личное *местоимение 3-го лица в родительном падеже единственного и множественного числа* (его, её *и* их) *употребляется часто, как местоимение* притяжательное. *Если предмет, о принадлежности которого говорится, принадлежит самому предмету речи, тогда ставится местоимение* свой; *а если другому какому-нибудь предмету, то ставится* — его, её *и* их.

Пр. 2: *Когда личное местоимение 3-го лица употребляется как притяжательное, тогда к нему и после предлогов не приставляется буква* н: у его отца отличный сад; у него отличный сад.

Задачи.

Ёж странный зверёк: у него колючая одежда; его иглы очень колются, у него отличное чутьё; его зрение слабо; его поймать легко, но трудно взять его в руки. — Ядовитые змеи часто бывают очень красивы; но их опасно брать в руки, так как их зубы снабжены ядовитыми пузырьками. Укажите в этих предложениях местоимения личные и притяжательные.

Перепишите 24-ю ст. из хрестоматии; подчеркните в ней все местоимения; определите, какие они и в каких падежах поставлены.

---

78. *Наше-то совсем раскололось.* Чьё было корыто? Какая же часть речи слово *наше*? Какая часть речи слово *совсем*?.... Какая часть речи слово *то?*

Заметка. В разговорной речи слова иногда употребляются в виде *присловий*, таковы: *то, ка, де* и др., и тогда эти присловия присоединяются к слову соединительной черточкой *наше-то, поди-ка, я-де ему сказал.*

Старухино корыто раскололось. Старикова жена сердитая старуха. Какой части речи слова *старухино* и *старикова?* От каких слов они произведены?

Пр. *От существительных имён могут быть произведены прилагательные, означающие принадлежность предмета. Такие прилагательные называются* притяжательными: *они имеют или усечённое окончание* (старухин, на, но), *или полное* (отцовский, ая, ое).

Задачи.

Просклоняйте следующие выражения: *стариков невод, старухина изба, братнино поле, отцовский дом, человечий голос, птичий клюв, волчья слеза, медвежье ухо.*

Заметка 1: Склонение прилагательных притяжательных отличается от склонения других прилагательных. Укажите это отличие.

Заметка 2: Притяжательные прилагательные имена часто употребляются в переносном смысле: *баранья шапка* не значит, что шапка принадлежит барану.

Придумайте несколько выражений, в которых притяжательное прилагательное было бы употреблено в переносном смысле.

Произведите притяжательные прилагательные от следующих существительных имён: *зверь, белка, сестра, нога, лев, ученик, дед, дядя.*

Продолжение сказки.

79. Отвечала золотая рыбка: «Не печалься, ступай себе с богом! Будет вам новое корыто». Воротился старик ко старухе: у старухи новое корыто.

Сколько здесь предложений? Оправдайте знаки препинания. Почему после двоеточия прописная буква? В каком из этих предложений выражается повеление? Какой знак после него поставлен?

Пр. *На конце предложений, выражающих приказ, часто ставится восклицательный знак...*

Почему мягкий знак в слове *печалься?* В каком наклонении этот глагол? Как будет неопределённое наклонение? Какого он вида? Какого залога? Какая часть речи слово *не?* Почему оно здесь поставлено отдельно?

Ступай себе с богом. Где здесь сказуемое? Есть ли здесь подлежащее? В каком наклонении глагол *ступай?* Какая часть речи слово *себе?*

Заметка. Возвратное местоимение *себя* не имеет ни именит. падежа, ни множ. числа....

---

80. Теперь мы знаем с вами следующие местоимения: *личные* (какие?), *притяжательные* (какие?), *указательные* (какие?), *вопросительные* (какие?), *относительчые* (какие?), *возвратное* (какое?) и *определительные* (какие?). Нам остаётся узнать ещё один и последний вид местоимений. В противоположность определительным местоимениям, они называются *неопределёнными.*

Пр. Неопределённые *местоимения указывают на неопределённость предмета, или совсем его отрицают; таковы:* некто, нечто, никто, ничто, некоторый, несколький, никакой *и др....*

Задачи.

Некогда *жили у сичего моря старик со старухой.* — *Старику было* некогда *браниться со старухой.* Одно ли и то же означают слова *некогда* и *некогда*

в обоих предложениях? Что означает приставка *не* в первом предложении? Что означает приставка *не* во втором предложении? ...

Просклоняйте местоимения *никто, ничто*, которые склоняются, как местоимения *кто* и *что* с прибавкой *ни*. Просклоняйте местоимение *некоторый*, по всем 3-м родам и в обоих числах. Оно склоняется, как местоимение *который*, только с приставкой *не*, означающей неопределённость. ...

---

81. *Отвечала золотая рыбка.* Все ли буквы выговариваются здесь ясно? Как выговаривается здесь буква *о*? Выговорите её отчётливо. Хорошо ли это будет? Следовательно, буква *о* часто произносится так, что по выговору её трудно отличить от буквы *а*, и именно произносится так почти всегда, когда над ней нет ударения. Если же ударение стоит над буквой *о*, то она произносится так ясно, что её никак нельзя смешать ни с какой другой буквой.

Для того чтобы узнать наверно, следует ли писать *о* или *а*, должно, во-первых, смотреть, где стоит этот сомнительный звук: *в корне, в приставке* или *в окончании*. Если *в корне*, то следует брать тот же корень в различных словах или в одном и том же слове в различных его формах, в различных падежах, временах, числах и т. д. до тех пор, пока ударение станет над сомнительным звуком, тогда обнаружится ясно, какой это звук: *о* или *а*. Это возможно для большей части слов. Если же сомнительный звук стоит *в окончании* или *в приставке*, то следует их отделить, и тогда обнаружится, какую букву должно поставить.

Отвечала. В этом слове сомнителен первый звук; но мы знаем, что слово это состоит из двух слов: старинного, уже неупотребляемого глагола *вечать*, или *вещать* (говорить), и предлога *от*, а в предлоге *от* мы ясно слышим, что следует писать букву *о*.

Золотая. Здесь сомнительны оба звука *о*, и слово выговаривается, как *залатая*; но стоит нам взять другие слова того же корня, и мы ясно услышим, что здесь звук *о*, а не *а*, напр.: *зо̀лото, позоло̀та*.

Новое. Здесь несколько внушает сомнение второй звук *о*; но мы знаем, что прилагательные имена в среднем роде оканчиваются на *ое* и потому, не сомневаясь, напишем *о*.

Корыто. Здесь сомнительные звуки стоят: один в корне, другой в окончании. Станем припоминать слова от того же корня. Ясно, что слово *корыто* произошло от слова *кора*; потому что в старину корыта, вероятно, делались из древесной коры. Но в слове *кора́* ударение стоит на последнем слоге, а потому звук *о* также не ясен. Возьмём же уменьшительные от этого слова — *ко́рка*, *ко́рочка*, и мы услышим ясно звук *о*, потому что ударение перешло на него. В окончании же слова *корыто* звук *о* стоит потому, что оно среднего рода. Слова же среднего рода оканчиваются или на *о* (окно, озеро, корыто) или на *е* (море, горе), а не на *а*.

Воротился. Здесь оба звука в первых двух слогах сомнительные; но стоит припомнить слова того же корня *во́рот*, *воро́та*, и мы убедимся, что оба сомнительные звука следует изображать буквой *о*.

Задачи.

Отыщите во всём выученном вами отрывке сказки слова, в которых *о* произносится, как *а*, и объясните почему, несмотря на произношение, следует писать *о*.

Перепишите 25-ю статью из хрестоматии и подчеркните в ней все слова, где буква *о* выговаривается как *а*. Покажите, почему поставлено *о*.

Повторение пройденного.

Как называется мысль, выраженная словами? Какие члены в предложении называются главными и какие второстепенными? Какие предложения называются со-

кращёнными, полными, повелительными, условными, вопросительными, придаточными? Дайте примеры на все эти виды предложений. Чем, кроме союзов, соединяются главные предложения с придаточными? Примеры. Какие предложения называются прямыми и какие косвенными? Примеры. Когда предмет речи называется подлежащим? Как согласуется подлежащее со сказуемым, если сказуемым стоит такое слово, которое может в своём окончании выразить лицо, род и число? Примеры. Как называются предложения, в которых подлежащим глагол в неопределённом наклонении? Как согласуется сказуемое с такими подлежащими? Примеры.

Когда между предложениями ставятся знаки препинания и когда нет? Когда между предложениями ставится точка с запятою? Когда двоеточие? Когда предложения пишутся в кавычках? Когда на конце предложения ставится восклицательный знак и когда вопросительный? Когда после двоеточия пишется прописная буква? Когда объяснительные слова в предложении разделяются запятыми? Какие слова в предложении выделяются всегда запятыми? Примеры предложений со словом вводным и со звательным словом.

В подтверждение правил о знаках препинания приведите примеры из сказки Пушкина.

Сколько всех частей речи вы знаете? Какие из них знаменательные и какие служебные? Какие изменяемые и какие неизменяемые? Какие спрягаемые и какие склоняемые? Какие части речи изменяются по родам? В каких временах окончание глагола показывает род? В каких временах окончание глагола показывает лицо?

Что обозначает собою имя существительное и почему оно так называется? Какие имена существительные называются собственными и какие нарицательными? Примеры. Как узнавать род имён существительных? Какие имена общего рода? Примеры. Что называется склонением? Сколько всех падежей? Какой падеж называется прямым и какие падежи косвенными? Какой падеж и

почему называется предложным? Как различить именительный и винительный падежи при склонении имён предметов неодушевлённых? Примеры. Как различить родительный и винительный падежи при склонении имён предметов одушевлённых? Примеры. В каких именах родительный падеж сходен с винительным?. ... Как склоняются имена существительные, оканчивающиеся на *ие* и *ия?* Как склоняется слово *дитя?* Какие имена существительные называются увеличительными, уменьшительными, ласкательными, презрительными? Примеры.

Что выражает собою имя прилагательное и почему оно так называется? Какой род выражается в окончании имён прилагательных? Какое окончание имён прилагательных называется спрягаемым и почему так называется? Для чего употребляются прилагательные со спрягаемым окончанием? Примеры. В каком роде и в какой форме ставится прилагательное, когда оно приложено к глаголу, к другому прилагательному или стоит в косвенном предложении сказуемым? Примеры. Как называются в грамматиках прилагательные в такой неизменяемой форме? На что оканчиваются полные прилагательные с окончанием муж. и средн. рода в родительном падеже единственного числа? Когда в прилагательных родительный п. сходен с винительным?.... На что оканчиваются прилагательные в именительном падеже множественного числа? Примеры. Какие прилагательные оканчиваются в именительном пад. муж. р. на *ой*? Примеры. Какие из прилагательных называются притяжательными? Примеры.

Что обозначает собой имя числительное? Какие два вида числительных вы знаете? Примеры. В каких родах употребляется числительное *один*? Как будет в муж. и сред. р. родительный пад. един. ч.? А имен. пад. множ. в женск. р.? В каких родах употребляется числительное *два?* Примеры.... В каких сложных числительных именах употребляется мягкий знак? Примеры.

Для чего употребляются в речи местоимения? Какие вы знаете местоимения? Приведите по нескольку при-

меров каждого вида местоимений.... Напишите все известные вам местоимения в родительном падеже единственного числа.... Как отличить вопросительное местоимение от относительного? При каком местоимении и когда в начале ставится буква *н*? Когда и в каких падежах местоимение 3-го лица употребляется как притяжательное? Когда при словах *его*, *её* и *их* ставится и когда не ставится в начале буква *н?*

Что выражает собой глагол? Каких видов бывают глаголы? Представьте по несколько примеров каждого вида. Каких залогов бывают глаголы? Как отличить глаголы действительные от средних? Какие глаголы называются возвратными? Что называется спряжением глагола? По каким наклонениям спрягаются глаголы? На что оканчиваются глаголы в неопределённом наклонении? Когда перед окончанием *ся* ставится мягкий знак? Почему это наклонение называется неопределённым? Почему изъявительное наклонение так называется? Сколько времён имеет изъявительное наклонение? Какое будущее называется простым и какое сложным? Какие глаголы имеют будущее простое и какие — сложное? Какие глаголы не имеют настоящего времени? Что ещё, кроме времени, выражается в окончаниях глагола в настоящем и будущем простом времени? Что выражается в окончаниях глагола, когда он употребляется в прошедшем времени? На что всегда оканчивается 2-ое лицо ед. числа, настоящего и будущего простого времени? Что выражает собой повелительное наклонение? В какой форме стоит глагол в повелительном наклонении? На что оканчиваются глаголы в краткой форме? Примеры. Как делается множественное число повелительного наклонения? В каком лице бывает всегда повелительное наклонение? Когда в повелительном наклонении пишется мягкий знак? Пример. Как выражается приглашение в первом лице множ. ч.? Пример. Почему здесь перед слогом *те* не ставится мягкий знак? Как выражается желание или требование, относящееся к третьему лицу? Пример. Что может собой ещё выражать краткая форма глагола,

кроме повеления? Пример. Как спрягаются глаголы, оканчивающиеся на *ся*, и когда перед этим слогом ставится в них мягкий знак? Пример....

Для чего употребляются в речи союзы? Примеры. Какие союзы вам встречались? Когда союз исключает запятую? Пример. Когда союз запятой не исключает? Пример. Чем ещё связываются предложения, кроме союзов? Пример. Как отличить союз от местоимения?

Для чего употребляются в речи предлоги? Какие предлоги называются слитными? Примеры.... Когда в приставленных предлогах буква *з* переходит в *с*? Примеры.

Какие слова называются наречиями? Какая это часть речи? знаменательная или незнаменательная, изменяемая или неизменяемая? Какое вы знаете отрицательное наречие? С какими словами оно соединяется и от каких отделяется? Примеры.... Как образуются наречия? Примеры. Какие наречия называются сравнительными? Примеры. Как пишутся сравнительные наречия? Пример. Как ещё называются в грамматиках сравнительные наречия? Как выражается превосходная степень качества? Как выражается небольшое превосходство в качестве? При каких частях речи чаще ставятся наречия? Примеры. На какие вопросы они служат ответом?

Какие буквы называются гласными и какие согласными? Как узнать, где в слове ударение? Что называется приставкой и что окончанием? Пример. Какие вы знаете окончания, где буква *г* выговаривается как *в*? В окончании каких прилагательных следует писать *ой*, а не *ый*? Примеры. Как следует писать и как выговаривать родительный падеж местоимения *она?* Как винительный падеж этого местоимения? Составьте два предложения, в которых это местоимение было бы притяжательным.... Примеры. Где ставится буква *э?* Когда в окончании глаголов ставится мягкий знак?

Задачи.

Написать наизусть весь выученный отрывок сказки «О рыбаке и рыбке». Оправдать в нём все знаки препинания. Отыскать в нём все прямые и косвенные предложения. Подчеркнуть в нём все сказуемые и подлежащие. Указать в нём все имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, предлоги, союзы и междометия. Указать в нём прилагательное притяжательное. Указать в нём числительные порядковые и количественные. Указать в нём местоимения личные, притяжательные, указательные, вопросительные и относительные. Указать в нём падежи всех склоняемых слов. Указать в нём наклонения всех глаголов. Определить виды всех глаголов. Указать в нём глаголы залога действительного и среднего.... Указать в нём слитные предлоги. Отыскать везде мягкий знак и показать, почему он поставлен.

V.

СЛИЯНИЕ И СВЯЗЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

82. Яблоня цветёт весною. — Груша цветёт весною.

Эти два простые предложения можно связать так: *яблоня цветёт весною и груша цветёт весною.* Чтоб не повторять два раза слов *цветёт* и *весною* (а чем короче выразить свою мысль, тем лучше), мы можем *слить* эти два *простые* предложения в одно предложение *сложное: яблоня и груша цветут весною.* Сколько в этом сложном предложении сказуемых и подлежащих? Как изменилось сказуемое?

Задачи.

Вот несколько пар простых предложений: соедините каждую пару в одно предложение — сложное.

Сосна хвойное дерево. Ель хвойное дерево.

Рожь уже созрела. Пшеница уже созрела.

Корова травоядное животное. Лошадь травоядное животное.

Портной называется ремесленником. Столяр называется ремесленником.

---

83. В одном предложении может быть слито несколько предложений: три, четыре и более. Прибавим к двум прежним предложениям третье: *весною цветёт вишня* — и у нас выйдет следующее сложное предложение: *яблоня, груша и вишня цветут весною*. Сколько в этом предложении подлежащих и сказуемых? Где и почему поставлена запятая? Можно ли так сказать: *и яблоня, и груша, и вишня цветут весною?*

Пр. *Если союз* и, *связывая одинаковые части предложений, повторяется несколько раз, то эти части разделяются запятыми, несмотря на союз.*

Соедините по обоим способам каждые три *простые* предложения, написанные отдельно, в одно предложение сложное.

Сосна хвойное дерево. Ель хвойное дерево. Кедр хвойное дерево.

Рожь созрела. Пшеница созрела. Ячмень созрел.

Корова травоядное животное. Лошадь травоядное животное. Овца травоядное животное.

Реки замёрзли. Пруды замёрзли. Озёра замёрзли.

---

84. *Золото красиво.* Где здесь подлежащее? Где сказуемое? Прибавим к этому предложению другое: *золото прочно.* Оба эти предложения можно слить в одно: *золото красиво и прочно.* Прибавим к этому же слож-

Отдѣленіе третье.

~~Отдѣлъ III.~~

Связь предложеній.—

№ 1.

Весною цвѣтетъ яблоня, весною цвѣтетъ груша, весною цвѣтетъ яблоня, или: яблоня, груша и вишня цвѣтутъ весною.—

Сосна хвойное дерево, ель хвойное дерево, кедръ хвойное дерево, или ...(x)

—Рожь созрѣла, пшеница созрѣла, ячмень созрѣлъ, или...— Корова травоядное животное, лошадь травоядное животное, овца травоядное животное, или....— Столяръ называется ремесленникомъ, портной называется ремесленникомъ, сапожникъ называется ремесленникомъ, или....— Зима пришла; рѣки замерзли, озера замерзли, пруды замерзли, или....—

(x) Ученики соединяютъ предложенія сначала словесно, а потомъ выполняютъ туже задачу письменно.—

Из черновых рукописей Ушинского (*Ред.*)

ному предложению третье: *золото дорого*, и у нас выйдет тогда такое сложное предложение: *золото красиво, прочно и дорого.* Сколько здесь подлежащих и сказуемых? Где запятая?

Следовательно, при соединении в предложении многих сказуемых соблюдается то же правило в постановке знаков, как и при соединении многих подлежащих.

Задачи.

Разложите на простые предложения следующие сложные:

Дело и учит, и мучит, и кормит.—Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает.

Заметка. Мы видим, что в первом предложении первое *и* поставлено только для *усиления* выражения, а во втором совсем нет союза. Если союз *и* стоит только для усиления выражения, то может стоять даже между подлежащим и сказуемым, как в первом примере.

Соедините тем или другим способом следующие группы предложений.

Стекло прозрачно. Стекло гладко. Стекло хрупко.

Осенью крестьянин пашет землю. Осенью крестьянин боронит землю. Осенью крестьянин удобряет землю. Осенью крестьянин сеет озимую рожь.

Я сегодня встал рано. Я сегодня умылся. Я сегодня помолился богу. Я сегодня выучил свой урок.

---

85. Птицы летом живут в лесах. Птицы летом живут в лугах. Птицы летом живут на болотах. Птицы летом живут на озёрах. Птицы летом живут на реках.

Разложите каждое из этих предложений на члены. На какой вопрос стоят в этих предложениях объяснительные слова: *в лесах, в лугах, на болотах, на озёрах, на реках?* Слейте все эти предложения в одно, припоминая уже знакомое вам правило, что если в предложении стоит несколько объяснительных слов на один и тот же вопрос и эти слова не соединены союзом *и,* то разделяются запятой. При повторении же этого союза запятая опять ставится.

Задачи.

Составьте сложные предложения из следующих простых:

Лошадь сильное животное. Лошадь быстрое животное. Лошадь умное животное.

Надобно писать правильно. Надобно писать чётко. Надобно писать красиво. Надобно писать скоро.

Рыбу ловят удочками. Рыбу ловят вершами. Рыбу ловят сетями. Рыбу ловят неводом.

---

86. Волга большая река. Днепр большая река. Дон большая река. Волга судоходная река. Днепр судоходная река. Дон судоходная река.

Все эти шесть предложений можно соединить в одно: *Волга, Днепр и Дон большие и судоходные реки.* Разложите это сложное предложение на члены. Сколько в нём подлежащих и сказуемых? Сколько объяснительных слов на один и тот же вопрос? Где и почему поставлена запятая?

Задачи.

Соедините следующие предложения:

Роза красивый цветок. Лилия красивый цветок. Гвоздика красивый цветок. Роза душистый цветок. Лилия душистый цветок. Гвоздика душистый цветок.

Книги вынуты из шкафа. Тетради вынуты из шкафа. Доски вынуты из шкафа. Книги положены на стол. Тетради положены на стол. Доски положены на стол.

Кузнец взял полосу железа. Кузнец раскалил полосу железа в горне. Кузнец выковал из полосы железа шину для колеса.

Белка отыскала себе дупло. Белка вычистила дупло. Белка натаскала в дупло орехов. Белка стала в дупле жить.

Заметка. Припомните, что для избежания повторений имена могут быть заменяемы местоимениями.

---

87. Фиалка простенький цветок. Фиалка душистый цветок.

В этих двух предложениях фиалке приписываются качества, несколько противоположные, и если мы захотим именно указать на эту противоположность, то нам следует употребить *противительный* союз *но*, а не *соединительный и*. Перед союзом, который не только соединяет или разделяет мысли, но и указывает на их отношение, всегда ставится запятая; *фиалка простенький, но душистый цветок.*

Задачи.

Свяжите союзом следующие предложения:

Олень дикий зверь. Олень вовсе не кровожадный зверь.

Тюльпан красив. Тюльпан не имеет никакого запаха.

Солнце светит зимой ярко. Солнце зимой очень мало греет.

Можно быть резвым мальчиком. Не должно быть злым мальчиком.

Земляника красивая ягода. Земляника вкусная ягода.

Мухомор очень красивый гриб. Мухомор ядовитый гриб.

Заметка. Союз *но* часто заменяется союзом *а*...

Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба.

88. Железо дешевле меди. Железо дешевле серебра. Железо дешевле золота. Железо̀ полезнее всех металлов.

Прочитав эти четыре предложения, мы легко заметим, что они находятся между собой не в одинаковом отношении: первые три могут быть просто соединены, но четвёртое полагается как бы в противоположность всем трём первым, следовательно, и должно быть отделено не от одного последнего, а от всех трёх, ему предшествующих. Для этого можно употребить *точку с запятой* и у нас выйдет предложение: *железо дешевле золота, серебра и меди; но оно полезнее всех металлов.*

Задачи.

Соедините и свяжите следующие предложения:

Соловей маленькая птичка. Соловей серенькая птичка. Соловей не очень красивая птичка. Соловей поёт лучше всех птиц.

Дождь был сильный. Дождь был холодный. Дождь был продолжительный. Дождь не повредил хлебам.

---

89. Союз *да* заменяет собой иногда союз *и*, а иногда союз *но*; в первом случае он исключает запятую, во

втором нет; *Ваня, Коля да Вася пошли в сад гулять. Я пошел было гулять, да дождь помешал.* В котором из этих предложений союз *да* заменяет *и*, а в котором *но*?

Задачи.

Разберите, из каких предложений сложена следующая пословица и объясните в ней знаки препинания:

С малинника лыки не велики, да ягоды сладки; а с калинника лык надерёшь, да ягод в рот не возьмёшь.

Иногда союзы *а* и *но*, выражающие противоположность, пропускаются и на место их ставится *двоеточие: с малинника лыки не велики, да ягоды сладки: с калинника лык надерёшь, да ягод в рот не возьмёшь.*

---

90. Предложения, имеющие одно общее подлежащее и сказуемое, *сливаются* в одно предложение сложное; предложения же, имеющие отдельное подлежащее и отдельное сказуемое, только *связываются*.

Задачи.

Вот несколько предложений: слейте те, которые можно, в одно предложение, а другие свяжите союзами или замените, где можно, союз двоеточием.

Яблоня отцвела давно. Груша отцвела давно. Липа только что начинает цвести.

Лев ревел. Лев кусал свои лапы. Лев валялся по земле. Лев не мог разорвать сетей. Лев запутывался в них больше и больше.

Ворона вьёт себе гнездо. Ласточка вьёт себе гнездо. Воробей вьёт себе гнездо. Кукушка кладёт свои яйца в чужие гнёзда.

В пруду водились караси. В пруду водились лещи. В пруду водились окуни. Хозяин развёл в пруду щук. Щуки истребили всю остальную рыбу.

---

91. В Волге водится множество различной рыбы: осетры, белуги, стерляди, щуки и многое множество других.

Из каких простых предложений сложено это сложное предложение? Где и почему поставлено двоеточие?

Пр. *Перед исчислением каких-нибудь предметов, о которых впереди упоминается вообще, ставится двоеточие.*

Задачи.

Отвечайте на следующие вопросы такими сложными предложениями, в которых следовало бы поставить двоеточие, и отвечайте так, чтобы в ответе был повторён вопрос:

Какие деревья растут в лиственном лесу? Какие части имеет дерево? Какого цвета бывают глаза у людей? Какие металлы называются драгоценными?

---

92. Лихо не лежит тихо: либо пятится, либо валится, либо по плечам рассыпается.

Сколько в этой пословице соединено предложений? Почему в ней поставлено двоеточие? Где и почему поставлены запятые?

Пр. *Если разделительные союзы* или *и* либо *в предложении или между предложениями повторяются, то не исключают запя-*

той; если же разделительный союз *стоит один и выражает только разделение, не указывая ни на какое особенное отношение между частями, то исключают запятую, как и соединительный союз* и.

Задача.

На бумаге пишут карандашом или чернилами. Весной сеют на поле всякий яровой хлеб: или пшеницу, или овёс, или просо, или ячмень, или яровую рожь. Разберите эти сложные предложения; объясните в них знаки препинания.

---

93. Железная дорога, или чугунка, перевозит громадные тяжести.

Почему в этом предложении перед *или*, хотя оно и не повторяется, стоит запятая?

Пр. *Если разделительный союз* или *стоит перед таким словом, которое не вносит в предложение нового предмета, а только объясняет другое, прежде стоящее слово, то это слово вместе с союзом выделяется из предложения запятыми как слово вводное.*

Задачи.

Соедините посредством союза *или* и других союзов следующие предложения:

Землю обрабатывают плугом. Землю обрабатывают сохой. Землю обрабатывают заступом.

В северных странах бывает очень холодно. В северных странах бывает очень жарко. В северных странах умеренное тепло бывает недолго.

Хвои бывают на различных хвойных деревьях. Хвои не что иное, как иглистые листья. Хвои бывают на сосне. Хвои бывают на кедре. Хвои бывают на пихте. Хвои бывают на лиственнице. На лиственнице хвои опадают зимой.

Перепишите 26-ю ст. из хрестоматии. Объясните в ней знаки препинания.

---

94. На развесистой липе, которая стоит у нас в саду, пчёлы берут много мёду.

Сколько здесь соединено предложений? Какое из них главное? Какое объяснительное или придаточное? Где поставлено придаточное? Для объяснения какого слова оно придано? Каким словом оно соединено с главным? В каком роде, числе и падеже стоит относительное местоимение *который?*

Разберите также следующие предложения:

Худо тому, кто добра не делает никому....—Чего в другом не любишь, того и сам не делай. — Чей дом, того и хоромы; чей берег, того и рыба; чья земля, того и сено. — Каков поп, таков и приход; какова яблоня, таковы и яблочки. — Глуп совсем, кто не знается ни с кем. — Не та собака кусает, что громко лает; а та, что молчит, да хвостом виляет.

Пр. *Придаточные предложения часто соединяются с главными посредством относительных местоимений:* который, кто, что, чей, какой, *и тогда эти местоимения согласуются в роде и числе с тем словом в главном предложении, для объяснения которого придаточное предложение придано. Падеж же*

№ 12.

Весьма полезно было бы ввести в книгу [illegible] несколько статей, [illegible] на задачу для учеников.—

На развесистой липе много пчел берет мед; эта липа растет у нас в саду; или: на развесистой липе, которая растет у нас в саду, много пчел берет мед.— У забора растет высокий бурьян; этот забор окружает наш сад, или: ... — Доски сделаны из [illegible]; на этих досках ученики пишут в классе, или: ... — Какая часть руки называется [illegible] предплечьем?... — Какая часть руки называется голенью?... — Какие морские [illegible] называются [illegible]?... — Какие деревья называются хвойными? Какие животные называются [illegible]?... Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.—

№ 20

Я сидел у окна и читал книгу; или: сидя у окна, я читал книгу.— Ворона летала над лесом и каркала, или.... — Я пришел домой и нашел там гостей; или.... — Ручей журчит и бежит по камешкам; или:.... — Я счастлив, когда читаю хорошую книгу, или... — Я думал о том, когда гулял по берегу реки, или... [illegible], когда [illegible]; или.. Когда [illegible]; или:... — Терпи, в люди выйдешь — Сидя на коне, гляди под коня.— Ахают [illegible], на себя глядя — Своя мать, бья, не прибьет, а чужая, гладя, прогладит —

Из черновых рукописей Ушинского (*Ред.*)

этих местоимений, заменяющих собою союзы, зависит от вопроса, на который отвечают они в придаточном предложении.

Задачи.

Поставьте в первом разобранном вами предложении слово *липа* во множественном числе и заметьте, как изменится относительное местоимение. Замените слово *липа* словом *дуб* и слово *много* — словом *мало*, потому что на дубе пчёлы мало берут мёду. Замените слова *развесистая липа* словами *душистая гречиха*, а слово *стоит* словом *посеяли* и посмотрите, как изменится падеж относительного местоимения. Почему он так изменяется? Какого залога глагол *посеять?*

Соедините следующие предложения так, чтобы одно из них было главным, а другое придаточным:

У забора растёт высокий бурьян. Этим забором окружён наш сад.

Грифельные доски сделаны из шифера. На этих досках ученики пишут в классе.

Лошадь мала, худа и некрасива. На этой лошади крестьянин пашет поле. Она полезнее дорогого верхового коня.

Соловей уже улетел. Этот соловей пел в нашем саду. Он прилетит на будущую весну.

Черненький зрачок очень невелик. Этот зрачок находится в средине нашего глаза. Мы видим этим зрачком небо и землю.

Перепишите 27-ю ст. из хрестоматии. Подчеркните в ней все придаточные и вводные предложения и объясните все знаки препинания.

---

95. Дети, которые любят своих родителей, стараются угодить им хорошим ученьем.

Где здесь главное предложение? Где придаточное? Чем они связаны? Короче ту же самую мысль можно выразить так: *дети, любящие своих родителей, стараются угодить им хорошим ученьем.* Какие слова заменены в этом сокращённом придаточном предложении словом *любящие?* От какого глагола это слово произведено? Какую часть речи по своему окончанию напоминает это слово? Замените в этом предложении слово *дети* словом *дитя*, и посмотрите, как изменится слово *любящие*. Вместо слова *дитя,* поставьте слово *мальчик*, а потом слово *девочка*. Мы видим, следовательно, что слово *любящий* изменяется по родам и числам, как имя прилагательное.

Детям, любящим *своих родителей, стыдно огорчать их.* Как изменилось в этом предложении слово *любящий?* В каком падеже оно стало? Почему оно стало в этом падеже?

Следовательно, мы видим, что слово *любящий* изменяется по родам, числам и падежам, как и всякое другое имя прилагательное, и что в падеже оно согласуется с тем словом, для объяснения которого придат. предл. поставлено.

Задачи.

Просклоняйте письменно следующие выражения: *поющий соловей, шипящая змея, играющее дитя, смеющийся мальчик, разливающаяся река, учащаяся девочка.*

---

96. Люди, которые искренно любили своих родителей, редко были потом дурными людьми.

Разберите это предложение. Отыщите подлежащее и сказуемое в главном и придаточном. В каком времени ска-

зуемое придаточного предложения? Это предложение можно сократить так: *люди, искренно* любившие *своих родителей, редко были потом дурными людьми.* Вместо каких слов поставлено здесь слово *любившие?* Почему же не сказано *любящие?* Попробуйте его изменять по родам и склонять. От какого глагола оно произведено?

Пр. *От глаголов могут быть произведены такие слова, которые изменяются по родам, числам и падежам, как имена прилагательные, и по временам, как глаголы. Такие слова называются* причастиями, *потому что они* причастны *как склонениям, так и спряжениям. Причастия оканчиваются обыкновенно в настоящем времени на* щий (любящий), *а в прошедшем на* ший (любивший). *Перед окончанием* ший, *по большей части, вставляется буква* в. Причастия *употребляются или как простые прилагательные имена, или соединяют придаточное предложение с главным, заменяя собой разом относительное местоимение и глагол: такие придаточные предложения называются* сокращёнными.

Задачи.

Сократите посредством причастий следующие полные придаточные предложения:

Верстовой столб, который стоит на большой дороге, пошатнулся.— Верстовой столб, который стоял на большой дороге, упал.— Орёл, который летает над нашим домом, высматривает цыплёнка.— Орёл, который вчера летал над нашим домом, убит.— На людей, которые обещают много и делают мало, трудно положиться.— Человек, который обе-

щал вчера принести мне удочку, пришёл. — *Ученик, который выучил свой урок, может играть спокойно.* — *Яблоки, которые растут в лесах, называются дикими.* — *Яблоко, которое созрело, само падает с яблони.* — *Дерево, которое сгнило, не годится для постройки.*

Сделайте причастия прошедшего времени от глаголов: *любить, спать, сидеть, бежать, хвалиться, сражаться;* прибавьте к ним какие-нибудь существительные имена и просклоняйте эти *выражения* письменно.

---

97. День, которого мы давно ожидаем, скоро настанет. День, давно ожидаемый нами, скоро настанет.

Какая разница между этими двумя предложениями? Какие слова из первого предложения заменились во втором словом *ожидаемый?* В каком роде это слово, числе, падеже? С каким словом в главном связывает оно придаточное предложение? Из какого слова оно сделано? Какое окончание прибавлено? Как изменилось местоимение *мы* во втором предложении?

Роза, которую дети сорвали, быстро увяла. — *Роза, сорванная детьми, быстро увяла.* Какая разница между этими двумя предложениями? Какие слова заменены словом *сорванная?* Попробуйте изменять по родам, числам и падежам слово *сорванная.* Можно ли было бы заменить его словом *срываемая?* Попробуйте. Следовательно, слово *срываемая* выражает *настоящее время*, а слово *сорванная* выражает *прошедшее время.*

Следовательно, слова: *ожидаемый, срываемый, сорванный, убитый,* могут изменять свои окончания по падежам, как имена прилагательные, и выражают время, как глаголы; вот почему их также называют *причастиями.*

Роза сорвана детьми. — Медведь убит охотником. Где в этих предложениях подлежащие? Где сказуемые? А где действующий предмет — *роза* или *дети, медведь* или *охотник?* Следовательно, слова *сорвана, убит* выражают действие, *претерпеваемое* подлежащим.

Охотники убили медведя. — Дети сорвали розу. В том же ли отношении будут здесь подлежащие к сказуемым?

С медведя, которого убили вчера, уже содрали сегодня шкуру. — С медведя, убитого вчера, сегодня уже содрали шкуру. Какие слова заменены словом *убитого?* Какое время выражает собой это слово? Попробуйте поставить вместо слова *медведь* слово *лисица.* Попробуйте склонять выражения: *убитый медведь, убиваемый медведь, сорванная роза, срываемая роза.* Следовательно, эти слова склоняются, как имена прилагательные, и выражают время, как глаголы: следовательно, это *причастия,* т. е. слова, *причастные* и склонениям и спряжениям.

Пр. *Кроме причастий, оканчивающихся на* щий *и* ший, *есть еще причастия, оканчивающиеся на* мый, нный *и* тый, *которые, в отличие от первых, называются причастиями* страдательными, *потому что в них выражается не действие,* исходящее *от предмета, но действие,* претерпеваемое *предметом.*

Задачи.

Отличите *страдательные* причастия от *простых* в следующих выражениях: *сидящий на дереве человек, двигающий барку винт, движимая водой барка, двигаемая паром машина, убивающий зверя охотник, убитый охотником зверь, срубивший дерево топор, срубленное топором дерево, говорящий человек, сказанное человеком слово, упавший камень, найденный платок.*

Сократите посредством причастий *простых* и *страдательных* следующие предложения:

Охотник, который преследует зайца, бежит за ним изо всех сил.—Заяц, которого преследует собака, бежит изо всех сил. — Ребёнок, которого мать любит горячо, сильно заболел.—Мать, которая сильно любит своего заболевшего ребёнка, просиживает над ним ночи.—Мать, которая сильно любила своё больное дитя, проводила над ним бессонные ночи.—Спелая рожь, которую волнует ветер, очень красива.—Тело человека, которое создано из земли, в землю обратится.—Урок, который не выучили сегодня, придётся выучить завтра.—Гвоздь, который вколачивают в стену, разгорячается.—Сегодня я увидел зверя, которого прежде никогда не видал.—В лесу ревёт какой-то зверь, которого я не вижу.—Зубная боль, которую мы испытываем, научает нас беречь зубы.—Зубная боль, которую я испытал, научила меня беречь зубы.—Человек, который желает другим добра, может быть назван добрым человеком.—Брат, который искренно желал мне добра, теперь уже уехал.

Сделайте страдательные причастия настоящего времени от следующих глаголов: *видеть, слышать, любить, разрывать, колыхать;* прибавьте к ним какие-нибудь существительные имена и просклоняйте эти выражения.

Сделайте страдательные причастия прошедш. вр. от глаголов: *видеть, слышать, взять, найти, разрезать, сшить;* прибавьте к ним существительные имена и просклоняйте эти выражения.

Перепишите 28-ю ст. из хрестоматии. Подчеркните в ней все причастия. Определите, простые они, или страдательные, в каких временах, в каком роде, числе и падеже, от каких глаголов произведены.

---

98. Я написал записку. Записка написана мною.

Чем различаются эти два предложения — *по мысли*, или *по образу выражения?* Какое слово служит подлежащим в первом предложении и какое во втором? В каком падеже личное местоимение в первом предложении и в каком во втором? В каком падеже объяснительное слово в первом предложении и почему оно там в этом падеже? Чем стало то же слово во втором предложении? Как изменилось сказуемое?

Пр. *Страдательные причастия, оканчивающиеся на* мый, нный и тый, *имеют, как и прилагательные, два окончания:* полное *и* усечённое *(любимый, ая, ое; любим, а, о; сорванный, ая, ое; сорван, а, о; убитый, ая, ое; убит, а, о). Эти страдательные причастия в усечённой форме могут, как и другие прилагательные в той же форме, заменять глаголы с помощью личных местоимений, а для выражения прошедшего или будущего времени — с помощью* вспомогательных *глаголов* — быть и стать *(я любим, я был любим, я буду любим; быть любимым или быть любиму; будь любим).* Простые *причастия (не страдательные) усечённой формы не имеют в русском языке и не могут образовывать спряжений.*

Задачи.

Сделайте причастия обоих времён, простые и страдательные, от следующих глаголов: *видеть, двигать, двинуть, желать, открывать, открыть, оплакивать, плакать, сидеть, сесть, молиться, называть, называться.*

Если вы затруднитесь, как сделать то или другое причастие, то соблюдайте при этом следующее правило:

Пр. *Простое причастие настоящего времени* (на щий) *удобно производить от третьего лица настоящего времени того глагола, причастие которого мы хотим получить. Напр., от гл. сидеть 3-е л. наст. врем. множ. ч. будет* сидят; *а причастие* — сидя-щий. *Прошедшее простое причастие удобно производить от прошедшего времени, отбрасывая* л *и прибавляя* ший, *причём между окончанием причастия и глаголом почти всегда вставляется буква* в; *напр.*, сидеть, сидел, сидевший. *Страдательные причастия настоящего времени* (*на* мый) *удобно произвести от первого лица настоящего времени. Напр.*, любить, мы любим, любимый. *Прошедшие же страдательные причастия* (*на* нный *и* тый) *удобно произвести от прошедшего времени; напр.*, двинуть, двинул, двинутый; сорвать, сорвал, сорванный.

Пишите причастия от каждого глагола по следующему образцу:

ПРИЧАСТИЯ ОТ ГЛАГОЛА *ВИДЕТЬ*.

Простые.	Страдательные.
Наст. вр. видящий.	видимый, м.
Прош. вр. видевший.	виденный, н.

Заметка. Не от каждого глагола можно произвести причастия обоих времен; страдательные же причастия можно производить только от *действительных*

глаголов. В глаголах, оканчивающихся на *ся*, слог этот прибавляется к окончанию причастий: *молящийся, молившийся*. Глаголы совершенного вида, не имеющие настоящего времени, не имеют и настоящего причастия.

---

99. Я сидел у окна и читал книгу.

Сколько здесь соединено предложений? В одно ли и то же время я сидел и читал книгу? Те же самые мысли можно выразить короче, сделав одно предложение объяснительным: *Сидя у окна, я читал книгу*. Из какого слова сделалось слово *сидя*? Попробуйте склонять это слово или изменять по родам и числам.

Я написал письмо и пошёл в класс. Что я сделал прежде — написал письмо или пошёл в класс? Эти же самые мысли можно выразить короче: *написав письмо, я пошёл в класс*. Из какого слова сделалось слово *написав*? Попробуйте его склонять или изменять по родам. Какое время в нём выражено? Какое время было выражено в слове *сидя?* К какой части речи принадлежат эти слова?

Пр. *Такие слова, которые происходят от глаголов, но по неизменяемости своей делаются как бы наречиями, сохраняя однако способность выражать настоящее или прошедшее время, называются* деепричастиями. *Деепричастия настоящего времени оканчиваются или на* я, *или на* чи: сидя, сидючи; двигая, двигаючи; пиша, пишучи; *деепричастия прошедшего времени оканчиваются или на* в, *или на* вши: сидев, сидевши; встав, вставши. *Немногие деепричастия настоящего времени оканчиваются на* а; *напр.* лежа, плача, слыша,

треща. *Здесь звук* а *поставлен потому, что* я неловко выговорить после таких шипящих *букв, как* ж, ч, ш, щ. *В глаголах, оканчивающихся на слог* ся, *слог этот, полный или сокращённый* (сь), *прямо прикладывается к окончанию деепричастия; напр.*, подвигая, подвигаясь, подвигаяся, подвигаючи, подвигаючись.

Задачи.

Свяжите посредством деепричастий настоящего и прошедшего времени следующие предложения: *Ручей журчит тихо и бежит по камням.— Я пришел домой и застал там гостей.— Я счастлив, когда читаю хорошую книгу.— Коршун налетел на стадо гусей и выхватил лучшего гусёнка.— Яблоко упало с дерева и разбилось.— Я думал о тебе, когда гулял по берегу.— Многого не увидишь, когда сидишь дома.*

Заметка. При этом упражнении соблюдайте, чтобы времена деепричастия были поставлены как следует.

Сидя на колесе, гляди под колесо.— Сделав худо, не жди добра.— Сделав добро, не кайся.— Ахал бы, дядя, на себя глядя.— Не убив медведя, не продавай шкуры.— Снявши голову, по волосам не плачут.— Не узнав горя, не узнаешь и радости.— Не спросившись броду, не суйся в воду. Отыщите во всех этих пословицах *деепричастия*. Покажите, от каких глаголов они произведены. Переделайте все эти сокращённые придаточные предложения в полные. В каких временах поставлены все эти деепричастия? Поставьте каждое деепричастие в другом времени. Сделайте от тех же глаголов, если можно, причастия обоих времен, а от глаголов действительных страдательные причастия также обоих времен, пользуясь при этом следующим образцом:

ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ ОТ ГЛАГОЛА «*ВИДЕТЬ*».

Причастия

	Простые.	*Страдательные.*
Наст. время:	видящий.	видимый, м.
Прош. время:	видевший.	виденный, н.

Деепричастия.

Наст. время: видя, видючи.
Прош. время: видев, видевши.

---

100. Рыба ищет, где глубже: человек, где лучше.—Сама сорока скажет, где гнездо свила.—Не знает овца, куда её гонят.—Не знает кума, откуда пришла.—Не стыдно молчать, когда нечего сказать.

Разберите эти пословицы. По сколько предложений в каждой? Отличите главные от придаточных. Подчеркните слова, которыми связаны главные предложения с придаточными? Какой части речи слова: где, куда, откуда, когда?

Пр. *Весьма часто наречия, заменяя собой союзы, связывают главные предложения с придаточными; но наречия можно отличить от союза тем, что наречие слово знаменательное, которое может быть употреблено или как объяснительное слово, или даже отдельно, или начинать собою вопросительное предложение. Например:* Куда ты едешь? Я еду туда. Он едет оттуда. Когда ты приедешь? Где ты был? Там. *Союзы же так употреблены быть не могут, ибо не имеют сами по себе никакого определённого значения.*

Заметка. При этом следует отличать союз *да* от подтвердительного наречия *да*. (*Я да ты. Идёшь ли ты со мной? Да*).

---

101. Больной слышал, что̀ говорят в соседней комнате. Больной слышал, что в соседней комнате говорят.

Эти два совершенно сходные предложения выражают, однако, не одно и то же: в первом выражается, что больной слышал те слова, которые были говорены в соседней комнате; а во втором предложении выражается, что больной слышал, что в соседней комнате что-то говорят, хотя мог слов и не разобрать. В первом предложении слово *что* заменяет собой союз, но остаётся местоимением и стоит в винительном падеже, которого требует глагол *говорить*. Во втором предложении слово *что* не зависит от глагола *говорить* и делается совершенным союзом. Но так как в склонении местоимения *что* имен. пад. сходен с винит., то, для отличия и избежания двусмысленности, принято ставить над *о* ударение (ò) для означения, что это не союз, а местоимение в винительном падеже.

Мартышка то положит очки на темя, то их понюхает, то их полижет. В этих предложениях указательное местоимение *то* употреблено как разделительный союз.

Задачи.

Придумайте сами примеры главных и придаточных предложений, связанных между собой по всем этим способам. Употребите в придуманных вами выражениях словцо *да* или как наречие, или как союз, а словцо *что* как союз и как местоимение. Придумайте два выражения, в которых местоимение *то* было бы разделительным союзом.

Перепишите 29-ю статью из хрестоматии; разделите её на предложения и покажите, как и чем эти предложения связаны или разделены.

У курицы есть крылья, но она летает плохо. Сколько здесь предложений? Чем они связаны? Почему между ними запятая? *Хотя у курицы есть крылья, но она летает плохо.*— Чем связаны здесь предложения? В первом примере второе предложение было *привязано* к первому *одним* союзом; а во втором оба предложения *взаимно связаны двумя союзами*, так что оба предложения зависят одно от другого и только вместе выражают полную мысль. Такую связь предложений мы будем называть *обоюдной*. Она выполняется или посредством *двойных* союзов, или посредством местоимений и наречий, заменяющих союзы.

Задачи.

Разберите следующие обоюдосвязанные предложения и покажите, чем они связаны: *Кабы на хмель не мороз, так он бы через тын перерос.— Кабы на дятла не свой носок, так никто б его в дупле не нашёл.— Затем кузнец клещи куёт, чтоб рук не ожечь.— Оттого телега запела, что давно дегтю не ела.— Потому корова не кусает, что передних зубов нет.— Чем длиннее день, тем короче ночь.— Как волка ни корми, а он всё в лес смотрит.— Чей двор, того и хоромы.— Где любовь, там и совет.— Куда ворона летит, туда и глядит.— Откуда гроза, оттуда и вёдро.— Когда в поле ехать, тогда и собак кормить.*

Соедините в одну связную речь следующие отрывочные предложения.

Волк.

Волк очень похож на собаку.— Волка нельзя сделать ручным.— Брали маленьких волков.— Вырастая, они бросались на тех, кто их кормит.— Жадные глаза волка горят в темноте.— Так блестят в темноте уголья.— Волк кровожаден.— Волк труслив.— Волк бо-

ится людей.— Сильный голод может заставить волка кинуться даже на взрослого человека.— Летом волк живёт в лесу.— Летом для волка в лесу добычи много.— Осенью в лесу пусто.— Осенью волк приближается к сёлам.— Охотиться за волком из-за меха не стоит.— Мех его очень тёпел.— Мех его очень тяжёл.— Его истребляют как вредного хищника.— В больших лесах волки не водятся.— Волки водятся больше в перелесках.— Степные волки очень много вредят овечьим стадам.— Волк одной породы с собакой. — Волки и собаки непримиримые враги.— Бешеные волки очень опасны.— Они не знают страха.— Они врываются в сёла и города.

Возьмите из хрестоматии какую-нибудь статью, разложите её на отдельные предложения. Покажите, как и чем эти предложения в статье связаны.

VI.

СТАТЬИ ДЛЯ РАЗБОРА И ИЗУЧЕНИЯ НАИЗУСТЬ.

I. ЗИМА.

Зима!... Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь; его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь. *Бразды пушистые взрывая, летит* кибитка удалая; ямщик *сидит на облучке в тулупе*, в красном кушаке. *Вот бегает дворовый* мальчик, в салазки *жучку посадив, себя* в коня *преобразив*; шалун уж заморозил пальчик: *ему и больно, и смешно, а* мать *грозит* ему в окно.

А. Пушкин.

Что описывается в этом стихотворении? На сколько частей можно его разделить? На *четыре* части: в *первой* — одно слово *зима* и после него несколько точек, которые показывают, что пропущено сказуемое (какое?); в остальных трёх частях три картины: найдите их и укажите. (В первой говорится о крестьянине на дровнях; во второй о кибитке и ямщике; в третьей о мальчике и его матери).

Почему крестьянин *торжествует?* Замените это слово другим словом. Какие сани называются *дровнями?* Почему сказано — *обновляет путь?* Отчего сказано о лошадке, что она *плетётся рысью?* Как она ехала, когда ещё не выпадал снег и была грязь? Глагол *плестись* в том же ли смысле употреблён в следующем выражении: *чулки плетутся из ниток?* Почему о кибитке сказано, что она *летит*, а о крестьянской лошадке, что она *плетётся?* Может ли быть кибитка *удалою?* Что такое *бразда*, или *борозда?* Чем кибитка взрывает борозды? Кто ещё роет борозды? Почему борозды названы *пушистыми?* Всегда ли снег пушист? Что такое *облучок* в кибитке? Из чего делаются *тулупы?* Почему мальчик назван *дворовым?* Придумайте предложение, где было бы кстати употреблено слово *дворовый*. Кто ехал в *салазках?* и кто их вёз? Отчего мальчику было *больно* и отчего *смешно?* Зачем мать грозит ему?

Отвечая на все эти вопросы, вы покажете, что вполне поняли смысл стихотворения. Такое объяснение смысла мы будем называть **смысловым разбором.**

Первая часть. *Зима*!... Сколько в этой части предложений? Отыщите предмет речи и сказуемое. Как называется такое предложение, в котором пропущен один из главных членов? Почему после этого предложения поставлено несколько точек? Почему следующее предложение начинается с большой буквы?

Заметка. *Если знак восклицательный, вопросительный или многоточие заменяют собой точку*

(стоят там, где бы следовало поставить точку, если бы мы не желали выразить пропуска, восклицания или вопроса), то следующее за тем предложение начинается прописной буквою.

Вторая часть. *Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь; его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь.* Почему эта часть разделена на две половины *точкой с запятою?* О ком говорится в первой половине? О ком говорится во второй? Почему здесь не поставлена точка и почему не запятая?

Из каких предложений состоит *первая* половина *второй* части? Где здесь предложение главное? Где придаточное? Полное ли оно, или сокращённое? Как будет полное? Какие подлежащие в этих предложениях? Укажите сказуемые. Укажите объяснительные слова. Покажите, на какой вопрос поставлено и к какому слову для объяснения придано каждое объяснительное слово. Почему слово *торжествуя* между запятыми?

Сколько предложений во *второй* половине этой части? Где главное? Где придаточное? Главное предложение здесь простое, или сложное? Придаточное полное, или сокращённое? Сделайте полное. Укажите в этих предложениях подлежащие и сказуемые. На какие вопросы стоят объяснительные слова и к каким словам они относятся?

Третья часть. *Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая; ямщик сидит на облучке в тулупе, в красном кушаке.* Где и почему стоит здесь точка с запятой? Сколько предложений в *первой половине* этой части? Где главное предложение? Прямое это предложение, или косвенное? Где здесь придаточное предложение? Чем придаточное связано с главным? Полное оно или сокращённое? Укажите в этих предложениях предметы речи, сказуемые и объяснительные

слова. На какие вопросы поставлены объяснительные слова и к каким словам они приданы?

Сколько предложений во *второй* половине *третьей* части? Есть ли здесь придаточное предложение? Почему же в этом предложении стоит запятая?

Четвёртая часть. *Вот бегает дворовый мальчик, в салазки жучку посадив, себя в коня преобразив; шалун уж заморозил пальчик: ему и больно, и смешно; а мать грозит ему в окно.* На сколько частей можно подразделить эту четвёртую картину (четвёртую часть) стихотворения? Какие знаки и почему стоят между частями этой четвёртой картины?

Сколько предложений в *первой части* этой *четвёртой* картины? Сколько мыслей в ней высказано о мальчике? Какая мысль выражена здесь главным предложением и какие придаточными? Чем связаны здесь главные предложения с придаточными? К какому слову в главном предложении приданы придаточные? Выразите сокращённые придаточные в полной форме.

Из каких предложений сложена *вторая часть четвёртой* картины? Объясните в ней знаки препинания Вместо какого слова поставлено здесь двоеточие? Где здесь прямые предложения и где косвенное? Укажите подлежащие в прямых предложениях. Где предмет речи в предложении *«ему и больно, и смешно»?* Почему в этом предложении запятая? Простое оно или сложное?

Если вы ответите на все эти вопросы, т. е. объясните связь предложений и состав каждого из них, а вместе с тем и знаки препинания, то сделаете **разбор синтаксический.**

Зима. Чем это слово в предложении? (подлежащим). Какая это часть речи? Какого рода это имя? В каком оно числе? падеже?

Крестьянин. Чем это слово в предложении? К какой части речи оно принадлежит? Собственное ли это имя или нарицательное? Какого рода? В каком числе и падеже?

Торжествуя. Чем это слово в предложении? Какая это часть речи? От какого глагола сделано это деепричастие? В каком оно времени? Почему в этом времени? Сделайте от того же глагола все причастия и деепричастия, какие можно.

На. Что делает в предложении это слово? Какая это часть речи?

Дровнях. Чем это слово в предложении? На какой вопрос поставлено? К какому слову относится? Какая часть речи? Какого рода? В каком числе и падеже? Как будет в единственном?

Пр. *Некоторые имена существительные употребляются только в одном множественном числе, напр.:* помои, квасцы, сани, ворота, щи, очки, дрожки, дрожжи, чернила, будни, сумерки *и др. Чтобы узнать, какого рода такое существительное, следует замечать, на что оно оканчивается в родительном падеже. Если на* ов *или* ев, *то слово мужского рода; если же оно имеет какое-либо другое окончание, то женского рода. К среднему же роду принадлежат те, которые в именительном падеже оканчиваются на* а: дрова, ворота. *Но из этого есть исключения: слово* будни, *хотя и имеет в родительном* будней, *мужского рода, потому что происходит от слова* день, *а слово* очки, *хотя и имеет в род.* очков, — *среднего рода, ибо происходит от слова среднего рода око* (т. е. глаз) и нек. др.

Обновляет. Чем это слово в предложении? Какая часть речи? Какого вида этот глагол? Какого залога? Простой это глагол или предложный? С каким предлогом сложен? В каком наклонении стоит? В каком времени? числе? лице? Как будет в неопределённом

наклонении? Сделайте от него все причастия и деепричастия, какие можно.

Путь. Чем это слово в предложении? На какой вопрос поставлено? К какому слову относится? Какая часть речи? род? число? падеж? Почему в этом падеже?

Его. Чем это слово в предложении? К какому слову прибавлено? Какая часть речи? Какое это местоимение? В каком падеже? Как будет именительный падеж? Будет ли здесь это местоимение *личное* или *притяжательное?* Сделайте такое предложение, чтобы к слову *его* надобно было прибавить букву *н* (него).

Лошадка. Чем это слово в предложении? На какой вопрос? Какая это часть речи? Имя какого предмета, одушевлённого или неодушевлённого? Какая это форма имени существительного? Нельзя ли сказать то же слово ещё ласковее? Нельзя ли одним словом выразить, что лошадка была дрянная? что лошадь была большая? Какого рода это слово? В каком оно числе, падеже? Почему оно в этом падеже?

Плетётся. Чем это слово в предложении? Какая это часть речи? Как будет начало этого глагола? (т. е. как будет этот глагол в неопределённом наклонении?) Какого он вида? залога? Из какого действительного глагола сделан? В каком поставлен наклонении, времени, числе и лице? Произведите от него причастия и деепричастия.

Рысью. Чем это слово в предложении? Какая это часть речи? *Какого предмета это имя — одушевлённого или неодушевлённого?* Какого оно рода? В каком числе, падеже? Сделайте от него прилагательное.

Заметка. *Кроме имён предметов одушевлённых и неодушевлённых, есть еще имена* предметов умственных. *В них выражается* понятие *о действии, состоянии или качестве предметов одушевлённых или неодушевлённых. Они большей частью образуются или из глаголов* (учиться — ученье, желать —

желание, драться — драка, расти — рост), *или из прилагательных* (красный — краснота; великий — величие, величина; добрый — добро; злой — зло).

Приведите в пример по десяти имён *одушевлённых, неодушевлённых* и *умственных* предметов.

Как-нибудь. На какой вопрос это слово? Какая это часть речи? *Почему в средине этого слова черточка?*

Заметка. *Есть некоторые двойные наречия и союзы, которые состоят из двух слов, соединёнчых чёрточкой, таковы:* так-как, как-нибудь, где-нибудь и пр.

Какой глагол напоминает вам слово *нибудь?* В каком наклонении употреблён здесь этот глагол?

Снег. Чем это слово в предложении? На какой вопрос? К какому слову прибавлено? Какая часть речи? Род? число? падеж? Почему в этом падеже? Сделайте от него прилагательные? Не знаете ли вы название цветка, в которое входит это слово?

Почуя. Чем это слово в предложении? К какому слову в главном предложении оно относится? Какая часть речи слово *почуя?* От какого глагола оно происходит? Простой или предложный это глагол? С каким предлогом? Какого вида этот глагол? Имеет ли он настоящее причастие? Как будет прошедшее? Имеет ли он страдательное причастие? Как будет страдательное причастие от глагола *чуять?* Имеет ли этот глагол оба времени страдательного причастия?

Такой разбор каждого слова, причём определяется, какой он части речи и, если это слово изменяется, то в какой форме стоит, называется **разбором этимологическим.**

Разберите же этимологически в двух остальных частях стихотворения все слова, напечатанные *курсивом.*

Просмотрев внимательно разбираемое стихотворение, вы заметите, что в нём во многих словах есть буквы, напечатанные особенным толстым шрифтом. Вот об каждой-то из этих букв и следует сказать, почему именно она тут поставлена.

Крестьянин. Почему перед буквой *я* стоит мягкий знак? Как бы без мягкого знака выговаривалось это слово?

Торжествуя. Как выговаривается здесь *о?* Почему же здесь поставлено *о?* а не *а?* Припомните слова того же корня *(торг, торжище, восторг).*

Обновляет. Как выговариваются здесь оба *о?* Почему же на месте их не стоит буква *а?* Отделите предлог от глагола. Припомните несколько слов одного корня с этим глаголом.

Его. Как пишется и как выговаривается это слово?

Лошадка. Как выговаривается здесь буква *д?* Почему же стоит она, а не буква *т?* Как будет то же слово в простой форме, а не в уменьшительной? А как будет в презрительной?..

Почуя. Как выговаривается в этом слове буква *о?* Почему же не поставлена буква *а?* Отделите предлог.

Плетётся. Почему здесь перед слогом *ся* нет мягкого знака?... (Припомните прошедшее время от глагола *плесть*).

Как-нибудь. Почему на конце мягкий знак? Какой глагол вошёл в наречие *нибудь* и в каком наклонении?...

Дворовый. Почему в первом слоге буква *о?* От какого существительного произведено это прилагательное? Припомните несколько слов того же корня.

Мальчик. Почему мягкий знак в средине этого слова? Почему оно оканчивается на *ик,* а не на *ек?*

Посадив. Как выговаривается здесь первое *о?* Как можно убедиться, что здесь следует поставить *о,* а не *а?*

Коня. Как выговаривается здесь буква *о?* Почему же следует писать *о?*

Преобразив. Отделите приставку и окончание в этом слове. Найдите его корень. Покажите, почему должно стоять *о,* а не *а*.

Шалун. Иные выговаривают и пишут неправильно *шелун*, забывая, что это слово одного корня со словами *шаль, шалость* (а не шель, шелость)....

Пальчик. Почему *ь* в средине? Почему это слово оканчивается на *ик*, а не на *ек?*...

Грозит. Почему здесь *о,* а не *а?* Припомните существительные того же корня. Употребите его во множественном числе. Сделайте прилагательное от того же корня. Почему на конце твёрдый знак, а не мягкий? Когда бы следовало поставить мягкий?

Окно. Почему здесь первая гласная изображена буквой *о?* Как будет именительный падеж множественного числа того же слова?

Если вы ответите на все вопросы, здесь поставленные, то сделаете разбор **буквенный** или **орфографический.**

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *пушистая борозда, белый снег, весёлый смех*... Согласуйте слова: *крестьянский* и *дровни, детский* и *салазки* в два выражения и просклоняйте эти выражения. Проспрягайте глаголы: *плести, плестись, бегать, бежать, смеяться, чуять, почуять*; сделайте от них все, какие можно, причастия и деепричастия.

Напишите наизусть без ошибки всё выученное вами стихотворение «Зима»...

II. ЧИЖ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодейка-западня; *бедняжка в ней и рвался, и метался*; а голубь *молодой над ним же издевался. «Не стыдно*

*ль», говорит: «средь бела дня **попался!*** Не провели бы так меня: *за **это** я ручаюсь смело». Ан смотришь, тут **же** сам запутался в силок. И дело! Вперёд чужой беде **не** смейся, голубок.*

Крылов.

Смысловой разбор.

Почему *западня* названа *злодейкой*? Как устраивается западня? Какая разница между *западнёй и силком,* в который попался голубь? Можно ли сказать о силке: *захлопнул?* Каким словом можно заменить слово *издевался?* Что значит *средь бела дня?* В каком другом смысле может быть употреблён глагол *провести?* Каким выражением можно заменить выражение — *и дело?*

По смыслу эта басня легко разделяется на *четыре* части. В *первой* описывается начало происшествия, которое вызвало слова голубка; во *второй* приводятся слова голубка (эта часть распадается опять на две: в одной голубь укоряет чижа, в другой хвастает); в *третьей* части описывается окончание происшествия; в *четвёртой* — писатель делает наставление голубку, которое относится и ко всякому, кто издевается над чужой бедой.

Перепишите же эту басню частями, каждую часть отдельно, и потом делайте *синтаксический* разбор каждой части.

Синтаксический разбор.

Часть первая. *Чижа захлопнула злодейка-западня; бедняжка в ней и рвался, и метался; а голубь молодой над ним же издевался.*

Сколько предложений в этой части басни? Какими знаками препинания они разделены и почему поставлены эти, а не другие знаки? Отыщите в каждом пред-

ложении сказуемое, предмет речи и объяснительные слова. Над предметом речи и объяснительными словами надпишите вопросы. Покажите, к какому слову придано в предложении то или другое объяснительное слово. Определите, как следует назвать каждое предложение: *полным* или *сокращённым, простым* или *сложным, прямым* или *косвенным, главным* или *придаточным*. Для чего поставлен союз *и* перед глаголом *рвался* — для соединения или только для усиления выражения? Почему за этим словом следует запятая?

Часть вторая. *«Не стыдно ль», говорит: «средь бела дня попался! Не провели бы так меня: за это я ручаюсь смело».*

Почему вся эта часть басни в кавычках? Какое слово выключено из кавычек и почему? Разложите на предложения первую половину этой части. Сколько в ней предложений? Какими знаками и почему они разделены? Есть ли здесь придаточные предложения? Как следует назвать предложение *говорит?*

Пр. *Предложения, объясняющие какое-нибудь обстоятельство в речи, но не находящиеся с ней ни в какой грамматической связи, называются* вводными *предложениями. Они или выделяются запятыми, или ставятся между скобками. Если после вводного предложения,* говорит, *следуют слова говорящего, то перед ними ставится* двоеточие.

Разберите в *первой половине* этой части каждое предложение отдельно, т. е. укажите предмет речи, сказуемое и объяснительные слова. Надпишите, где следует, вопросы. Определите название каждого предложения. Почему на конце этой части восклицательный знак?

Разберите точно так же и *вторую половину* этой части. Почему эта *вторая* половина начинается с прописной буквы? Всегда ли после восклицательного знака следует ставить прописную букву? «*Ах! я такого дня*

не видывал давно». Почему в этом предложении после восклицательного знака стоит маленькая буква?

Часть третья. *Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.*

Сколько здесь предложений? Отыщите сказуемые и предметы речи в каждом. Кто это смотрит? Каким союзом можно заменить союз *ан?* Где предмет речи в этом предложении?

Заметка. *Часто глаголы во втором лице настоящего времени:* смотришь, видишь, слышишь, *выражают только обращение лица говорящего как бы к самому себе. Другими словами, это значит: кто бы ни посмотрел, увидал бы, что голубь попался. Это слово можно заменить и словом* глядь: глядь, *тут же сам запутался в силок.*

Часть четвёртая. *И дело! Вперёд чужой беде не смейся, голубок.*

Сколько в этой части предложений? Какие они? Укажите подлежащие, сказуемые и объяснительные слова. Объясните знаки препинания.

Заметка. И дело! т. е. поделом тебе, голубок. Но *здесь это сокращённое косвенное предложение приняло ещё особую краткую форму одного слова:* и дело! *это всё равно, что* — хорошо! дельно! так и следует!

Этимологический разбор.

Разбирать в каждом предложении все слова, слово за словом, было бы слишком длинно; а потому как в этой басне, так и в следующих, разбирайте *этимологически* только те слова, которые напечатаны курсивом. Образцы разбора мы приведём здесь, разобрав некоторые слова. Вы же разберите остальные по этим образцам. Для краткости мы будем знакомые уже грамматические названия писать сокращённо.

Чижа. Объяснительное слово в предложении, относящееся к глаголу *захлопнула,* на вопрос *кого.* Начало *чиж;* имя сущ. нариц., название предмета одушевлённого, муж. р., стоит в ед. числе, вин. пад. Винительного падежа требует действительный глагол — *захлопнуть.*

Захлопнула. В предложении сказуемое. Начало — *захлопнуть.* Глаг. предлож. с предл. *за;* вида соверш., залога действ., стоит в изъяв. н., прошед. вр., ед. ч., 3-м л., в жен. р.

Злодейка. Объяснительное приложение к подлежащему *западня.* Имя сущ. нариц., название предмета одушевлённого, жен. р., ед. ч., им. п.

Заметка. *Западня сама по себе не может быть названа ни доброй, ни злой, как и всякая другая вещь; но здесь писатель как бы одушевляет западню и потому называет её злодейкой.*

Западня. В предложении подлежащее; название предм. неодуш., жен. р., им. п.

Бедняжка. Подлеж.; имя существ. нариц., название предм. одушевл.; рода *общего,* потому что может быть без изменения окончания приложено к именам всех трёх родов (он бедняжка, она бедняжка, оно бедняжка). Числа ед., пад. им.

В. Служебное слово в предложении, показывающее отношение чижа к западне. Предлог.

Ней. Объяснительное слово на вопрос *где? в чём?* Начало *она.* Местоим. личное, 3-е л. ед. ч., жен. р., предл. п.

И. Союз, выражающий соединение; здесь же употреблён для усиления.

Рвался. Сказ., начало *рваться;* гл. вида несоверш., залога *возвратного;* стоит в изъявит. н., прош. вр., ед. ч., 3-м л., в муж. р.

А. Союз, выражающий противоположность: голубку следовало сожалеть, а он издевался.

Голубь. Подл.; им. существ. нариц., название предмета одушевл., м. р., ед. ч., им. п.

Заметка. *В этой басне говорится об одном голубе, именно о том, который издевался над чижом и сам попал в силок, а потому слово голубь принято здесь как имя собственное и начинается прописной буквой. Это обыкновенно соблюдается в баснях, где всегда говорится об одном каком-нибудь предмете из целого рода тех же предметов.*

Же. Союз. Ставится после слова, которое соединяет с чем-нибудь предыдущим.

Не. Наречие отрицания.

Стыдно. Сказ., нар. качества.

Ль. Сокращено из *ли*; союз.

Средь. Сокращено из *среди, посреди*; предлог.

Бела. Объяснит. слово к слову *день,* на вопр.: *какого?* Имя прилаг., усеч. ф., ж. р., ед. ч., род. п.

Заметка. *Прилагательные в усечённой форме чаще употребляются как сказуемые, но иногда и как объяснительные слова придаются к существительным именам и тогда склоняются. Напр.,* добра молодца *(вм. доброго молодца),* добру молодцу *(вм. доброму молодцу),* буйны ветры *(вм. буйные ветры),* бела дня *(вм. белого дня).*

Следуя этим образцам, разберите в этой басне все остальные слова, напечатанные курсивом.

Разбор орфографический.

При разборе орфографическом следует обращать внимание только на те буквы, которые напечатаны особенным, толстым шрифтом, и объяснять, почему по-

ставлена эта, а не другая какая-нибудь буква. Если же целое слово напечатано этим шрифтом, то спрашивается, почему оно стоит отдельно. Представим образцы такого разбора.

Чижъ. Здесь спрашивается, почему на конце слова стоит *ъ*, а не *ь*, так как в словах, оканчивающихся на звуки *ж, ч, ш, щ*, по слуху нельзя узнать, мягкий или твёрдый знак надо писать на конце. Но вы знаете, что в таких словах, если они мужского рода, следует писать твёрдый знак (ножъ); а если женского, то следует писать мягкий знак (вещь).

Злодейка. Здесь спрашивается, почему в первом слоге поставлена буква *о*, хотя в выговоре слышится *а* (зладейка). ... Для того чтобы отвечать на эти вопросы, следует посмотреть на сложение слова. Слово *злодейка* в мужском роде будет *злодей*, т. е. человек, делающий злое. Слово это, следовательно, сложено из двух: *зло* и *делать*. В слове *зло* буква *о* слышится на конце ясно....

Оправдайте также в этой басне и остальные буквы, отмеченные толстым шрифтом.

Письменные задачи. Просклонять выражения: *злодейка-западня, бедная одежда, бел день, смелое дело, глупый смех*. Проспрягайте глаголы: *одеваться, издеваться, смотреть*. Сделайте от них все причастия и деепричастия. Сделайте все производные слова от корней этих глаголов.

....Напишите наизусть и без ошибок всю басню.

---

111. ЛЕВ И ЛИСА.

Лиса, **не** *видя* сроду **Ль***ва, с* **ни***м встретясь, со страстей* **о***сталась чуть жива. Вот, несколько спустя, опять* ей **Л**ев *попался;* но

уж не *так ей* страшен **по**казался. *А* в *третий* раз **по**том Лиса *и* в разговор *пустилася* со Львом.—*Иного такж***е** *мы боимся, доколь* к **не**му не *приглядимся.*

Крылов.

Сделайте полный разбор этой басни: сначала *смысловой*, потом *синтаксический*, причём оправдайте знаки препинания; затем разберите *этимологически* все слова, напечатанные курсивом, и, наконец, объясните орфографию слов, в которых есть **толстые** буквы. Но прежде всего прочтите внимательно примечания, напечатанные под статьёй.

Примечания к смысловому разбору. 1. *Не видя сроду*—замените это выражение другим. Придумайте предложения, где бы слово *род* было употреблено в других смыслах. 2. *Со страстей*—замените это слово другим. В том же ли смысле употреблено слово *страсть* в следующем выражении: *у него страсть к музыке?* 3. *Чуть.* Замените это слово другим. 4. *Несколько спустя.* Какое слово здесь пропущено? Чего несколько? 5. Эта басня легко разделяется на *четыре* части: в первых трёх говорится о троякой встрече Лисы со Львом, в четвёртой же помещено нравоучение. Напишите каждую часть отдельно и разбирайте одну за другой *синтаксически.*

К синтаксическому разбору. 1. *Не видя сроду льва*—сокращённое придат. предл. Сделайте полное. В каком времени будет сказуемое в полном предложении? Следовательно, мы видим, что в замене глаголов деепричастиями не всегда строго соблюдается точная замена времён; но лучше было бы сказать—*не видев сроду Льва.* 2. *С ним встретясь*—сокращ. придат. предл. Сделайте полное. 3. *Несколько спустя.* Почему эти слова между запятыми? 4. Почему следующее предложение отделено точкой с запятой?

К орфографическому разбору.

1....

2....

3. *Также*. Союз *же* всегда ставится отдельно, за исключением двух слов *также* и *тоже*, и то только в том случае, если эти сложные слова будут союзами. Но когда слово *так* взято как наречие, а слово *то* — как местоимение, то союз *же* следует писать отдельно. Объясните правописание этих слов в следующих предложениях: *Он также умный человек.* — *Он так же весел сегодня, как и вчера.* — *Он также мне родственник.* — *Он сказал мне то же, что и ты.*

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *несколько человек, третий раз, радостная встреча, иное время.* Проспрягайте глаголы: *встретиться, встречаться.* Напишите два такие предложения, в которых союз *же* был бы написан вместе со словами *так* и *то*, и два такие, в которых тот же союз был бы написан отдельно от этих слов.

...Напишите наизусть и без ошибки всю выученную басню.

IV. ВОЛК И ПАСТУХИ.

Волк, близко обходя пастуший двор и *видя сквозь* забор, *что, выбрав лучшего себе* барана в *стаде, спокойно* пастухи барашка *потрошат, а* псы *смирнёхонько лежат,* — *сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:* «*Какой бы* шум вы *все здесь* подняли, *друзья, когда бы это сделал я!*».

Крылов.

Примечания к смысловому и синтаксическому разбору. 1. Почему сказано, что пастухи потрошили барашка *спокойно?* 2. Зачем сказано о *псах*, что они лежали *смирнёхонько?* 3. Замените слово *молвил* другим словом. 4. Что значит «молвил *про себя*»? *Про глухого двух обеден не служат.* — *Не про то говорят,*

что много едят; а про то, куда объедки девать.— Всяк Еремей про себя разумей.—Ни за что, ни про что.—Покажите, какое значение имеет предлог *про* в каждом из этих выражений. А какое значение придаёт он глаголам, когда сливается с ними; напр., *читать, прочитать, ходить, проходить, стыть, простыть* и т. д.? 5. Всю эту басню легко разделить на две части: в *первой* говорится, что́ было с волком; во *второй* приводятся его слова. Но замечательно, что в первой части к одному короткому главному предложению *(волк молвил про себя)* придано *пять* объяснительных или придаточных предложений. Напишите все эти придаточные предложения отдельно; укажите, какие из них приданы прямо к главному, какие к другим придаточным. Объясните знаки препинания.

К этимологическому разбору. *Смирнёхонько.* Какая часть речи? Какой корень в этом слове? Какое окончание прибавлено для выражения усиления качества? Сделайте посредством того же окончания усиление качества в след. прилагательных: *тёплый, тихий, холодный, белый, чёрный, мокрый, жёлтый, близкий.*

К орфографическому разбору....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *здешний житель, лучшая книга, сделанный из дерева стол, делающий добро человек.* Проспрягайте глаголы: *делать, сделать, поднять, подымать, лежать, вылежать.* Произведите от этих глаголов причастия и деепричастия, какие можно.

Составьте три предложения, в которых был бы употреблён предлог *про.* Напишите шесть глаголов с тем же предлогом.

Напишите наизусть пословицы на слог *де.* Напишите без ошибки выученную басню.

V. МЫШЬ И КРЫСА.

«*Соседка, слышала ль* ты добрую молву», *вбежавши* крысе мышь *сказала*: «*ведь кошка, говорят*, попалась в *когти* льву? *Вот* отдохнуть и нам *пора настала!*» — «*Не радуйся, мой свет*», *ей* крыса говорит в ответ: «и не надейся *по-пустому*! *Коль* до когтей у них *дойдёт, то верно* льву *не быть живому: сильнее* кошки зверя *нет!*»

Я *сколько* раз видал, *приметьте* это *сами*, когда боится трус *кого*, то думает, что на *того весь свет* глядит его глазами.

Крылов.

Прим. к смысловому разбору. 1. В предыдущей басне мы видели глагол *молвить*: здесь же встречается нам существительное того же корня. Замените слово *молва* другим словом. 2. *Не радуйся, мой свет!* В каком смысле употреблено слово *свет* в этом выражении? В каком смысле употреблено то же слово в следующих пословицах: *Тьма свету не любит, злой доброго не терпит. — У бога-света с начала света всё доспето. — Где совет, там и свет. — Летом рано светает. — 3. Дойдёт до когтей.* — Замените это выражение другим. 4. *Весь свет глядит его глазами.* В каком смысле употреблено здесь слово *свет*? Замените его другим. Объясните выражения: *светский человек; он духовный, а не светский.* Что значит *глядеть чужими глазами*? Скажите ту же самую мысль иначе. 5. Отделите нравоучение от самой басни, а басню разделите на части.

К синтаксическому разбору. 1. *Вбежавши.* Сделайте из этого сокращённого придаточного предложения полное. 2. *Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву.* Кто говорит? Как следует назвать предложение *говорят*?

Почему после него не поставлено двоеточие? 3. *Не надейся по-пустому*. Здесь прилагательное *пустому* с предлогом *по* употреблено как наречие; вполне же образовавшееся наречие будет *попустому*, т. е. напрасно. 4. *Льву не быть живому*. Какое время и каким наклонением выражено в этом предложении? Где здесь предмет речи? Выражения *быть живу, быть здорову* можно заменить также выражениями *быть живым, быть здоровым*. Здесь склоняемое окончание употреблено вместо спрягаемого, а неопределённым наклонением глагола *быть* выражено будущее время — и этим показана неизбежность того, что ожидается. *Быть бычку на верёвочке*. 5. *Приметьте это сами*. Почему это предложение следут назвать вводным? В нём заключается обращение автора к читателю, не находящееся в грамматической связи с другими предложениями. Его можно было бы поставить и в скобках.

К этимологическому разбору. 1. *Ведь*. Это слово употребляется в речи как союз; но собственно это самая краткая форма от глагола *ведать*. Такую краткую форму, как мы уже знаем, имеют и некоторые другие глаголы: хватать — *хвать*, толкать — *толк*, глядеть — *глядь*, стучать — *стук*, хлопать — *хлоп*. В этой форме глаголы часто бывают сказуемыми. Разберите следующие выражения: *Собака хвать медведя за ухо. — Мартышка толк медведя ногою. — Он стук к соседу в окошко.*

К орфографическому разбору....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *белый свет, беглый огонь, злая ведьма, крепкие когти, смелый ответ, дикий зверь, сильная метель, замечательная сметливость*. Проспрягайте глаголы: *освещать, освящать, надеяться, верить, метать, метить*. Сделайте от них причастия и деепричастия.

Напишите наизусть замеченные здесь пословицы. Напишите наизусть всю басню.

VI. ВЕСНА.

Весна! *Выставляется первая* рама
И в комнату шум *ворвался*,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и *стук* колеса.
Мне в душу *повеяло жизнью* и *волей:*
Вон — даль голубая *видна*!
И *хочется в поле*, в широкое поле,
Где, *шествуя*, *сыплет* цветами весна.

Майков.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Слово *весна* составляет здесь отдельную часть стихотворения. Где мы ещё видели такое же многозначительное употребление одного слова? 2. Почему шум с улицы ворвался в комнату? 3. Замените слово *даль* другим словом. Почему даль названа *голубою* и всегда ли она такою бывает? 4. В противоположность чему поле названо *широким*? 5. Замените слово *шествуя* другим словом.

К синтаксическому разбору. 1. *Мне в душу повеяло жизнью и волей.* Что такое повеяло? Мы не знаем, что такое, а знаем только откуда: с полей и с голубой дали. Вот почему сказуемое *повеяло* поставлено в среднем роде: повеяло нечто неизвестное. Такие предложения называются *безличными*. Так например: *человека громом убило*. Хотя здесь и видно, что гром убил человека, но предполагается, что гром есть только орудие чего-то неведомого. *Ветром свалило дерево*. Здесь предполагается, что не сам по себе ветер свалил дерево, а то, нечто неизвестное, что нагнало ветер. В этих предложениях лицо действующее с намерением скрыто, а потому они и называются *безличными*. 2. *Хочется в поле*. Кому это хочется в поле? Здесь пропущен предмет речи *мне* (т. е. тому, перед кем выставляется первая рама). В этом предложении, следо-

вательно, лицо ясно видно и самое предложение следует потому назвать косвенным (ибо предмет речи стоит в косвенном падеже), но не безличным.

К этимологическому разбору. 1. *Выставляется.* В одинаковом ли смысле употреблён глагол *выставляется* в следующих двух предложениях: *рама выставляется из окна*; *человек выставляется в окно?* В последнем выражении это глагол возвратный, потому что человек выставляет сам себя; а в первом говорится, что раму выставляют, или рама выставляема; следовательно, в этом случае тот же глагол получает смысл среднего залога, ибо выражает состояние, претерпеваемое предметом речи.

2. *Хочется.* Попробуйте проспрягать этот глагол по всем трём лицам в обоих числах, и вы заметите, что окончание его не изменится. *(Мне хочется, тебе хочется, ему хочется, нам хочется, ему хотелось, мне хотелось).* Такие глаголы по окончанию употребляются только в одном третьем лице, и потому мы будем называть их *одноличными*; таковы глаголы: *спится, снится. Не так живи, как хочется, а как бог велит.— Чего хочется, то и просится.— Снился голодному хороший обед.— Под дождик спится, под утро снится.* Укажите предметы речи в этих предложениях. В каких они падежах? Как следует назвать эти предложения, косвенными или прямыми?

Заметка. Заметим ещё одного рода глаголы, при которых лица уже вовсе нет, да и подразумевать нельзя. Таковы глаголы: *смеркается, смеркалось, будет смеркаться, вечереет, светает, холодеет, морозит* и т. п. Один такой глагол составляет сам по себе уже целое предложение. Так, если мы скажем *светает,* то не будем уже себя спрашивать, что светает. Такие предложения мы будем называть *однословными,* потому что в них, в одном слове, скрывается и предмет речи, и сказуемое: *светает,* т. е. свет ста-

новится, свет делается; *холодеет,* т. е. становится холоднее.

3. *Шествуя.* Деепричастие от церковно-славянского глагола *шествовать*, т. е. идти. При этом заметим, что глагол *идти* (наст. вр. *иду*, почему и сохраняется перед *т* буква *д*) имеет в прошедшем вр. я *шёл*, хотя и выговаривается я *шол*. Причастие прошедшее будет *шедший*. Потому же и в производном глаголе *найдти* (находить) пишется *нашёл* (хотя и выговаривается *нашол*), *нашедший, вышел, вышедший.* — *И то добро, что нашёл ведро.* — *Шёл, шёл, да грош и нашёл.* — *Нашла коса на камень.* — *За добрым находишься, дурное само найдёт.* В каком смысле употреблён глагол *найти* в этих пословицах? 4. Слово *цвет* имеет два, сходные, впрочем, значения: *красный цвет* в смысле краски и *цвет* в смысле цветка. *Цвет* в смысле цветка будет во множественном ч. *цветы,* а *цвет*, в смысле краски, будет во мн. ч. *цвета. Дикие любят пёстрые цвета.* — *На нашем лугу растут пёстрые цветы.*

К орфографическому разбору....

Письменные задачи. Просклонять выражения: *торжественный благовест, сильный ветер, пышные цветы, пёстрые цвета;* проспрягать глаголы: *выставлять, извещать, веять, идти, найти, находить, цвести, хочется, снится.* Сделайте, какие можно, причастия и деепричастия от этих глаголов.... Напишите наизусть выученное вами стихотворение.

Заметка. До сих пор мы писали стихотворения без разделения на стихи для того, чтобы при чтении не приучиться останавливаться по стихам, а, как следует, по знакам препинания. Но каждое стихотворение состоит из *стихов*; каждый стих пишется с новой строки и начинается прописною буквою.

VII. ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу *разрывая,*
Петух *нашёл жемчужное* зерно.
И говорит: «*Куда* оно,
Какая вещь пустая.
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, *право, был гораздо боле* рад
Зерну ячменному: оно *не столь хоть видно,*
Да сытно».
Невежи судят *точно так:*
В *чём* толку не *поймут, то всё у них пустяк.*

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Замените одним словом выражение *жемчужное зерно.* Какая разница между словами *жемчуг и жемчужина?* Где и из чего добывается жемчуг? Почему он дорог? Куда он употребляется? 2. *Куда оно?* Какое здесь слово пропущено? Скажите это предложение вполне. 3. *Пустая вещь.* В том же ли смысле употреблено слово *пустой* в выражении *пустой орех?* Придумайте два предложения, в которых слово *пустой* было бы употреблено в обоих смыслах. 4. Кто высоко ценит жемчуг? О ком это говорит петух? 5. Петух сказал о ячменном зерне, что оно не *так видно,* как зерно жемчужное. Разве зерно ячменное труднее видеть? В каком же смысле употреблены здесь слова *не видно?* Замените их другими. 6. *Невежи.* Говорит ли здесь Крылов о людях невежливых, или о людях мало знающих? Не лучше ли было бы сказать *невежды?*

К синтаксическому разбору. 1. *А я бы, право, был гораздо боле рад зерну ячменному.* Слово *право* стоит в этом предложении не по вопросу и не находится с остальными членами предложения ни в какой грамматической связи. Такие слова и предложения

называются вводными и выделяются из предложения запятыми. Какие ещё слова на том же основании выделяются из предложения запятыми? 2. Почему перед словами *да сытно* стоит запятая? Какой союз заменён здесь союзом *да?* Не можете ли вы придумать предложения, где слово *да* будет наречием?

К этимологическому разбору. 1. *Навозну.* Это прилагательное полной формы; сокращение же допущено ради стиха. Если бы сказать *навозную*, то не вышло бы стиха. 2. *Боле.* Здесь то же самое сокращение ради стиха: следовало бы сказать *более.* Следует припомнить, что в сравнительных наречиях, оканчивающихся на одно *е*, пишется *е* простое (*ближе, проще, твёрже, реже*); но здесь в слове *боле* последнее *е* опущено для сохранения стиха. 3. *Рад.* Какой формы это прилагательное? Существует ли от него полная форма?

К орфографическому разбору....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *грубый невежа, пустая вещь; крикливый петух, дорогая цена*; проспрягайте глаголы: *разрывать, разрыть, ценить, понимать, понять.* Сделайте от этих глаголов причастия и деепричастия. Перепишите наизусть замеченные пословицы на слова с буквой *е* в корне. Сделайте производные от тех же корней. Напишите наизусть и без ошибки всю выученную басню.

VIII. ЛИСИЦА И ВИНОГРАД.

Голодная кума-лиса залезла в сад;
В нём *винограду* кисти *рделись.*
У кумушки на виноград глаза и зубы
разгорелись;
А кисти сочные, *как* яхонты, *горят*:
Лишь то беда, висят они *высоко*:

Отколь и как она к ним ни *зайдёт,*
Хоть видит *око,*
Да зуб *неймёт.*
Пробившись попусту час *целый,*
Пошла и говорит с *досадою:* «*Ну что ж*!
На взгляд-то он *хорош,*
Да *зелен* — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину *набьёшь*».

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. *Рделись кисти винограду.* Замените это выражение другим. 2. *Глаза и зубы разгорелись* — что это значит? 3. *Кисти горят, как яхонты.* Придумайте предложение, в котором бы слово *гореть* было употреблено в таком же переносном значении. 4. Замените слово *отколь* другим. 5. Что значит выражение *зуб неймёт?* Замените его другим. 6. Что значит *оскомина?* Когда она появляется? Чем ещё можно набить оскомину? Придумайте предложения, где бы можно употребить выражение *набить руку.*

К синтаксическому разбору. 1. *Отколь и как она к ним ни зайдёт.* В этом предложении будущим временем *ни зайдёт* выражено повторение действия. Другими словами: *откуда бы лиса ни зашла.* 2. *Как яхонты.* Сокращённое придаточное предложение, в котором пропущено сказуемое: *кисти винограда горели, как горят яхонты.*

К этимологическому разбору. 1. *Неймёт.* Слово это происходит от церковно-славянского *имать* — *брать. Неймёт,* т. е. не берёт; от того же корня происходит глагол *поймать.* Замечательно, что *неймёт* не имеет ни прошедшего, ни будущего времени. От того же старинного глагола *имать* происходят слова *взимать* и глагол *взять.* Вот почему в словах *возьму, возьмёшь, возьми* пишется мягкий знак: он образовался из буквы *и.*

К орфографическому разбору...

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *кума-лиса, разгоревшиеся зубы, целый час, слабое зрение, сильное подозрение, рдеющий виноград*; проспрягайте глаголы: *рдеть, зайти, целовать, зреть (спеть), набить оскомину*. Напишите наизусть замеченные пословицы... Без ошибки напишите выученную басню.

IX. КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ.

К крестьянину вползла змея
И говорит: «Сосед, *начнём жить* дружно!
Теперь меня *тебе* стеречься *уж* не нужно!
Ты видишь, что *совсем другая стала я,*
И кожу *нынешней* весной переменила».
Однакож мужика змея не *убедила.*
Мужик схватил обух
И говорит: — «*Хоть* ты и в новой коже,
Да сердце у тебя всё то же».
И *вышиб* из соседки дух.

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Куда к крестьянину вползла змея? 2. Какие ещё животные меняют кожу? 3. Что такое обух? 4. Замените выражение *вышиб дух* другим.

К синтаксическому разбору. 1. *Теперь меня тебе стеречься уж не нужно.* В этом предложении подлежащее будет *стеречься,* сказуемое — *не нужно*; всё же остальное — объяснительные слова. Какая часть речи слово *стеречься*? В каком наклонении этот глагол? Как же мы назовём это предложение — прямым, косвенным или безличным?

Заметка. Перечислим теперь все различные виды предложений, какие нам встречались: 1) *предложения*

прямые, в которых предмет речи стоит в именит. пад. (*рыба плавает, птицы летают*); сюда же относятся предложения, у которых подлежащим глагол в неопределённом наклонении или какая-нибудь неизменяемая часть речи; 2) *предложения косвенные*, в которых предмет речи стоит в косвенном падеже (*мне больно, ему снилось*); 3) *безличные*, в которых сказуемое относится к чему-либо неизвестному (*громом убило, ветром свалило*); 4) *однословные*, где в одном глаголе заключается и подлежащее и сказуемое (*светает, смеркается*).

К орфографическому разбору. 1. *Змея, змей, змеистый, змеиться* — буква *е* в корне. *Не от голоду змея кусает, а от злости.* 2. *Нынешний.* Прилагат. от наречия *ныне, ноне. Ныне Тита — много пито; завтра Карпа — нет ни капли.* 3. *Переменила* — одного корня с словами *мена, менять, перемена* и т. д. *Меняючи, только цыган разживается. — Доменялся дед до иголочки, да и ту потерял.*

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *ядовитая змея, нынешняя весна, твёрдое убеждение, змея, переменившая кожу;* проспрягайте глаголы: *начинать, начать, ползти, стеречься, переменять, убедить, убеждать.*

Напишите замеченные пословицы. Напишите слова одного корня со словами *змея* и *мена*. Напишите наизусть и без ошибки басню.

X. СВЕТЛОЕ ЗИМНЕЕ УТРО.

Вечор, ты *помнишь*, вьюга злилась;
На мутном небе *мгла носилась;*
Луна, *как* бледное пятно,
Сквозь облака *едва* смотрела...

А *нынче — посмотри* в окно!
Под *голубыми небесами*
Великолепными коврами,
Блестя на *солнце*, снег *лежит;*
Прозрачный лес *один чернеет*.
И ель *сквозь* иней зеленеет,
И *речка подо* льдом блестит.

Пушкин.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Какие две противоположные картины в этом стихотворении? Разделите каждую картину на части, а части на предложения и объясните знаки препинания. 2. Отчего лес назван *прозрачным?* Когда леса бывают темны? Когда становятся прозрачны? 3. Отчего сказано об *ели*, что она *зеленеет*, а о *лесе*, что он *чернеет?* Какой лес называется чернолесьем и какой хвойным, или красным, лесом?

К этимологическому разбору. 1. *Вечо́р* — наречие; то же, что *вчера*. Здесь ясно видно, что наречие *вчера* произошло от существ. *вечер*: оттуда *вечо́р*, а оттуда и *вчера*. 2. *Небеса* — множ. ч. от слова *небо*, хотя означает только один предмет. 3. *Прозрачный*. В этом прилагательном заметен предлог *про* и корень глагола *зреть*, т. е. *видеть*. Прозрачным называется всё, через что можно видеть другие предметы: *воздух, стекло, лёд* и проч. 3. *Один лес чернеет*. Здесь имя числит. *один* употреблено вместо наречия *только*. 4. *Подо льдом*. К предлогу *под* прибавлена буква *о* для благозвучия.

К орфографическому разбору... .

Письменные задачи. Просклоняйте: *бледное лицо, великолепная картина, солнечный день, блестящий снег, осенняя мгла, прозрачный лес;* проспрягайте

глаголы: *злиться, носиться, лепить, вылепить, бледнеть.* Сделайте от них все причастия и деепричастия.

Напишите наизусть замеченные пословицы. Напишите слова одного корня с словами *бледный, лепить, лес, солнце, лень, река.* Напишите наизусть и без ошибки все стихотворение.

XI. ВОДОПАД И РУЧЕЙ.

Кипящий водопад, свергаяся со скал,
Целебному ключу с *надменностью* сказал
(*Который* под горой *едва лишь* был
приметен,
Но силой славился лечебною своей):
«*Не странно ль это?* Ты так *мал,* водой так
беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Немудрено, *коль мне* приходит *кто*
дивиться;
К тебе *зачем идут?*» — «*Лечиться*»,
Смиренно прожурчал ручей.

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Отчего водопад назван кипящим? Отчего вода кипит в водопаде? Отчего она кипит в котле? Когда говорится о воде, что она *кипит ключом?* Объясните это выражение. 2. *Свергаяся со скал* — замените это выражение другим. 3. *Сказал с надменностью* — придумайте другое выражение. 4. Что называется *ключом?* Какой другой смысл этого слова? Придумайте два предложения, в которых слово *ключ* было бы употреблено и в том, и в другом смысле. 5. Какие ключи называются целебными? Не знаете ли вы, где в России целебные ключи?

К синтаксическому разбору. 1. *Немудрено, коль мне приходит кто дивиться.* Здесь второе предложение — придаточное, а подлежащее в нём *кто*, употреблённое не как вопросительное или относительное, но как неопределённое местоимение (вместо *кто-нибудь*). 2. *Лечиться.* Здесь одно объяснительное слово из целого предложения: *ко мне люди приходят лечиться.* Такие сокращения в ответных предложениях очень часты.

К этимологическому разбору. 1. *Кипящий водопад.* Здесь настоящее причастие от глагола *кипеть* употреблено как простое прилагательное. 2. *Надменностью.* Это слово происходит от глагола *надмевать. Надмеваться, надуваться* — значит гордиться, чваниться. 3. *Премножество.* Это наречие составлено из приставки *пре* и существительного *множество.* Приставка *пре* усиливает качество: *предобрый, препротивный, прехолодно, премного.* В слове *прекрасный* приставка *пре* изменяет самое значение слова; впрочем, в народном языке слово *красный* употребляется часто вместо слов *очень хороший*, или *красивый: красный день, красная цена, красный лес,* т. е. хвойный, который не теряет зелени и зимою, а потому и красив в холодных климатах, где большую часть года другие леса *черны*, отчего и называются чернолесьем.

К орфографическому разбору...

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *кипящая вода, надменный водопад, едва приметная речка, целебный ключ, целебная сила.* Проспрягайте глаголы: *свергаться, свергнуться, сказать, сказывать, примечать, приметить, дивиться, лечиться*; сделайте от них все, какие можно, причастия и деепричастия.

Напишите без ошибки замеченные вами пословицы. Напишите слова одного корня со словом *лечить.* Напишите наизусть выученную басню.

XII. ЗИМНЕЕ УТРО В СТОЛИЦЕ.

Встаёт купец, *идёт* разносчик,
На биржу *тянется извозчик;*
С кувшином *охтянка спешит,*
Под *ней* снег *утренний* хрустит.
Проснулся утра шум приятный;
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым;
И хлебник-немец *аккуратный*
В бумажном колпаке не раз
Уж *отворял свой вас-ис-дас.*

Пушкин.

Примеч. к смысловому разбору. 1. *Биржею* называется место, где собираются купцы для торговых дел, а также и площади, где стоят извозчики. В каком смысле употреблено здесь слово *биржа?* 2. *Охтянка. Охта*—небольшая речка, впадающая в Неву в самом Петербурге. Место это называется *Охтой,* или *Охтенской частью. Охтянки* держат коров и разносят молоко по Петербургу. 3. Замените выражение: *проснулся приятный шум утра.* 4. *Отворял не раз.* Замените это выражение другим. 5. Кого называют человеком *аккуратным?* Русское ли это слово? В русский язык вошло очень много иностранных слов, которые приняли русские окончания. У нас есть наречие *аккурат,* т. е. *впору, как раз. Аккуратный* значит *точный* в своих делах. 6. *Вас-ис-дас?* Так называется в булочных окошко, чрез которое булочник подаёт хлеб покупщикам. Немец-хлебник, отворяя окно, спрашивает: was ist das?—Что там такое? Или: что нужно?

К орфографическому разбору...

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *один аккуратный немец, два спешные дела, пять белых хлебов, легковой извозчик, утренний холод.*

Проспрягайте глаголы: *спешить, успевать, успеть, неметь, восходить, отворять*. Сделайте причастия и деепричастия от этих глаголов.

Напишите наизусть без ошибок пословицу и загадку. Напишите, сколько можете, слов одного корня со словами *спеть, немой, хлеб*. Напишите наизусть стихотворение.

XIII. ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ.

Увидя, что мужик, *трудяся* над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги *гнут* с *терпеньем и не вдруг*),
Медведь задумал *жить такими* **же** трудами.
Пошёл **по** *лесу* треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и *вязу*
Мой Мишка погубил *несметное* число;
А не даётся ремесло.
Вот *идёт* к мужику он **попросить** совета
И говорит: «Сосед, *что за* причина *эта?*
Деревья *я таки* ломать могу,
А не согнул *ни одного в дугу*.
Скажи, в чём есть тут главное *уменье?*»
— «В том», отвечал сосед:
«*Чего* в тебе, кум, *вовсе* нет:
В терпенье».

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. *Прибыльно сбывает с рук*. Что значит *сбывать с рук?* Что значит *прибыльно?* Замените это выражение другим.

2. Что значит *проказа?* О ком говорят: он проказит, *он проказник? Слово проказа* употребляется также и в смысле ужасной болезни, о которой часто говорится в евангелии и которая и теперь ещё существует в Иерусалиме. Людей, заражённых проказою, называют *прокажёнными*. 3. *Несметное число*. Что это значит? 4. *Не даётся ремесло*. Замените это выражение другим. 5. *Что за причина эта?* Как бы сказать иначе то же самое? 6. *Деревья я таки ломать могу*. Союз *таки* означает здесь, что медведю легко ломать деревья, что он их поломал *таки* не мало. Придумайте другие предложения с глаголами *бегать, спать, читать*, где союз *таки* был бы употреблен подобным же образом.

К синтаксическому разбору. 1. *Слышно за версту проказу*. Какое это предложение? Где в нем сказуемое? Где предмет речи? Каким предложением оно сделается, если мы скажем: *проказник слышен за версту?*

К орфографическому разбору... . 4. *Идёт* — здесь для стихотворного складу ударение поставлено на первый слог.... 6. *Есть* — третье лицо наст. времени, ед. ч. от гл. *быть;* во множ. числе — *суть*. Остальные лица настоящего времени не употребляются. Замечательно, что в этом глаголе третье лицо наст. времени оканчивается на мягкий знак, что слышно и по выговору, тогда как во всех остальных глаголах в третьем лице наст. времени на конце всегда твёрдый знак....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *нетерпеливый медведь, чистая совесть, добрый совет, ловкий ответ, острое зрение, пять орехов, ореховая мебель*. Проспрягайте глаголы: *обещать, повещать, советовать, отвечать, ответить, уметь, иметь*.

Напишите наизусть замеченные в этой басне пословицы. Напишите поболее слов одного корня со словами: *ведать, орех, совет*. Напишите наизусть и без ошибки всю басню.

XIV. НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ.

Уж *реже* солнышко *блистало*.
Короче становился день.
Лесов *таинственная сень*
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых *караван*
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора —
Стоял Ноябрь уж у двора.
Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ *умолк;*
С своей *волчихою* голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух.
На *утренней* заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в *кружок*
Их не зовёт его рожок;
В *избушке, распевая*, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучина перед ней.
И *вот* уже трещат морозы
И *серебрятся* средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы:
На, вот, *возьми её* скорей.)
Опрятней модного паркета,
Блистает речка, льдом *одета*.
Мальчишек *радостный* народ
Коньками звучно режет лед;

На красных лапках гусь *тяжёлый*,
Задумав плыть по *лону* вод,
Ступает *бережно* на лёд,
Скользит и падает; весёлый
Мелькает, *вьётся первый* снег,
Звездами *падая* на брег.

Пушкин.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Отрывок этот из стихотворения Пушкина «Евгений Онегин» описывает постепенное наступление зимы и удобно разделяется на три части: в первой описывается середина осени, конец сентября и начало октября; во второй — глухая ноябрьская осень; в третьей — весёлое начало зимы. Разбирайте каждую часть отдельно. В каждой части вы найдёте несколько картин, выраженных в двух, трёх предложениях. Сделавши такое разделение, вы легко объясните себе знаки препинания. 2. Почему говорится, что *солнышко блистало реже?* 3. Когда день становится короче? Когда день начинает увеличиваться? 4. *Сень* — то же, что и *тень;* но под именем сени разумеется не только самая тень, но и то, что даёт тень, что осеняет. Оттуда, вероятно, и слово *сени*. 5. В тени леса многое неясно видно, а потому она и названа *таинственною*. 6. Почему печален шум падающих листьев? 7. Когда начинают появляться туманы и отчего? 8. Что называется *караваном?* караван-сараем? Почему вереницу гусей можно сравнить с караваном? 9. Зачем гуси тянулись к югу и куда они тянутся весной? 10. *Ноябрь стоит у двора; зима у ворот; опасность на носу; бедность у дверей.* Чем сходны эти выражения? 11. *На нивах шум работ умолк.* Какие последние работы на поле? Свозят хлеб, пашут и унаваживают под яровой (весенний) посев; затем поля совершенно пустеют. 12. Почему волк осенью выходит на дорогу? Где он был летом? 13. Почему путник несётся в гору во весь дух? 14. Где скот поздней осенью? 15. Почему лучина названа *другом зимних ночей?*

16. *Читатель ждёт уж рифмы розы: на, вот, возьми её скорей* — это шутка поэта, не идущая к речи, и потому поставлена в скобках. Что называется *рифмою?* Укажите рифмы в этом стихотворении. Кроме рифмы, в стихе ещё соблюдается *размер*. Есть стихи, в которых соблюдён размер, но нет рифмы: такие стихи называются *белыми;* белыми стихами написана сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». 17. Что такое *паркет?* Где он бывает и из чего он делается? Почему Пушкин сравнил замёрзшую реку с паркетом? 18. Что такое *лоно вод? Лоно* — то же, что грудь; а здесь — *поверхность*. Чем был обманут гусь? 19. Отчего сказано о снеге, что он *вьётся, мелькает, падает звездами?* 20. *Брег* — то же, что и *берег*. Такое употребление церковно-славянских слов допускается иногда в стихах для соблюдения размера и рифмы.

К синтаксическому разбору. 1. *Дева прядёт, и, зимних друг ночей, трещит лучина перед ней.* Здесь слова *зимних друг ночей* составляют объяснительное приложение к подлежащему *лучина,* а потому и поставлены между запятыми.

К орфографическому разбору. 1. *Солнышко.* В ласкательных именах среднего рода хотя и слышится на конце *ушко,* но пишется *ышко:* напр., *солнышко, зёрнышко, пёрышко...* 4. *Довольно.* Наречие это происходит от прилагательного *довольный,* в котором легко заметить корень *воля* и приставку-предлог *до* (*доволи* в просторечии); наречие *вдоволь* также ясно показывает, что нужно писать *о*. 5. Ноябрь. Стоит первая буква прописная; но теперь принято писать название месяцев и дней с маленькой буквы. 6. *Холодной.* Стоит сделать существительное *холод* — и тогда ясно, что после *х* следует писать *о;* в окончании же пишется *о* потому, что *ой* есть окончание предложного падежа, а окончания *ай* прилагательные вовсе не имеют. 7. *Осторожный,* от гл. *остерегаться,* а в этом глаголе приставлен предлог *о* к коренному глаголу *стеречь* (припомните слово *сторож*); в конце же пишется *ый,* потому что —

это окончание прилагательного. На *ой* оканчиваются только те прилагательные (как мы это уже знаем), которые имеют ударение на этом слоге (молодой, золотой и пр.). 9. *Полуденный.* Здесь два слова: *пол* — половина и *день;* оттуда *полдень,* где буква *о* слышна ясно. 10. *Зовёт.* Существительное *зов* показывает ясно букву *о*. 11. *Рожок* — это уменьшительное слово от сл. *рог.* Буква *о* ясна. 15. *Опрятный.* Корень *прят;* приставлен же предлог *о*....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *высокие сени* (какого рода это слово?), *резвый мальчишка, старый хлев, редкая девушка, горькая редька;* проспрягайте глаголы: *резвиться, резать, осенять, разредить, разрядить, нестись* (какие два смысла имеет этот глагол?). Сделайте причастия и деепричастия от этих глаголов.

Напишите наизусть и без ошибки пословицы и загадки, замеченные при этом стихотворении. Напишите слова одного корня со словами: *редкий, сень, тень; хлев, дева, резкий.* Напишите наизусть и без ошибки самое стихотворение.

XV. ДВА МУЖИКА.

«*Здорово,* кум Фадей!» — Здорово, кум Егор!
— «*Ну, каково,* приятель, *поживаешь?*»
— *Ох,* кум, беды моей, *что вижу,* ты не знаешь!
Бог *посетил меня:* я сжёг *дотла свой* двор,
И *по-миру* пошёл с *тех* пор.
— «*Как-так?* Плохая, кум, игрушка!»
— Да так. *О* рождестве *была* у нас пирушка,
Я со свечой пошёл *дать* корму лошадям:
Признаться, в голове *шумело;*
Я *как-то* заронил, *насилу спасся сам;*
А двор и всё добро сгорело.

Ну, ты как? — «Ох, Фадей, худое дело!
И на меня прогневался, *знать*, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался *жив*, считаю, *право*, дивом.
Я *тож* о рождестве пошёл в ледник за пивом,
И *тоже чересчур*, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А *чтоб* в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем *не-человека*,
И вот я с той поры калека».
— «*Пеняйте* на себя, *друзья!*»
Сказал им *сват* Степан. «Коль *молвить* правду, я
Совсем не *чту* за чудо,
Что ты сожёг свой двор, а ты на костылях;
Для пьяного и со свечою худо,
Да *вряд*, не хуже ль и *в-потьмах*».

Крылов.

Примеч. к смысловому разбору. 1. Что такое *кум?* Почему в этой басне мужики друг друга называют кумовьями? 2. *Беды моей, что вижу, ты не знаешь.* Замените это выражение другим. 3. *Бог посетил меня.* Посещать собственно значит приходить к кому; но здесь это слово взято в переносном значении; полное выражение будет: *Бог посетил меня бедою,* т. е. *послал мне беду.* 4. Что значит *сжечь дотла?* 5. Что значит *ходить по-миру?* 6. *Я как-то заронил.* Что заронил? 7. Что значит *хлебнуть чересчур?* 8. *Полугар* — то же, что водка. 9. *Хмель* — растение, плод которого употребляется для того, чтобы придать напитку охмеляющее свойство. Потом уж это слово приняло переносный смысл, которым означают вообще пьяное состояние. 10. Кто мужика толкнул — бес или водка?

11. Кого называют калекой? 12. Кого называют *сватом?* 13. *Да вряд, не хуже ль и в-потьмах*, т. е. едва ли не хуже и в-потьмах.

К синтаксическому разбору. 1 Вся эта басня состоит из разговора двух мужиков, а потому, чтобы яснее отделить слова одного разговаривающего лица от слов другого, ставится тире (—) там, где начинаются слова другого лица. 2. *Здорово* — то же, что *здравствуй*, повел. накл. от гл. *здравствовать*. Следует подразумевать *живи здорово*. Также от слов «спаси бог» образовалось наречие *спасибо*, означающее благодарность, как *здорово* означает приветствие. 3. *Ну, каково, приятель, поживаешь?* В этом предложении после *ну* запятая, так как это — междометие; *приятель* между запятыми как звательное слово. Слово же *каково* (вм. *как*) — вопросительное местоимение. 4. *Что вижу?* Здесь *что* поставлено вм. *как*: *как вижу я*. 5. *Как-так?* т. е. *как случилось так то, что ты говоришь*. 6. *Признаться*. В этом вводном предложении осталось одно объяснительное слово из предложения: *я должен признаться, мне следует признаться*. 7. *В голове шумело*. Что шумело? Неизвестно; предложение безличное. 8. *Ну, ты как?* Здесь опущено сказуемое *поживаешь*. В быстрой разговорной речи, состоящей из вопросов и ответов, полные предложения редко употребляются и беспрестанно выпускаются то предметы речи, то сказуемые, а иногда остаётся одно какое-нибудь объяснительное слово из целого предложения. Говорящий рассчитывает на сметливость слушающего; притом же в разговоре речь поясняется произношением, телодвижениями и мимикой, т. е. выражением лица. 9. *Ох, Фадей, худое дело!* Здесь подразумевается, что случившееся и с Егором тоже есть худое дело. 10. *На меня прогневался, знать, бог*. Здесь *знать* вводное слово, вм. сл. *видно*. Это, вероятно, тоже остаток из целого предложения: *как можно знать, как видно*. 11. *А чтоб в хмелю не сделать мне пожару*. Косвенное предложение, предмет речи

мне, а сказуемое *не сделать.* Неопределённое наклонение часто употребляется сказуемым в тех случаях, где нужно только назвать действие, не обозначая времени. Так оно употребляется иногда вместо повелительного: *смирно сидеть, не марать рукавов!* 13. *Коль молвить правду* — то же, что — *если сказать правду.* Здесь предмет речи опущен: *если мне сказать правду;* а сказуемым тоже стоит глагол в неоконченном наклонении, ибо не требуется выражать время. 13. *Да вряд, не хуже ль и в-потьмах.* В этом предложении после слова *вряд* поставлена запятая, потому что оно значит *едва ли.* Если бы сказать: *едва ли не хуже в-потьмах,* то запятой было бы не нужно; здесь же условие как бы повторяется два раза, а потому и поставлена запятая.

К этимологическому разбору. 1. *Каково*—вопросит. наречие, вм. *как.* 2. *Дотла* — наречие, происшедшее от слова *тлеть, тление, тля* (гниль, прах). 3. *Помиру* — наречие, образовавшееся из слов *ходить по миру,* т. е. просить милостыню. 4. *Как-так?* Вопросит. наречие, образовавшееся из двух слов и потому соединённое чёрточкою. 5. *Чересчур* — наречие, вм. *слишком,* через край; слово это образовалось из предлога *через* и слова *чур,* которое в старинном языке значило *граница, край,* а потом обратилось в предостерегательное наречие: *чур меня не трогать.* 6. *В-потьмах* — от слова *тьма* (потемнять) произошло существительное *потёмки.* Здесь же из двух слов образовалось наречие *в-потьмах,* т. е. в темноте, в потёмках, а потому и стоит соединительная черточка. 7. *Калека* — слово общего рода: *он, она, оно* — *калека.*

К орфографическому разбору. 1. *Каково* — от слова *каков,* и потому буква *о....* 3. *Сжёг* — от глагола *сжечь;* несоверш. вид — *сожигать* (см. в той же басне ниже сл. *сожёг*). Этот глагол сложен с предлогом *с* — *сожечь;* коренной же глагол просто *жечь,* а потому и пишется *сжёг,* хотя и говорится *сжог.* 4. *Плохая, плохой* в усечённой форме — *плох.* 5. *Считаю* — слышится буква *щ,* но пишется *сч,* потому что глагол

считать — предложный, составленный из предлога *с* и глагола *честь, чту,* который вы встретите несколько ниже. Этот глагол имеет разные значения: *читать* — *считать* и *почитать,* или *уважать.* Того же корня слова: *чета, чёт* и *нечет.* Следовательно, коренные буквы *чт* — и они не выпускаются. Вот почему следует писать: *счёт, считать,* а не *щитать* и не *щот.* То же замечается и в слове *счастье,* которое состоит из предлога *с* и слова *часть* и следует писать *счастье, несчастье*, хотя в обоих случаях и слышится буква *щ*. 6. *О рождестве,* т. е. во время рождества. Слово это произошло от слова: *рождаться, рождение, родить, род,* а потому и сохраняется буква *д*, хотя её в выговоре не слышно.... 8. *Что*б — союз, образовавшийся из местоимения *что* и союза *бы.* Если же приходится поставить местоимение *что* с союзом *бы,* то следует писать *бы* отдельно, напр.: *Что бы я ни сделал, он всем недоволен.* — *Я желаю, чтобы ты пришёл ко мне....* 11. Не-*человека.* Слова *нечеловек* нет, но здесь два эти слова приняты как бы за одно, и потому между ними стоит соединительная черточка....

Письменные задачи. Просклоняйте выражения: *та счастливая пора, счастливый человек, великое счастье, вьющийся хмель, бешеное животное, жалкий калека, добрый друг, страшные потёмки;* проспрягайте глаголы: *жечь, сжечь, сжигать, спастись, гневаться, считать, счесть, читать, чтить.*

Напишите наизусть без ошибки замеченные при этом пословицы со словами на букву *е* в корне; напишите производные от тех же корней. Напишите наизусть и без ошибки всю выученную басню.

Грамматическая хрестоматия

I. ПРИЛОЖЕНИЯ К ГРАММАТИКЕ.

1. ДВА РАКА.

«Всё пятится назад! Куда какой дурак!» — журил так сына старый рак: «Вперёд ступай, вперёд, не то я драться стану». — «Да покажите вы мне, батюшка, хоть раз, как надобно ходить; я перейму у вас; извольте вы вперёд, а я уж не отстану».

Измайлов.

2. МАЛЕНЬКИЙ БАРАБАНЩИК.

Отец купил Володе барабан. Мальчик выбежал на улицу и забарабанил во всю мочь. Но вот из соседнего дома вышла старушка, такая худенькая и печальная, и говорит мальчику: «Дитя мое! муж мой болен, ему надобен отдых, а твой барабан не даёт ему уснуть». Володя заткнул палочки за пояс, побежал за город, в рощу, барабанил там долго и громко; распугал всех ворон и зайцев.

3. МОРЕ И РЕКА.

Надулось Море пред Рекою, ревёт: «Что значите вы, реки, предо мною? Я с важностью теку по безднам, по скалам; я с шумом в ярости стремлюся к облакам». — «А мы (реки в ответ) не столь шумим волнами, но нашими водами питается земля, тучнеют гордые моря».

Нахимов.

4. ДОРОГА ЛОЖКА К ОБЕДУ.

У араба посреди безлюдной песчаной пустыни пал верблюд. Пошёл бедный араб пешком по горячему песку; но скоро стал изнемогать от голода и жажды. Вдруг видит он на песке большой мешок и думает: «верно, финики!» Кинулся к мешку, стал развязывать его дрожащими от нетерпения руками; развязал — и бросил с досадой: в мешке были одни червонцы.

5. ТЕНЬ И ЧЕЛОВЕК.

Шалун какой-то Тень свою хотел поймать: он к ней — она вперёд; он шагу прибавлять — она туда ж; он, наконец, бежать: но чем он прытче, тем и Тень скорее бежала, все не даваясь, будто клад. Вот мой чудак пустился вдруг назад; оглянется, а Тень за ним уж гнаться стала.

Крылов.

6. ВОЛК, ЁЖ И ЛИСИЦА.

«Что за чудовище?» сказал волк, увидев ежа, который лежал, свернувшись клубком, обставленный отвсюду иглами, как штыками: «На нём нет образа живого существа. Это мерзость и позор леса». — «А он благословляет своё безобразие», сказала лисица: «оно спасает его от твоих зубов».

Никитенко.

7. ТУЧА.

Над изнурённою от зноя стороною большая Туча пронеслась, ни каплею её не освежив одною: она большим дождём над морем пролилась и щедростью своей хвалилась пред Горою. «Что сделала добра ты щедростью такою?» сказала ей Гора: «и как смотреть на то не больно. Когда бы на поля свой дождь ты пролила, ты б область целую от голода спасла: а в море без тебя, мой друг, воды довольно».

Крылов.

8. ЛЯГУШКА И ВОЛ.

Лягушка, на лугу увидевши Вола, затеяла сама в дородстве с ним сравняться, — она завистлива была, — и ну топорщиться, пыхтеть и надуваться. — «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» — «Гляди же, как теперь раздуюсь я широко... Ну, каково? Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». — «Ну, как теперь?» — «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела, и кончила моя затейница на том, что, не сравнявшися с Волом, с натуги лопнула и околела.

Крылов.

9. ЖИВОПИСЕЦ И САПОЖНИК.

Художник выставил напоказ свою картину, а сам стал за нею и слушал, что говорили проходящие. Идёт сапожник и говорит: «Сапоги неверно нарисованы: вот это голенище надо бы так, а этот каблук иначе». Художник взял кисть и исправил сапоги. Загордился сапожник и стал уже судить о лице, руках и положении фигур. Живописец только смеялся над замечаниями сапожника. — Не суди же о том, чего не знаешь.

10. ДУРАК И ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ.

Неполированный, но очень драгоценный, попался камень дураку. Глупец, как видно, был минералог отменный: на камень посмотрел и... зашвырнул в реку.

Нахимов.

11. ВОЛКА БОЯТЬСЯ — В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ.

Спросил купец у матроса: «какою смертью умер твой отец?» — «Утонул», отвечал матрос. — «А дед?» — «Тоже утонул». — «Как же ты не боишься ходить в море?» — спрашивает купец. Не отвечая купцу на последний вопрос, матрос в свою очередь стал его

спрашивать: «Скажи же мне ты сам теперь, где умерли твой отец, дед и прадед?» — «Все они умерли спокойно на своих постелях», отвечал купец. — «Ну, не думаю», сказал матрос, «чтобы на постели было спокойнее умирать, чем в море; но скажи мне теперь, как же ты не боишься каждый день ложиться в постель?»

12. МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ.

Мальчишка, думая поймать угря, схватил змею и, воззрившись, от страха стал бледен, как его рубаха. Змея, на мальчика спокойно посмотря: «послушай», говорит, «коль ты умней не будешь, то дерзость не всегда легко тебе пройдёт. На сей раз бог простит; но берегись вперёд и знай, с кем шутишь!»

Крылов.

13. ПЧЕЛА И МУХИ.

Позднею осенью выдался славный денёк, какие и весною на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улегся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с поблёкшими растениями. Вызванные из улья светом и теплом, мохнатые пчёлки, весело жужжа, перелетали с травки на травку, не за мёдом (его уже негде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

— «Как вы глупы со своим весельем», сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос: «Разве вы не знаете, что это солнышко только на минуту и что, наверное, сегодня же начнётся ветер, дождь, холод, и нам всем придётся пропасть».

— «Зум-зум-зум! Зачем же пропадать?» отвечали мухе весёлые пчёлки: «мы повеселимся, пока светит солнышко; а как наступит непогода, спрячемся в свой тёплый улей, где у нас за лето много припасено мёду».

14. ГУСИ И ЖУРАВЛИ.

Жирные гуси и поджарые журавли сидели вместе на одном лугу. Из-за лесу неожиданно показались охотники. Лёгкие журавли, как только завидели охотников, снялись и полетели; но тяжёлые гуси так разжирели за лето, что хотели лететь — и не могли.

15. ЯГНЁНОК И ПОРОСЁНОК.

Мужик в телеге вёз Ягнёнка и Поросёнка. Куда же? В ряд мясной! Вот поросёнок развизжался, как будто бы мясник с ножом за ним уж гнался, кричит: «увы! увы!» — «Проклятый сын свиной!» сказал ему мужик: «Когда ты перестанешь? Ну что ж Ягнёнок не кричит? Смотри, как он умён — молчит!» — «Нет, глуп», прервал визгун: «Меня ты не обманешь! Он думает, что шерсть с него лишь состригут; а я могу ли быть в покое? Я знаю — с поросят щетины не берут; так верно уж меня убьют и на холодное пойду иль на жаркое. Ах, не сносить мне головы! Увы! Увы!»

Измайлов.

16. ОРЁЛ И КУРИЦА.

Степной орёл, попав в железную клетку, угрюмо молчал и, дико озираясь кругом, не дотрогивался до пищи, хотя лакомые куски мяса лежали у него под носом. Клетка с орлом стояла на дворе, где бродили куры. Они сначала держали себя в почтительном отдалении от орла, робко поглядывая на страшного хищника; но потом, убедившись, что он безвреден за железной решёткой, мало-помалу ободрились, стали бесцеремонно похаживать возле самой клетки и даже, наконец, пустились с орлом в разговор.

— «Зачем ты не ешь?» сказала ему одна добросердечная хохлатка: «Разве не видишь, что пред тобою лежит твоя любимая пища? Посмотри, с каким аппетитом кушаем мы свои зёрна. Кушай же и ты· хозяин

даст ещё. Без пищи можно умереть; а жизнь в неволе вовсе не так дурна, как тебе кажется, да и клетка твоя препросторная».

— «Для кур, а не для орлов», проговорил, наконец, угрюмый пленник, слушавший с досадою всю эту куриную болтовню: «Завтра же», прибавил он, «попадёте вы на вертел или в суп, но слишком глупы, чтобы понимать своё жалкое положение, и слишком испорчены неволею, чтобы любить свободу, как я её люблю. Вы променяли её на даровое зерно, а для меня жизнь без свободы не имеет никакой цены».

Крылов

17. БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ.

Запущенный под облака, бумажный Змей, приметя с высока, в долине мотылька: «поверишь ли», кричит, «чуть-чуть тебя мне видно; признайся, что тебе завидно смотреть на мой высокий столь полёт?» — «Завидно? Право, нет! Напрасно о себе ты много так мечтаешь! Хоть высоко, но ты на привязи летаешь; такая жизнь, мой свет, от счастия весьма далеко, а я хоть, правда, невысоко, зато лечу, куда хочу; да я же так, как ты, в забаву для другого, пустого, век целый не трещу».

Крылов.

18. ГОРБУН И МАЛЬЧИК.

Шёл по улице маленький человек с большим горбом. Шаловливый и злой мальчишка пустил в него камнем и попал удачно — прямо в горб. «О! да как же ты метко кидаешь, дружок», сказал ему горбун: «вот тебе за это!» и бросил мальчику грош. «Я бедный человек», прибавил горбун, «и не могу тебе дать больше, а вот идёт богач: попади в него так же ловко, как в меня, и он даст тебе, чего ты стоишь». Мальчик поднял другой камень, швырнул и попал в богача так же ловко; но слуга, сопровождавший богача, догнал мальчика и оттрепал его на славу и за уши, и за волосы. Мальчик получил то, чего стоил.

19. ЛЕС И РУЧЕЙ.

Пробегая во влажной, лесной темноте, посреди болот и мхов, ручей жалобно роптал, что лес закрывает от него и ясное небо, и далёкую окрестность, не пропускает к нему ни ясных лучей солнца, ни шаловливого ветерка.

«Хоть бы пришли люди и вырубили этот несносный лес!» журчал ручей.

— «Дитя мое!» кротко отвечал ему лес: «ты ещё мал и не понимаешь, что моя тень хранит тебя от иссушающего действия солнца и ветра и что без моей защиты быстро высохли бы твои, еще слабые, струи. Погоди, наберись прежде силы под моей тенью, и тогда ты выбежишь на открытую равнину, но уже не слабым ручейком, а могучею рекою. Тогда, без вреда для себя, будешь отражать ты в своих струях блестящее солнце и ясное небо, будешь безопасно играть с могучим ветром».

20. РОЗА И КРАПИВА.

Случилось, что роза и крапива росли вместе, и вот последняя говорит своей прекрасной соседке: «Смотри, пожалуйста, как эта пчела около тебя увивается; тебе ни на минуту нет от неё покоя. Я удивляюсь твоему терпению. Величественная царица цветов, вооружённая иглами, ты не мешаешь этому маленькому уроду дышать твоим благоуханием и похищать часть твоих соков!» — «Я не должна мешать ей», отвечала роза: «она соки эти превращает в мёд».

Никитенко.

21. СОБАКА И ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина служа, собака с лошадью считаться как-то стали. «Вот», говорит Барбос: «большая госпожа! По-мне хоть бы тебя совсем с двора согнали. Велика вещь возить или пахать! Об удальстве твоём другого не слыхать; и можно ли тебе равняться в чём со мною! Ни днём, ни ночью я не ведаю покою:

днём стадо под моим надзором на лугу, а ночью дом я стерегу». — «Конечно», Лошадь отвечала: «твоя правдива речь; однакоже, когда б я не пахала, то нечего б тебе здесь было и стеречь».

Крылов.

22. ВОЛК И СОБАКА.

Толстый и сытый дворовый пёс, разорвав верёвку, побежал за город прогуляться. В соседнем перелеске он встретился с волком, да таким худым, поджарым — кости да кожа. Сытый пёс взглянул на него более с сожалением, чем со злостью. Ободрённый таким приёмом, волк пустился в разговор с собакою и стал ей жаловаться на своё худое житьё. Сжалилась собака над волком и говорит ему: «ступай жить к нам, у нас хозяин добрый и за ничтожную службу даст тебе тёплую конуру и хороший корм». Обрадовался бедный волк такому приглашению и побежал с собакою в город; но дорогою заметил, что у его спутницы на шее вытерта шерсть. «А это что у тебя?» — спросил волк: «отчего недостает шерсти на шее?» — «Это так, пустяки!» отвечала собака с неудовольствием. — «Однакоже?» — пристаёт волк. — «Вздор!» ворчит собака: «это от верёвки, которою меня привязывают на ночь, чтобы я не убежала». — «Так тебя привязывают на верёвку?» — «Иногда... Вот видишь ли, нельзя же...» — «Э, нет, мой милый!» сказал тут волк, останавливаясь у городских ворот: «на верёвке мне не нужна ни твоя тёплая конура, ни твоя сытная пища, ни твой добрый хозяин: прощай!» — и помчался назад в лес.

23. КОМАР И ПАСТУХ.

Пастух под сенью спал, надеяся на псов. Приметя то, змея из-под кустов ползёт к нему, вон высунувши жало, и пастуха на свете бы не стало: но, сжаляся над ним, комар, что было сил, сонливца укусил. Проснувшися, пастух змею убил; но прежде комара спросонья так хватил, что бедного его как не бывало.

Крылов.

24. ВОРОБЬИ И ОВСЯНКА.

Накрывши сетью воробьёв, мужик им говорил: «Вот я вас всех, воров! Вы на поле моё летали, горох клевали! Не долго дам теперь сидеть вам в полону: всем головы сверну, и в кашицу... Да ты, Овсянка, как попала?» Овсянка так ему под сетью отвечала: «Послушай, мужичок, всю истину скажу: я с ними только лишь летала и, право, твоего гороху не клевала. Пусти меня: ничем тебе я не врежу. Ужли поступишь так со мной, как с воробьями?» — Да не помилую, конечно, и тебя! Пеняй сама ты на себя: зачем была с ворами!»

Измайлов.

25. ВОЛК И ЛИСИЦА.

Лиса, курятинки накушавшись досыта и добрый ворошок припрятавши в запас, под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час; глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится. «Что, кумушка, беды!», он говорит: «ни косточкой не мог нигде я поживиться, меня так голод и морит; собаки злы, пастух не спит, — пришло хоть удавиться». — «Неужли?» — «Право, так». — «Бедняжка-куманёк! Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог: я куму услужить готова». А куму не сенца, хотелось бы мяснова, — да про запас Лиса ни слова. И серый рыцарь мой, обласкан по уши кумой, пошёл без ужина домой.

Крылов.

26. ВЕРХОВЫЙ КОНЬ И КЛЯЧА.

Верховый гордый Конь, увидя Клячу в поле, в работе под сохой и в неге не такой, какую сам у барина имел, и не в уборе, и не в холе, с пренебрежением на Клячу посмотрел; пред Клячею бодрился, и хвастал, чванился, и тем, и сем хвалился. «Что?» — говорит он Кляче той: «бывал ли на тебе убор когда такой, как

мой? И знаешь ли, меня как всякий почитает? Всяк, кто ни встретится, дорогу уступает; всяк обо мне твердит и всякий выхваляет, тебя же кто на свете знает?» Несносна Кляче речь Коня: «пошёл, хвастун!» ему на это отвечает: «оставь в покое ты меня. Тебе ль со мной считаться и надо мною издеваться? Не так бы хвастать ты умел, коли б овса моих трудов не ел».

Хемницер.

27. ПОПУГАЙ И СОЛОВЕЙ.

Попугай до того кричал, трещал, свистал, что оглушил совсем хозяев, и его велели вынести в сад. Мой Попка был самолюбив, обиделся не на шутку и обратился с жалобой к Соловью, который прилетел посмотреть на заморскую птицу.

«Соловушко, мой друг!» сказал Попка: «я слышал, что ты знаешь толк в музыке: прошу тебя, послушай моих песен и скажи откровенно, какой в них недостаток, и почему мой хозяин их не любит; тогда как он же слушает с удовольствием, не говорю уже, тебя, — твоя песня почти так же громка, как моя, и стоит того, чтобы её послушать, — но таких плохих певцов, как жаворонок, канарейка и овсянка, чириканье которой, согласись сам, скорее можно назвать писком, чем пением». — «Пой», отвечал Соловей: «я с охотою послушаю такую красивую птицу». Попугай стал показывать всё своё искусство: кричал и по-петушьи, и по-куриному, лаял по-собачьи, мяукал по-кошачьи, проговорил все слова, которые выучил, перемешивая без толку брань и ласки; пропел отрывки всех песен, какие только знал. — «Ну», сказал он, окончив свой трескучий концерт: «скажи же теперь, слышал ли ты что-нибудь подобное?» — «Ты подражаешь мастерски», сказал Попке Соловей: «но мне хотелось бы слышать твою собственную песню».

Попугай с недоумением взглянул на Соловья и опять замяукал по-кошачьи, залаял по-собачьи, каркал по-во-

роньи, сыпал заученные фразы, как горох. Сколько Соловей ни бился, не мог добиться от Попугая его природной песни.

— «Вот видишь ли», сказал он, наконец: «главный недостаток твой в том, что ты всё поёшь с чужого голоса. Как ни слаб голос овсянки, о которой ты отзывался с таким презрением, но в своей тихой песенке она выражает свои собственные чувства: свою любовь, свою грусть, своё веселье и свою печаль. Вот почему люди слушают и её с удовольствием, а тебя велят выносить вон всякий раз, как ты слишком раскричишься. Попробуй найти свою собственную песню, и тогда тебя станут также слушать серьёзно и со вниманием. Но я сильно боюсь, что, подражая долго всем и без разбору, ты утратил уже способность выражать свои собственные чувства, если они когда-нибудь и были».

28. РОЖЬ.

Рожь, составляющая главную пищу русского человека, принадлежит к породе колосовых трав, или злаков; её сеют и весной, но чаще осенью, и осенью же всходит она мягкою, ярко-зелёною травкою, пускающей корешки и кустящейся так, что из одного зерна выходит несколько стебельков. Настанет зима и завалит снегом только что выглянувшую рожь. Закрытая толстым слоем снега, она перестаёт расти, но не погибает. Как только стают весной снега, как только пригреет посильнее солнышко, рожь опять пускается в рост.

Корешки у ржи тоненькие, точно пучок ниток; стебель, называемый соломинкою, *коленчатый* и пуст в середине. Листья у ржи длинные, узкие, без *черешка*, а потому снизу плотно обхватывают соломинку, тогда как верхушки их, красиво загнувшись, свободно качаются в воздухе и пьют из него невидимую пищу, необходимую для растений, вдобавок к высасываемой корешками из земли.

К концу мая наверху соломинки образуется усастый колосок, сначала маленький, мягкий, зеленоватый. Выколосившаяся рожь начинает цвесть. Каждый колосок обсыпается зеленоватым пухом. Это-то и есть незатейливые цветы ржи. Когда рожь отцветёт, то за каждой чешуйкой колоска появляется зёрнышко, сначала белое и мягкое. Зёрнышко начинает расти: толстеет, темнеет, становится твёрже. В то же самое время стебель сохнет, желтеет, принимает золотистый цвет, а листья, давно уже отвалившиеся, оставили на соломинке только свои зачатки. Вот и жницы, вызванные в поле созревшей рожью, появились с острыми серпами: прилежный колосок кончил свою работу и приготовил людям сытное зерно.

29. ГОРНЫЙ РУЧЕЙ.

Шумя и пенясь, то прыгая с камня на камень, то подтачивая утёсы, то вырывая с корнем столетние деревья, то заливая обработанные поля, то унося в своих волнах и стада, и хижину пастуха, бежал с высокой горы шумный и сильный ручей. Путешественники, правда, любовались им; но окрестные пастухи и земледельцы проклинали его всякий раз, когда тающие горные снега придавали ему ещё новую силу и дерзость.

Но вот пришёл издалека знающий и предприимчивый человек, посмотрел на ручей и стал думать о том, как бы, обуздав эту дикую силу, употребить её с пользой. «Полно тебе проказить», сказал он, наконец, ручью: «принимайся-ка лучше за полезную работу». Взял сам заступ и лом и, созвав работников, прорыл, где следовало, канавы, навалил, где нужно было, камней, углубил русло; поставил повыше одну мельницу, пониже другую, а ещё ниже — целую фабрику. Колёса завертелись под напором воды, — и обузданная сила ручья обогатила не только строителя, но и всю окрестность.

2. СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ ПРОЙДЕННОГО И ДАЛЬНЕЙШИХ УПРАЖНЕНИЙ *

30. КУКУШКА И ОРЁЛ.

Орёл п**о**жал**о**вал Кукушку в Соловьи
Кукушка в новом чине
Усевшись важно на **о**сине
Таланты в музыке *св**о**и*
Выказывать пустилась
Глядит все *прочь* летят
Одни сме**ю**тся ей а те е*ё* бранят
Моя Кукушка **о**г**о**рчилась
И с жал**о**бой на птиц к Орлу спешит она
*П**о**милуй* г**о**в**о**рит по тв**о**ему веленью
Я соловьём в лесу здесь *названа*
А моему смеят**ь**ся смеют пенью
Мой друг Орёл в ответ я царь но я **не** бог
*Нельзя мне от беды твоей тебя избавит**ь***
Кукушку Соловьём чест**и**ть я *мог* застав**и**ть
Но **с**делать Соловьем Кукушку я не мог

Крылов.

31. ЛЕВ И ВОЛК.

Лев *убирал* за завтр**а**ком ягнёнка;
А *Собачонка*,
Вертясь вкруг царского ст**о**ла,
У Льва *из-под* когтей кусоч**е**к урвала;
И царь зверей то *снёс*, **не** *огорчась* ни мало:
Она глупа *ещ**е*** и м**о**лода была.

---

* В статьях, напечатанных без знаков препинания, следует, сделав смысловой и синтаксический разбор, поставить знаки. В статьях, напечатанных со знаками, следует оправдать их. В тех и других следует оправдать орфографию слов, в которых попадаются *толстые* буквы. Предложения, напечатанные *курсивом,* следует разобрать синтаксически. Отдельные слова, напечатанные так же, следует разобрать этимологически.

Увидя то, на мысли Волку *вспало*,
Что Лев, *конечно*, не силён,
Коль так смирён:
И лапу протянул к ягнёнку также он,
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, *промолвя* так: «*Дружок!*
Напрасно, *смотря* на Собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не щенок!».

Крылов.

32. ЛЕШИЙ.

Жители одной уединённой деревни были в большом беспокойстве особенно бабы и *ребятишки* в ближнем любимом *их* лесу *куда мальчики и девочки поминутно шныряли то за ягодами то за грибами* завелся леший *как только настанет ночь* так и пойдёт по лесу хохот свист мяуканье а по временам раздаются страшные крики *точно кого нибудь душат* как зааукает да захохочет волосы становятся дыбом дети не только ночью но и днём боялись ходить в свой любимый лес где прежде только и слышно было что пенье соловьёв да протяжные крики иволги в то же время чаще прежнего стали пропадать по деревне молодые куры утки и *гусята*.

Надоело это наконец одному молодому крестьянину Егору погодите бабы сказал он я вам лешего живьём принесу дождался Егор вечера взял мешок ружьё и отправился в лес несмотря на просьбы своей трусливой жены целую ночь пробродил он в лесу целую ночь не спала его жена и с ужасом слушала как до самого света хохотал и аукал леший.

Только уже утром показался Егор из лесу он тащил в мешке *что то* большое и живое одна рука у Егора была обмотана тряпкой а на тряпке видна была кровь весь хутор сбежался на двор к отважному крестьянину и не без страха смотрел как он вытряхи-

вал из мешка какую-то *невиданную* птицу мохнатую с ушами с красными большими глазами она кривым клювом щёлкает глазищами поводит острыми когтями землю дерёт вороны сороки и галки *как только завидели чудище* так и стали над ним носиться подняли страшный крик и гам.

Филин крикнул тут один старик ведь я ж вам глупые говорил что это всё филин проказит.

33. РЯБИНУШКА.

Ты рябина моя, *рябинушка*,
Кудреватая, листоватая.
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвела, когда вызрела?
—Что весной взошла, летом выросла,
По зарям цвела, в полдень вызрела.

Ты *детинушка, сиротинушка*,
Бесприютная твоя головушка!
На чужой живёшь ты сторонушке!
И что кто тебя, друга, спородил,
И что кто тебя вспоил, вскормил?
— Породила-то меня *родна* матушка,
Вспоил-то, вскормил сударь-батюшка,
Возлелеяли родные братеньки,
Завивали кудри родные сестрицы,
Научила меня *чужа* сторона,
Чужа сторона — служба царская,
Служба царская — *государева*.

34. ОВЦЫ И СОБАКИ.

В каком то стаде у Овец
Чтоб Волки не могли их более тревожить
Положено число собак умножить
Что ж развелось их столько наконец
Что Овцы от Волков то *правда* уцелели
Но и собакам *надо* ж есть

Сперва с Овечек сняли шерсть
А там по жеребью с них шкурки полетели
А там осталося всего Овец *пять шесть*
И тех собаки съели

Крылов.

35. ДЕРВИШ * И ХАН.

Бедный старый Дервиш *утомлённый* длинною дорогою по безлюдной степи *дотащился* наконец до города Бухары *и прямо к ханскому дворцу* вошёл в высокие прохладные сени разостлал на полу ковер развязал дорожный мешок и расположился обедать часовой при виде такой дерзости оборванного нищего сначала не мог опомниться но потом стал гнать его Дервиш сопротивлялся завязалась драка и *на шум* вышел из дворца сам Хан ты что здесь делаешь спросил он грозно у Дервиша а вот хочу пообедать отвечал дерзкий Дервиш пообедавши сосну *часика два* а потом пущусь далее в путь дерзкий нищий крикнул на него Хан разве ты не видишь что это дворец а не гостиница дворец спросил спокойно Дервиш но скажи мне могущественный хан Бухары кто жил в нем прежде тебя мой отец отвечал Хан а прежде твоего отца мой дед а прежде деда прадед а после тебя кто будет в нем жить мой сын а после твоего сына мои внуки и правнуки если Аллаху угодно будет продлить мой род вот видишь ли отвечал Дервиш что я не ошибся *приняв* за гостиницу дом *в котором так часто меняются постояльцы призадумался* грозный Хан велел накормить Дервиша дать ему спокойно отдохнуть и с подарком отпустить в дальний путь

36. МИРСКАЯ СХОДКА.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
Стараньем кумушки-Лисицы,
Словцо о нём замолвлено у Львицы.

---

* Магометанский монах и нищий.

Но так как о волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит Лев на лицы,
То *велено* звериный весь народ
Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в Волке *доброго* он знает, иль *худого*.
Исполнен и приказ: *все звери созваны;*
На сходке голосá чин чином собраны:
Но против Волка нет ни слова,
И Волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —
Вот то-то нет. Овец-то и забыли!
А *их-то* бы всего нужней спросить.

Крылов.

37. ЯРМАРКА.

Отец подарил Косте рублёвую бумажку и сказал *сбереги* эти деньги до Петровской ярмарки с не*терпением* дожидал Костя Петрова дня бумажка так и шевелилась у него в кармане.

Дня за три до праздника построились возле города на городском лугу досчатые балаганы а *накануне* ярмарки съехалось *множество* народа купцы навезли полные возы *товару* и стали раскладывать *его* по балаганам барышники нагнали лошадей чумаки расставили возы с рыбой и солью крестьяне навезли много разного хлеба новых телег и колёс деревянной и глиняной посуды привели коров овец свиней мелкие торговцы и торговки установили свои столики под холстинными навесами и *разложили кто обувь кто пояса пуговицы и ленты кто пряники орехи и рожки* букинист заманчиво расставил книги по полкам развесил картинки *но где же пересказать всё* что было на той ярмарке *разве одного птичьего молока не было* в большом досчатом балагане с балкончиком устроился кукольный театр и пёстрый паяц уже не раз пробовал выскакивать *из-за* холстяной занавески рядом на другом балагане красовалась заманчивая

вывеска *Заграничный Магик* несколько *поодаль* скрипели уже круглые качели и болтались деревянные коньки приглашая ездоков.

Наконец в самый Петров день после обедни ярмарка открылась народ хлынул на луг и повалил густыми толпами между балаганами столиками и навесами музыка заиграла паяц запищал коньки завертелись унося весёлых маленьких ездоков цыгане стали *сновать* верхами по полю нищие затянули свои жалобные песни поднялся везде торг шум говор зашевелилась заходила загудела весёлая ярмарка.

Не дремал и Костя со своим рублём побывал он в гостях у паяца и полюбовался пёстрым полишинелем посмотрел как магик ел пылающие клочья и таскал из-за щеки длинные ленты повертелся Костя на качелях купил себе книжку с картинками набил калёными орехами и рожками оба кармана и всё ещё оставался у него целый гривенник.

Стоит Костя и раздумывает что бы купить ему на остальной гривенник медовый ли пряник или картонного плясуна но в это время подошёл к нему такой же как и он мальчик но слепой и весь в лохмотьях подумал Костя *каково-то человеку ходить в потёмках посреди такой весёлой ярмарки* и отдал свой гривенник бедному слепцу.

38. СПОР ВОДЫ С ОГНЁМ.

Огонь и вода заспорили между собой *кто из них сильнее* спорили долго дрались даже огонь донимал воду своим пламенным языком вода *шипя* от злости заливала *расходившееся* пламя но спора решить не могли и выбрали себе в судьи ветер.

Ветер ветрило сказал судье огонь ты носишься по целому свету и знаешь что в нём делается тебе лучше чем кому нибудь известно как я обращаю в пепел целые селения и города как своими всё уничтожающими объятиями обхватываю необозримые степи и непроглядные леса как пламя моё рвётся к облакам

и *как бежит передо мною в ужасе всё живое* и птица и зверь и бледный дрожащий человек *уйми же* дерзкую воду и заставь её признать моё первенство.

Тебе известно могучий ветер сказала вода что я не только наполняю реки и озёра но и *бездонные* пропасти морей ты видал как я кидаю будто щепки целые стаи кораблей и хороню в моих волнах несметные сокровища и дерзких людей как мои реки и ручьи вырывают леса топят жилища и скот а *мои морские волны заливают не то что города и села но целые страны* что может сделать бессильный огонь с каменной скалою а я уже много таких скал источила в песок и засыпала им дно и берега моих морей.

Всё чем вы хвастаетесь сказал ветер обнаруживает только вашу злость но еще не вашу силу скажите мне лучше что вы оба делаете доброго и тогда быть может я решу кто из вас сильнее.

О в этом отношении сказала вода нельзя огню и спорить со мною не я ли даю питьё и животным и человеку может ли без моих капель прозябать самая ничтожная травка где нет меня там только песчаная пустыня и сам ты ветер поёшь в ней печальную песню без огня могут жить во всех тёплых странах но без воды ничто жить не может.

Ты забыла одно возразил соперник воды ты забыла что и в солнце горит огонь а что могло бы жить без солнечных лучей *несущих* повсюду и свет и тёпло там куда я редко заглядываю ты сама плаваешь мёртвыми глыбами льда посреди пустынного океана где нет огня там нет жизни.

А много ли жизни даёшь ты в африканских пустынях спросила злобно вода ты жжёшь там целый день а жизни нет как нет.

Без меня сказал огонь *вся земля была бы безобразною замёрзшею глыбою.*

Без меня сказала вода земля была бы глыбою бездушного камня сколько бы ни жёг её огонь.

Довольно решил ветер теперь дело ясное по *одиночке* вы оба можете приносить только вред и оба одина-

ково бессильны на доброе дело силён же только тот кто заставил вас да и меня также повсюду бороться друг с другом и в этой борьбе служить великому делу жизни.

39. МАЙСКИЙ ЖУК.

Вот настал и май земля покрылась травою деревья пышно оделись листьями яблони груши и вишни в полном цвету рано встает солнышко и поздно ложится ночей почти совсем нет целый день дети на воздухе но вечера так хороши *что не хочется в комнату.*

Но что это *прожжужало* над нами ба майский жук один другой третий о да их и много поди ка приятель сюда ко мне в шляпу я хочу рассмотреть каков ты из себя туловище твое черно щиток также твои твердые *надкрылья* и ножки красноваты под надкрыльями сложены настоящие легкие и прозрачные крылышки а острый задок загнулся книзу на голове же щупальцы с шестью маленькими отростками *вроде* листиков.

Однакоже откуда появилось разом такое множество майских жуков *не прилетели же они из за моря как ласточки* все больше и больше их будто из земли вылетают и точно из земли не хотите ли я расскажу вам историю этого жучка пока он бедняга выбивается из сил чтобы выцарапаться из моих пальцев.

Поверите ли что этот жучок старше вашего маленького братца Мити. Мите всего третий год а этому жучку все четыре.

Четыре года тому назад мать этого жучка положила более *двадцати* крошечных желтоватых яичек там за нашим садом на соседнем поле для каждого яичка она пробуравливала в земле особую дырочку после такой трудной работы бедная мать уже до того ослабела что не могла больше летать поползала немного упала и издохла но зато в яичках которые она так тщательно спрятала заботясь по инстинкту о своём потомстве которого никогда не увидит началась деятельная жизнь скоро из каждого яичка

выполз крошечный белый мягкий червячок или личинка с тёмной головкой с шестью тёмными ножками всё тело личинки состояло из *двенадцати* колец *как бы свернувшихся на сторону*.

Четыре года жила личинка в земле рылась в ней и искала себе пищи то и дело что ела росла толстела много за это время перепортила она растений *подъедая* их корешки но к счастью для *земледельца* и садовника у вредной личинки есть много страшных врагов крот и полевая мышь любят лакомиться жирным телом личинок *мастерски* отыскивают их в земле и истребляют тысячами когда же пахарь взрывает землю своей кривой сохой то выворачивает из земли наружу много личинок а *сзади* пахаря уже подпрыгивают прожорливые вороны и грачи.

Нашей личинке однако посчастливилось она одна уцелела из двадцати своих братьев и сестёр и вот на *четвёртое* лето сохранившаяся личинка жука вырыла себе в земле круглую пещерку легла в неё и точно будто уснула не ест не пьёт не шевелится но она не умерла и с нею делается что то чудное она мало-помалу превращается в белую куколку скоро белая куколка начинает темнеть и если бы вам случилось увидеть её в это время то вы уже легко узнали бы в ней будущего жука головка грудь ножки обозначались ясно но вот уже и весь жук только еще мягкий и беловатый к весне пятого года жучок уже готов и мог бы рано вылезть из своей норки но он не доверяет ни марту ни апрелю и терпеливо дожидается теплых дней весёлого мая когда деревья совершенно покроются листьями и цветами только сегодня вечером будто сговорившись с тысячами своих товарищей покинул наш жучок свою тёмную пещерку и вылетел носиться и жужжать в сумерках тёплого майского вечера.

Посмотрите какою шумною веселящеюся тучею напали прожорливые насекомые на цветущие деревья много перепортят они цветов и листьев но ещё более наделают вреда те гусеницы которые от них останутся на окрестных полях.

40. СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ.

Попался было бирюк в капкан да *кое как* вырвался и пробирался в глухую сторону завидели его охотники и стали следить пришлось бирюку бежать через дорогу а на ту пору шёл по дороге мужик с мешком и цепом бирюк к нему сделай милость мужичок схорони меня в мешок за мной охотники гонятся мужик согласился запрятал волка в мешок завязал и *взвалил* на плечи идёт мужик дальше а навстречу ему охотники не видал ли мужичок бирюка нет не видал охотники и проскакали мимо что ушли мои злодеи спрашивает бирюк ушли ну теперь выпусти меня на волю мужик развязал мешок и выпустил волка на вольный свет а бирюк говорит мужику что же мужичок я тебя съем ах бирюк бирюк я тебя из *какой* неволи выручил а ты меня съесть хочешь *старая хлеб соль забывается* отвечал бирюк мужик видит что дело то плохо и говорит ну коли так пойдём дальше и если первый кто встретится скажет по твоему что старая хлеб соль забывается тогда делать нечего ешь меня.

Вот идут мужик и волк а навстречу им старая лошадь мужик к ней сделай милость рассуди нас вот я бирюка из большой неволи выручил а он хочет меня съесть и рассказал ей все как было лошадь подумала подумала и говорит я жила у моего хозяина двадцать лет изо всех сил на него работала а как стала стара и *пришло мне невмоготу работать* он взял да и стащил меня под яр насилу я оттуда вылезла и теперь вот плетусь *куда глаза глядят* да старая хлеб соль забывается видишь моя правда сказал бирюк опечалился мужик и стал просить бирюка чтобы обождал до другой встречи бирюк согласился и на это.

Идут мужик с волком а навстречу им старая собака вот мужик и у неё о том же спрашивает собака подумала подумала и сказала служила я хозяину двадцать лет оберегала его дом и скотину а как состари-

лась и перестала лаять он прогнал меня со двора и вот плетусь я куда глаза глядят *да* старая хлеб соль забывается опечалился мужик ещё *пуще и насилу* упросил волка подождать до третьей встречи а там делай как знаешь коли хлеба соли *моей* не помнишь согласился бирюк обождать до новой встречи повстречалась им лиса мужик рассказал ей всё дело как было лиса стала спорить да как это можно чтобы бирюк *этакая* большая туша мог поместиться в этаком малом мешке и мужик и бирюк побожились что правда но лиса говорит не поверю пока своими глазами не увижу а ну ка мужичок покажи как ты сажал волка в мешок мужик расставил мешок и бирюк всунул туда голову да *разве* ты одну голову прятал закричала лиса бирюк влез совсем ну ка мужичок продолжала лиса покажи как ты волка завязывал мужик завязал а ну ка мужичок покажи как ты на гумне хлеб молотишь мужик начал молотить волка цепом и убил.

(Из народн. сказок).

41. ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР.

Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют
Между колёсами телег
Полузавешанных коврами
Горит огонь семья кругом
Готовит ужин в чистом поле
Пасутся кони за шатром
Ручной медведь лежит на воле
Все живо посреди степей
Заботы мирные семей
Готовых с утром в путь не дальний
И песни жен и крик детей
И звон походной наковальни

Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье
И *слышен* в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье
Огни везде погашены
Спокойно всё луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.

Пушкин.

42. ЛЕБЕДЬ.

Лебедь по своей величине силе красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царём всей водяной или водоплавающей птицы белый как снег с блестящими прозрачными небольшими глазами с чёрным[1] носом и чёрными лапами с длинной гибкой и красивой шеей он *невыразимо* прекрасен когда спокойно плывет между зелёных камышей по тёмносиней гладкой поверхности воды но и все его движения *исполнены* прелести *начнёт* ли он пить и зачерпнув носом воды поднимет голову *вверх* и вытянет шею начнёт ли купаться далеко нырять и плескаться *разбрасывая* своими могучими крыльями брызги воды *скатывающейся* с его пушистого тела начнёт ли потом охорашиваться легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею поправляя и чистя носом на спине боках и хвосте смятые или замаранные перья распустит ли крыло по воздуху как будто длинный косой парус и также начнёт перебирать в нём каждое перо проветривая и суша его на солнце всё живописно и великолепно в нём.

Аксаков.

Примеч. [1] *Чёрный.* После *ч* пишется *ё*, хотя и выговаривается *чорный*. Присутствие буквы *е* слышно в глаголе *чернить*, в словах *почернелый, почерневший*.

43. ДЯДЮШКА ЯКОВ.

Дом — не тележка у дядюшки Якова,
Господи боже! *чего-то в ней нет!*
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продаёт понемногу,
Рады ему, да *и он-то того!*
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне — ему ничего:
Знает, где люди — и куплю, и мену
На полосах поведёт старина;
Дай ему свёклы, картофельку, хрену:
Он тебе всё, что полюбится, — *на!*

***

— «*Стой*, старина!» Старика обступили:
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли, сластей накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть. Ешь, паренёк!

***

Зубы у девок, у баб разгорелись:
Лён, и полотна, и пряжу несут.
«*Стойте! не вдруг! белены вы объелись*?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
«Цвет ты наш *маков,*
Дядюшка Яков,
Не дорожись!»

***

И букварей-таки много купили —
«Будет вам пряников; нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками писаны чётко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»

Н. Некрасов.

44. ВЕСНА В РОССИИ.

Нигде весна не имеет столько прелестей как в России* белая одежда зимы наконец утомляет зрение душа желает перемены и звонкий голос жаворонка раздаётся на высоте воздушной сердце трепещет от удовольствия солнце быстрым действием лучей своих растопляет снежные холмы вода шумит с гор и поселянин как мореплаватель при конце океана радостно восклицает земля реки рвут на себе ледяные оковы пышно выливаются из берегов и самый маленький ручеёк кажется величественным сыном моря бледные луга упитанные благотворной влагой *пушатся* свежей травкой и *красятся* лазоревыми цветами берёзовые рощи зеленеют за ними и дремучие леса при громком гимне весёлых птичек одеваются листьями а зефир всюду разносит благоухание ароматной черёмухи.

Карамзин.

---

* В слове *русский* пишется два *с*: одно принадлежит корню (Русь), другое — окончанию (ский). В слове же Россия два *с* пишутся потому, что это слово взято из иностранного языка (Russia), (...); в нашем же родном названии *Русь* пишется одно *с*.

45. РОЩА ОСЕНЬЮ.

Я сидел в берёзовой роще осенью около половины сентября. С самого утра перепадал маленький дождик сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием была непостоянная погода небо то всё *заволакивалось* рыхлыми белыми облаками то вдруг местами расчищалось на мгновение и *тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь* ясная и ласковая как прекрасный *умный* глаз я сидел и глядел *кругом* и слушал листья *чуть* шумели над моей головой по одному их шуму можно было узнать какое тогда стояло время года то был **не** весёлый *смеющийся* трепет весны **не** мягкое шушуканье **не** долгий говор лета **не** робкое и холодное лепетанье поздней осени а едва слышная дремотная болтовня слабый ветер *чуть чуть* тянул по верхушкам внутренность рощи *смотря* по тому светило ли солнце или закрывалось облаком то озарялась вся словно вдруг в ней все улыбалось тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого шёлка лежащие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом а красивые стебли высоких кудрявых папоротников уже *окрашенных* в свой осенний цвет подобный цвету переспелого винограда так и сквозили бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами то вдруг опять всё кругом слегка синело яркие краски мгновенно гасли берёзы стояли все белые без блеску белые как только что *выпавший* снег до которого еще **не** коснулся *холодно играющий* луч зимнего солнца и украдкой лукаво начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь листва на берёзах была ещё почти вся зелена хотя заметно побледнела лишь *кой-где* стояла одна молоденькая вся красная или вся золотая берёза и надобно было видеть как она ярко вспыхивала на солнце когда его лучи внезапно пробивались скользя и пестрея сквозь частую сетку тонких веток *только что смытых* сверкающих дождем *ни одной птицы не было слышно* все приютились и замолкли лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы.

Тургенев.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ И ЕГО СЫНЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ.

1.

Три девицы под окном
Пряли поздно *вечерком*
Кабы я была царица
Говорит одна девица
То сама на весь бы мир
Приготовила я пир
Кабы я была царица
Говорит её *сестрица*
То на весь *бы мир одна*
Наткала я полотна
Кабы я была царица
Третья *молвила* сестрица
Я *б* для батюшки царя
Родила богатыря.
Только вымолвить успела
Дверь тихонько *заскрипела*
И в светлицу входит царь
Стороны той государь
Во всё время разговора
Он стоял *позадь* забора
Речь последней по всему
Полюбилася ему
Здравствуй красная девица
Говорит он будь царица
Вы ж голубушки сестрицы
Выбирайтесь из светлицы
Поезжайте *вслед* за мной
Вслед за мной и за сестрой
Будь одна из вас ткачиха
А другая повариха.

2.

Через несколько времени царь Салтан уехал на войну, а в это время родился у царицы мальчик-бо-

гатырь. Царица написала об этом царю; но ткачиха с поварихой, да еще со сватьей бабой Бабарихой, завидуя государевой жене, переняли царицына гонца и послали к царю другого, с известием, что у царицы, вместо мальчика, родилась какая-то неведомая зверюшка. Получив такое известие, царь огорчился; но велел, однако, обождать своего возвращения, чтобы тогда решить, что̀ делать с матерью и ребёнком. Злые сёстры царицы переняли и царёва гонца, напоили его до-пьяна и, вынув из его сумки царскую грамоту, сунули в неё другую, в которой приказывалось от имени царя немедленно бросить в море и царицу, и дитя. Пожалели бояре о молодой царице, но не осмелились не исполнить царской воли: посадили в бочку молодую царицу с ребёнком и пустили бочку в море. Однакоже царице и её сыну не суждено было погибнуть.

В синем небе звёзды блещут
В синем море волны хлещут
Туча по небу идёт
Бочка по морю плывёт
Словно горькая вдовица
Плачет *бьётся* в ней царица
И *растёт* ребёнок там
Не по дням а по часам
День прошёл царица *вопит*
А дитя волну торопит
Ты волна моя волна
Ты *гульлива и вольна*
Плещешь ты куда захочешь
Ты морские камни точишь
Топишь берег ты земли
Подымаешь корабли
Не *губи* ты *нашу* душу
Выплесни ты нас на сушу
И послушалась волна
Тут же на берег она
Бочку вынесла *легонько*
И *отхлынула* тихонько

Мать с младенцем *спасена*
Землю чувствует она
Но из бочки кто их вынет
Бог *неужто* их покинет
Сын на ножки поднялся
В дно головкой уперся
Понатужился немножко
Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать молвил он
Вышиб дно и вышел *вон.*

3.

Мать и сын очутились на пустынном острове, где не было никакого жилья и рос всего-навсего один дубок. После долгого странствования в бочке молодому богатырю захотелось поужинать, и вот он сломал у дубочка сучок, сделал себе из него лук и стрелу, снял шелковый шнурок со своего креста, сделал тетиву для лука и пошёл охотиться к морю:

К морю *лишь* подходит он
Вот и слышит *будто* стон
Видно на море не тихо
Смотрит видит дело лихо
Бьется лебедь средь *зыбей*
Коршун носится над ней
Та бедняжка *так* и плещет
Воду *вкруг* мутит и хлещет
Тот уж когти *распустил*
Клюв кровавый навострил
Но *как раз* стрела запела
В шею коршуна задела
Коршун в море кровь пролил
Лук царевич опустил
Смотрит коршун в море тонет
И не *птичьим криком* стонет
Лебедь около плывет
Злого коршуна клюет
Гибель близкую торопит

Бьет крылом и в море топит
И царевичу потом
Молвит *русским* языком
Ты царевич мой спаситель
Мой могучий избавитель
Не *тужи* что за меня
Есть не будешь ты три дня
Что стрела пропала в море
Это горе все не горе
Отплачу тебе добром
Сослужу тебе потом
Ты не лебедь ведь избавил
Девицу в живых оставил
Ты не коршуна убил
Чародея подстрелил
Ввек тебя я не забуду
Ты найдешь меня *повсюду*
А теперь ты воротись
Не горюй и спать ложись.

4.

Мать и сын легли спать без ужина, но едва проснулся царевич на другой день и протёр глаза, как увидел перед собою дивное диво.

Видит город он большой
Стены с частыми зубцами
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей
Он скорей царицу будит
Та как *ахнет* то ли будет
Говорит он вижу я
Лебедь тешится моя
Мать и сын идут ко граду
Лишь ступили за ограду
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон
К ним народ навстречу валит

Хор церковный бога хвалит
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой и главой
Возглашают над собой
И среди своей столицы
С разрешения царицы
В тот же день стал княжить он
И нарёкся князь Гвидон.

5.

По морю ехали купцы и удивились, увидя город на знакомом им острове, где ещё недавно рос только один дубок. Они пристали к острову, а князь Гвидон принял их ласково и угостил. Узнав же, что они едут в царство славного Салтана, Гвидон поручил им отвезти от себя поклон царю и просьбу навестить чудный остров. Но когда гости уехали, князь, проводя их, печально ходил по морскому берегу: ему сильно захотелось повидать отца. Волшебница-лебедь появилась на волнах и, узнав о желании князя, обрызгала его морской водой и оборотила в комара. Комар полетел за кораблём, догнал его и в щель забился.

Ветер весело шумит
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана
И желанная страна
Вот уж издали видна
Вот на берег вышли гости
Царь Салтан зовёт их в гости
И за *ними* во дворец
Полетел наш удалец
Видит весь *сияя* в злате
Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце
С грустной думой на *лице*
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и *вопрошает*
Ой вы гости господа
Долго ль ездили куда
Ладно ль за морем иль худо
И какое в свете чудо
Корабельщики в ответ
Мы объехали весь свет
За морем житьё не худо
В свете ж вот какое чудо
В море остров был крутой
Непривольный нежилой
Он лежал пустой равниной
Рос на нём дубок единый
А теперь стоит на нём
Новый город со дворц*ом*
С златоглавыми церквами
С теремами и садами
А сидит в нём князь Гвидон
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду
Молвил он *коль* жив я буду
Чудный остров навещу
У Гвидона пог*о*щу
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить
Уж диковинка *ну право*
Подмигнув другим лукаво
Повариха говорит
Город у моря стоит
Знайте вот что не *безделка*

Ель в лесу под елью белка
Белка *песенки* поёт
И орешки *все грызёт*
А орешки не простые
Всё скорлупки золотые
Ядра — чистый изумруд
Вот что чудом то зовут
Чуду царь Салтан дивится
А комар то злится злится
И впился комар *как раз*
Тётке прямо в правый глаз
Повариха побледнела
Обмерла и окривела
Слуги сватья и сестра
С криком ловят комара
Распроклятая ты мошка
Мы тебя а он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

6.

Затосковал опять молодой князь, захотелось ему достать чудную белку, о которой рассказывала его тетка царю Салтану. Лебедь мигом выполнила желание князя, и когда те же купцы снова заехали на остров, то уже увидали у князя дивную белку. Князь опять угостил купцов и опять послал через них царю Салтану поклон и приглашение его посетить чудный остров. Когда гости уехали, князь, с помощью лебедя, обратился в муху, забился на корабле в щель и отправился к отцу. Царь Салтан принял гостей ласково и снова стал их расспрашивать, какое чудо они видели в свете, и хорошо ли жить за морем. Купцы отвечали:

За морем житьё не худо
В свете ж вот какое чудо
Остров на море лежит
Град на острове стоит
С златóглавыми церквами

С теремами и садами
Ель растёт перед дворцом
А под ней хрустальный дом
Белка там живёт ручная
Да затейница *какая*
Белка песенки поёт
Да орешки *всё* грызёт
А орешки не простые
Всё скорлупки золотые
Ядра — чистый изумруд
Слуги белку стерегут
Служат ей прислугой *разной*
И приставлен дьяк *приказной*
Строгий счёт орехам весть
Отдаёт ей войско честь
Из скорлупок льют монету
Да пускают *в ход* по свету
Девки сыплют изумруд
В кладовые да подспуд
Все в том острове богаты
Изоб нет везде палаты
А сидит в нём князь Гвидон
Он прислал тебе поклон
Царь Салтан дивится чуду
Если только жив я буду
Чудный остров навещу
У Гвидона погощу
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить
Усмехнувшись *исподтиха* [4]
Говорит царю ткачиха
Что *тут* дивного *ну вот*
Белка камешки грызёт
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды
Этим нас не удивишь
Правду ль нет ли говоришь

В свете есть *иное* диво
Море вздуется бурливо
Закипит подымет вой
Хлынет на берег пустой
Разо*льётся* в шумном беге
И *очутятся* на бреге [5]
В чешуе *как* жар горя
Тридцать три богатыря
Всё красавцы удалые
Великаны молодые
Все равны как *наподбор* [6]
С ними дядька Черномор
Это диво *так* уж диво
Можно молвить *справедливо*
Гости умные молчат
Спорить с нею не хотят
Диву царь Салтан диви*тся*
А Гвидон то злится злится
Зажужжал [7] он и *как раз*
Тётке сел на левый глаз
И ткачиха побледнела
Ай и тут же окривела
Все кричат лови лови
Да *дави* её дави
Вот *ужо* постой немножко
Погоди а князь в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Примеч.... 4. *Исподтиха*. Здесь мы видим наречие, сложившееся из двух предлогов (каких?) и одного прилагательного. 5. *На бреге* — сокращение, допущенное ради стиха. 6. *Наподбор*. Из каких слов сложено это наречие? 7. *Жужжать* — звуко-подражательное слово, пишется два *ж*.

7.

Лебедь добыла князю и чудных богатырей. Ночью они ходили вокруг города дозором, а днём уходили в море: воздух земли был тяжёл для этих выходцев

морской глубины. Прежние гости опять приехали к Гвидону и видели дивных богатырей; опять поехали они к царю Салтану и повезли к нему рассказ о новом чуде и приглашение князя Гвидона посетить остров. На этот раз князь оборотился в шмеля, попрежнему забился в щель на корабле и поехал с купцами. Купцы рассказали Салтану о диковинных богатырях.

Царь Салтан дивится чуду
Коли жив я только буду
Чудный остров навещу
И у князя погощу
Повариха и ткачиха
Ни гугу но Бабариха
Усмехнувшись говорит
Кто нас этим удивит
Люди из моря выходят
И *себе дозором* бродят
Правду *ль* бают или лгут
Дива я не вижу *тут*
В свете есть такие ль дива
Вот идёт молва прав*дива*
За морем царевна есть
Что не можно глаз отвесть
Днём свет божий затмевает
Ночью землю освещает
Месяц под косой блестит
А во лбу звезда горит
А *сама то* величава
Выплывает *будто* пава
А как *речь* то говорит
Словно реченька *журчит*
Молвить можно справедливо
Это диво так уж диво
Гости умные молчат
Спорить с бабой не хотят
Чуду царь Салтан *дивится*
А царевич хоть и злится
Но жалеет он очей

Старой бабушки своей
Он над ней *жужжит* кружится
Прямо на нос к ней садится
Нос ужалил богатырь
На носу вскочил волдырь
И опять пошла тревога
Помогите *ради* бога
Караул лови лови
Да дави его дави
Вот *ужо* пожди *немножко*
Погоди а шмель в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

8.

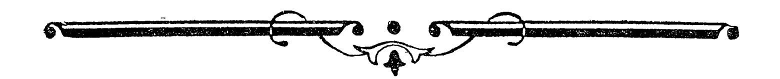
Чудною девицей, с месяцем под косой и звездой во лбу, оказалась сама лебедь. Она давно уже полюбила молодого князя, а когда, по просьбе его приняла человеческий образ, то и князь полюбил её. Испросив благословение у матери, князь Гвидон обвенчался с царевной. Приехали опять купцы и, полюбовавшись на молодую царицу, отправились к царю Салтану рассказать ему и про это новое чудо. На этот раз Гвидон уже не поехал с ними, а остался дома. Услыхав о чудной царице, царь уже более не вытерпел и, не смотря ни на ткачиху, ни на повариху, велел снарядить флот и поехал в гости к князю Гвидону. Завидев отцовские корабли, Гвидон с матерью и с молодой женой вышли навстречу к царю-отцу.

Царь глядит и узнает
В нем взыграло *ретивое*
Что я вижу что такое
Как и дух в нем занялся
Царь слезами *залился*
Обнимает он царицу
И сынка и *молодицу*
И садятся все за стол
И веселый пир пошел

А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам
Их нашли насилу там
Тут во всем они признались
Повинились *разрыдались*
Царь *для* радости *такой*
Отпустил всех *трех домой*
День прошел царя Салтана
Уложили спать *в полпьяна*
Я там был мед пиво пил
И усы лишь *обмочил.*

Руководство к преподаванию по „Родному слову“
(Приложение к практической грамматике)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ ДЛЯ УЧАЩИХ.

Руководство к преподаванию по „Родному слову"

Часть II.

В первоначальный план «Родного слова» не входила грамматика как отдельная часть. Мы полагали посвятить *третий* и *четвёртый* год нашего учебника первоначальной географии и истории отечества с таким небольшим курсом естественных наук, который мог бы давать удобный материал для логических и грамматических упражнений. Грамматики из первоначального обучения мы не исключали, но думали, что наставник, начиная с тех подготовительных грамматических упражнений, которые даны нами во *втором* годе «Родного слова», будет уже сам продолжать их и практическим путем, при разборе, сообщит детям главнейшие основания грамматики и правописания.

Отчасти болезнь, а еще более другие занятия, плодом которых были два первые тома «Педагогической антропологии», долго не давали нам возможности возвратиться к «Родному слову», так что мы ограничивались только подготовлением к нему материалов. Но в продолжение этого времени собственный опыт при занятии с детьми, а еще более наблюдение за занятиями других по «Родному слову» и «Детскому миру» убедили нас, что при первоначальном практическом знакомстве с отечественной грамматикой в разборе и при словесных и письменных грамматических упражнениях, если

и не невозможно, то, по крайней мере, очень трудно обойтись без особого, именно для этой специальной цели подготовленного, грамматического руководства.

Хотя в том возрасте, для которого назначается «Родное слово», детям не нужна ещё систематическая грамматика и хотя для первоначального знакомства с грамматикой всего лучше практическая форма разбора, но при этом требуется, чтобы в голове самого наставника была такая строго обдуманная система практической первоначальной грамматики, которая вела бы его прямо к цели — без потери лишнего времени, без пропусков чего-нибудь существенного, без напрасных повторений, без забвения пройденного, — вела бы от простого к сложному, от лёгкого к более трудному, словом, с последовательностью и постепенностью вполне педагогическою. Только при таком преподавании не было бы нужно руководства. Но составить такую систему уже само по себе дело не лёгкое, и никак нельзя требовать, чтобы каждый преподаватель, силы и время которого вполне поглощены ежедневным занятием с учениками, выработал её для себя самостоятельно.

Так, путём опыта, пришли мы к сознанию необходимости такого практического руководства, которое, не будучи систематическою грамматикой, достаточно подготовляло бы детей к её изучению, а главное, сообщало им тот навык к правильному письменному употреблению языка, который может быть легко приобретён только в детстве. Перебирая наши учебники по грамматике, мы не нашли между ними ни одного, который бы удовлетворял этой цели, как мы её понимаем, и тем самым позволил бы нам заняться главным нашим делом: одни учебники представляют грамматическую систему, которая должна следовать за первоначальным практическим изучением грамматики, а не предшествовать ему; другие, слишком увлёкшись Беккеровскими воззрениями, удаляются от главной своей цели и пытаются внести такой логизм в грамматику, который только затрудняет дело, так как логика и грамматика далеко не всегда сходятся. Поневоле пришлось взяться

самим за эту работу, хотя мы сознавали вперёд, что она, несмотря ни на какие наши усилия, всё же будет выполнена в первый раз далеко не удовлетворительно.

Если бы составителю первоначальной грамматики оставалась только педагогическая обработка совершенно уже готового и определённого материала, какой представляют, напр., естественные науки, география или история, то и тогда было бы работы немало, так как в грамматике приходится обращать внимание детей на предметы отвлечённые и, так сказать, поворачивать детский взгляд от мира внешнего и видимого на внутренний, невидимый мир человека. Но эта трудность увеличивается ещё более, когда сам предмет, который приходится передавать детям, является в том хаотическом состоянии, в каком находится русская грамматика в настоящее время.

Стоит только познакомиться с грамматическими трудами гг. Аксакова, Буслаева, Некрасова, Богородицкого, чтобы задать себе вопрос, что же осталось положительного от всего этого погрома прежних грамматик? Нет сомнения, что старинные грамматики наши были очень плохи: более точные наблюдения над свойствами языка, более обширное знакомство с народной литературой и тщательные исторические исследования показали, как порется по всем швам прежняя немецко-латинская грамматика, насильно натягиваемая на наш могучий и всё ещё растущий язык. Но все эти исследования и вся эта филологическая критика вовсе не такого свойства, чтобы их можно было предложить десятилетним детям вместо русской грамматики. Г. Буслаев, может быть, чувствуя опасность той безурядицы, которая грозит преподаванию грамматики при таком переходном её состоянии, ещё усиливается придерживаться старых подразделений, определений и правил, иногда в противоречие своим же собственным разысканиям; но его более решительные и смелые ученики доказывают непоследовательность своего учителя в этом отношении и уничтожают в русской грамматике чуть не все прежние понятия. «*Дело русской грамматики*

должно быть начато снова», говорит г. Некрасов *, один из самых смелых учеников г. Буслаева; но если он думает начать это дело своим замечательным рассуждением «*О значении форм русского глагола*», то, без сомнения, и сам видит, как далеко это начало от окончания.

Но что же делать педагогике с таким антипедагогическим состоянием грамматики? Продолжать преподавать по старым грамматикам, преподавать заведомо ложное или нелогическое, то, во что сам преподающий перестал верить, конечно, не должно; но преподавать десятилетним детям нечто неопределённое, невыработавшееся, всё еще находящееся в процессе спора и учёных изысканий, конечно, невозможно: по крайней мере, невозможно с каким-нибудь успехом. Первоначальное преподавание требует абсолютной ясности; но как же преподавателю привести в ясность то, что неясно не только в его собственной голове, но и вообще в науке? А между тем преподавать грамматику необходимо: нельзя же оставлять детей безграмотными в ожидании того времени, когда русская грамматика выработается, наконец, из настоящего хаоса в те положительные данные, которые можно уже будет дать детям, и когда она будет в состоянии вынести тот свет, который необходим во всяком первоначальном преподавании.

Такое неловкое положение первоначального преподавания русской грамматики не замедлило отразиться и в практике. Уже в начале истекающего десятилетия, т. е. именно с тех пор, когда историческая разработка языка с университетских кафедр успела отразиться на наших преподавателях, начинаются официальные заявления (которых мы немало можем указать и в «Журнале Министерства народного просвещения»), что преподавание русского языка в средних учебных заведениях не только не подвигается вперёд, как следовало бы ожидать, но даже приносит более слабые результаты, чем приносило

* О значении форм русского глагола, 1865, стр. 15 и 16.

прежде, при старых учителях и старых грамматиках. Эта усилившаяся безграмотность наших гимназий (в семинариях преподавание шло по старой рутине) вызвала множество объяснений, иногда весьма забавных, тогда как рациональное объяснение было только одно: прежде учили грамматике лучше, потому что была хоть какая-нибудь грамматика, в непогрешимость которой верил сам преподаватель, — теперь стали учить хуже, потому что старая грамматика разрушена, а новая ещё не создана. Надеемся, что никто не заподозрит нас в стремлении обвинить русскую филологию и замечательнейщих из её представителей в упадке грамматики в наших гимназиях. В разработке своего предмета наука идёт своим путём, и ей нет никакого дела до педагогических соображений: жалка была бы наука, стесняющая себя какими бы то ни было соображениями, посторонними для той истины, которую она разыскивает. Но посредниками между наукой и воспитанием должны быть педагоги, а это именно у нас до сих пор плохо признаётся: до сих пор ещё у нас очень многие думают, что достаточно получить университетское образование по какому-нибудь предмету, чтобы и преподавать его с успехом в низших или средних учебных заведениях, хотя практика, кажется, уже немало доказывала ошибочность этой мысли. У нас до сих пор так плохо выяснилась разница между университетом и гимназией, что многое и теперь ещё переносится в гимназии, что должно было бы составлять принадлежность университетов, и, наоборот, не встречаются ли у нас беспрестанно мысли и факты, из которых видно, что многими университеты принимаются за гимназии?

Но, заметят нам, разве нельзя было новым, историческим путём изучения отечественного языка, который открыла собою «Историческая грамматика» г. Буслаева, довести учащихся не только до той степени грамотности, которая достигалась при прежних искусственных грамматиках, но и до гораздо высшей, а главное — гораздо более основательной, так как она истекала бы уже из верных исторических данных и точных филоло-

гических наблюдений над особенностями языка? Конечно, можно, но не детей в возрасте от 10-ти до 14-ти лет. Грамматическая же правильность письменного языка, — а против неё-то именно и грешат воспитанники наших гимназий — достигается именно в этом возрасте, в первые годы учения, когда человеком легко и удобно усваиваются те многочисленные привычки и навыки, которые составляют основу правильной речи и правильного письма. Грамматическая правильность речи изустной и письменной есть не только знание, но и привычка, или, лучше сказать, очень сложная и обширная система мелочных навыков выражать свои мысли правильно в речи и на письме. Для грамотности мало того, чтобы человек знал грамматические правила (а их множество); но необходимо, чтобы он привык мгновенно выполнять их. Привычки же, и в особенности такие мелочные и сложные, приобретаются успешно и укореняются глубоко только в самой ранней молодости. Вот почему семилетнее дитя, перенесённое заграницу, выучивается бойко говорить на иностранном языке в какие-нибудь пять-шесть месяцев, тогда как взрослому не усвоить себе этого языка в той же степени и в пять-шесть лет. Если мы не выучили мальчика говорить и писать правильно до 12 или 13 лет, то можем быть уверены, что грамматические ошибки будут повторяться у него очень и очень долго, может быть, даже и во всю его жизнь, и *будут повторяться тем дольше и тем упорнее, чем деятельнее духовная природа этого человека*. Если молодой человек в 15 и 16 лет, выражая свои мысли или чувства, думает о грамматической правильности своих выражений и воздерживается от ошибок, барбаризмов, или провинциализмов, к которым привык, — если он, читая книгу, присматривается к *ятям, ерикам* и *запятым*, — если, излагая свои мысли письменно, думает об этих *ятях* и *ериках*; то можно сказать с убеждением, что в этом юноше духовная жизнь очень мало возбуждена, что в нём не зародилось никаких серьёзных, увлекающих его интересов и что, говоря попросту, он туп и мало обещает

в будущем. Вот почему в то же самое время, как иной тупоумнейший писарь пишет безукоризненно правильно, Гёте и Пушкин делают орфографические ошибки всю свою жизнь; вот почему также крайне несправедливо видеть в грамматических ошибках признаки неподготовленности молодого человека к университетскому курсу и из-за этих ошибок закрывать ему дорогу к высшему образованию. Поступая таким образом, мы можем населить наши университеты положительными тупицами и закрыть двери высшего образования, если не для всех, то для очень многих талантливых людей.

Но всем этим мы никак не хотим сказать, чтобы грамматическая правильность речи, изустной и письменной, была чем-то лишним в системе образования. Напротив, мы признаём всю её необходимость; но утверждаем только, что ввести в образование эту правильность языка можно вовсе не тем, чтобы за грамматические ошибки запирать перед юношей университетские двери. Это значит только наказывать юношу за неподготовленность к своему делу — не его самого, но тех, кто взялся за его воспитание: за ошибки его первоначального обучения, за то, что в младших классах гимназии у него был дурной учитель русского языка, дурной учебник и дурная метода учения. Справедливо ли это? Не рациональнее ли было бы обратиться к источнику зла и исправить ученье в тех классах, где именно люди должны становиться грамотными? Не рациональнее ли было бы, не наказывая юношу за наши собственные ошибки, за ошибки, допущенные нами в его обучении, когда этот юноша был еще десятилетним мальчиком, постараться, чтобы на будущее время молодые люди шестнадцати лет уже не нуждались в уроках правописания.

Придя же к убеждению, что грамматическая правильность речи, изустной и письменной, должна быть сообщаема детям в самые первые годы ученья, мы тем самым убедимся уже в невозможности преподавания детям грамматики отечественного языка по таким учебникам, каковы, напр., учебники гг. Буслаева и Полива-

нова, где законы русского языка выводятся исторически из сравнения его с церковно-славянским, а иногда даже и с другими славянскими наречиями. Каково бы ни было достоинство этих учебников, но нет сомнения, что они и даже самый тот путь, которым они идут, вовсе не пригодны для первоначального преподавания грамматики. Оба автора впрочем и сами это сознают. Г. Буслаев в своей книге «О преподавании отечественного языка» * показывает для первоначального изучения грамматики совсем не тот путь, которым идёт он в своём «Учебнике Русской грамматики» **, хотя и не поясняет, для каких собственно классов назначается этот последний учебник, а г. Поливанов в предисловии к своему учебнику прямо указывает, что орфографические правила, за объяснение которых берётся его этимология, предполагаются уже «усвоенными в низших классах навыком» ***. Но на это мы должны заметить, что *правила* навыком не усваиваются, хотя и можно усвоить навыком соблюдение какого-нибудь правила, даже не имея понятия о самом правиле. Так усваивают себе орфографию писаря, много переписывавшие с правильных образцов. Но такое усвоение было бы слишком длинно и тягостно для детей, если бы на помощь к нему не было призвано сознание правил, по которым пишется так, а не иначе. Г. Некрасов, как бы в утешение себе, что для преподавания русского языка не будет большого вреда от того хаотического состояния, в которое повергли русскую грамматику новейшие исследования, говорит: «опыт доказал, что грамматика не научает говорить и писать правильно, что и то и другое гораздо легче приобретается навыком, практикой» ****. Мы знаем это ходячее мнение, которое теперь в такой же моде, в какой было когда-то мнение противоположное, что русская грамматика учит говорить и писать

* О преп. от. яз., Москва, 1867.

** Учебн. Рус. гр, Москва, 1869.

*** Учебн. этимол. Поливанова, Москва, 1867. Предисл., стр. XII.

**** «О значении форм русского глагола», стр. 4.

правильно по-русски; но думаем, что оба эти мнения одинаково односторонни и потому ложны. Если русские не из грамматики выучиваются *говорить* правильно по-русски, то нельзя никак сказать, чтобы без грамматики, одним навыком, ещё легче было выучиться правильно *писать*, чем с помощью грамматики. Нужны десятки лет и беспрестанное списывание с образцов, написанных грамматически, чтобы одним навыком, без всякой помощи грамматических правил, выучиться писать правильно, да и то всякое новое слово будет ставить втупик такого грамотея. Каждый, сколько-нибудь опытный, преподаватель русского языка мог бы сказать г. Некрасову, что для усвоения правильного письма детьми, конечно, нужна практика, но практика, руководимая грамматикой.

Да и для одного ли правописания нужна русская грамматика русским детям? Не говоря уже о том логическом развитии мышления, на которое объявляет свою претензию, и совершенно справедливо, всякое изучение отечественной грамматики, представим себе ученика гимназии, которому учитель русского языка не объяснил, что такое *предложение, подлежащее, сказуемое, глагол, наречие,* что такое *наклонение, залог, время* и т. д., имея в виду, что наука ещё не решила всех этих вопросов для русской грамматики, — представим себе, что этого же ученика садят в гимназии за грамматику латинскую, греческую, французскую, немецкую — и мы поймём всё его тяжёлое и беспомощное состояние. Сколько мы помним, сам г. Некрасов в другой своей статье восстаёт против такого преподавания иностранных грамматик прежде русской.

Следовательно, мы можем считать доказанным, что не только бессознательный навык, но и изложение грамматических понятий и правил должны найти себе место в низших классах, предварительно перед изучением грамматики по учебникам гг. Буслаева и Поливанова. Но где же мы найдём такое изложение основных грамматических понятий и правил, облегчающее навык и в то же время доступное детям, для которых ещё недо-

ступно историческое изучение языка, и в чём должно состоять отличие этого первоначального преподавания грамматики от последующего? Если первоначальное преподавание грамматики будет отличаться от исторического тем, что, не прибегая к историческим изысканиям возникновения законов и особенностей языка, будет прямо излагать в окончательно выработанных понятиях и правилах эти законы и особенности, то нельзя не видеть, что на преподавателей русского языка в низших классах возлагается окончание работы, едва ещё начатой самими корифеями и законодателями русской грамматики. Мы увидим далее, как затрудняется и пугается самый сильный из современных авторитетов по русской грамматике, когда ему приходится выводить из своих исторических исследований о языке точные определения, ясные положения и не подлежащие сомнению правила, т. е. именно то, что первоначальный преподаватель должен бы представить своим маленьким слушателям. Что же удивительного, если очень часто и первоначальный преподаватель русского языка предпочитает потчевать детей теми историческими и филологическими соображениями, которые он уже может найти готовыми, чем вырабатывать их самому в окончательную педагогическую форму, чего не сделали и его наставники? И что удивительного, если дети, слушая эти университетские лекции, будут продолжать писать безграмотно?

Вот те трудности, которые предстоят всякому составителю грамматического курса в настоящее время. При такой невыработанности основных грамматических положений и имея прежде всего в виду педагогическую цель, мы вынуждены были делать более или менее важные нововведения, а это уже само по себе чрезвычайно неприятно во всяком учебнике, тем более первоначальном. Но всё же эта неприятность гораздо менее той, которую приходится испытывать всякому преподавателю, когда он вынужден объяснять детям что-нибудь нелогичное, непонятное, иногда лишённое всякого смысла. В таком случае лучше уже решиться на ново-

введение. Положение затруднительное, которое должен испытывать однакоже всякий добросовестный преподаватель первоначальной грамматики и из которого он выходит же так или иначе, но только для себя одного и своего класса. Нам известны уже многие такие пробы, более или менее удачные. Но почему же, выяснив откровенно своё положение, не попробовать преодолеть эти трудности не для себя одного? С точки зрения такой попытки мы и просим смотреть на нашу первоначальную грамматику. Это, если можно так выразиться, *провизуарная* грамматика — попытка выйти наиболее сносным образом из того стеснённого положения, в которое поставлен всякий преподаватель первоначальной русской грамматики, с одной стороны, неустановившимся состоянием наших самых основных грамматических понятий, а с другой — необходимостью сообщать эти понятия детям.

Теперь нам следует оправдать тот способ изложения, не совсем обыкновенный, который мы приняли в нашей грамматике, и показать то место, которое мы ей назначаем в общей системе первоначального занятия отечественным языком, которое, конечно, никак не ограничивается одной грамматикой.

Не нужно большой наблюдательности и большой учёности, чтобы видеть, что язык, которым мы обладаем, не есть что-нибудь прирождённое человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с неба, но плод бесконечно долгих трудов человечества, начавшихся с незапамятных времен и продолжающихся до настоящего времени в наследственной передаче от племени к племени и от одного поколения к другому. Филология доказывает несомненно, что многое в том языке, которым мы теперь обладаем и который называем русским и нашим, было выработано теми отдалённейшими предками нашего племени, которых и имени мы не знаем и которые были в то же время предками греков и римлян, и множества других народов, говоривших и говорящих языками, повидимому, совершенно

чуждыми нашему. Медленно, в продолжение многих тысячелетий, совершалось это сознательное творчество человечества, в котором оно вырабатывало себе послушное орудие для выражения своих чувств и мыслей, вырабатывало из тех немногих, прирожденных ему, невольных звуков, которыми первобытный человек, наравне со многими животными, выражал, и сам не зная, как и почему, свои чувства и желания.

Нет сомнения, что вся эта выработка *свободного* языка из *невольных* звуковых рефлексов чувства, остатки которых мы слышим и теперь в наших междометиях, совершалась сознательно и свободно, вследствие самосознания и свободы, которыми творец отличил человека от всех прочих живых тварей земного шара. Но не так совершалась и теперь совершается передача приобретённого уже словесного капитала от предков к потомкам, от одного поколения к другому. Всякое дитя, одарённое слухом, усваивает уже готовый, прежде его созданный язык. В этом отношении мать, няня, словом, семья являются первыми наставниками ребенка в отечественном языке. Когда доходит дело до учителя, то дитя уже обладает громадным сокровищем, даже превышающим детские потребности. У шестилетнего дитяти уже гораздо более слов и оборотов для выражения чувств и мыслей, чем самых чувств и мыслей. Он во многом только по врождённой человеку переимчивости перенимает язык взрослых, но сам ещё не вырос до этого языка, так что множество слов и оборотов, уже усвоенных дитятей в виде следов механической памяти, в виде нервных привычек, ещё не сделалось вполне его духовным достоянием.

Из такого отношения дитяти к полуусвоенному им языку, созданному самосознанием и свободной волей бесчисленного множества предшествующих ему поколений и усвоенному ребенком скорее вследствие врождённой ему подражательности и вследствие заразительности нервных рефлексов, чем вследствие понимания потребности того или другого слова и выражения, легко выводятся разнообразные обязанности первоначального

наставника в отечественном языке. Перечислим их кратко:

1) Наставник обязан заботиться о том, чтобы дитя всё более и более вступало в духовное обладание теми сокровищами родного слова, которые оно усвоило только подражанием, полусознательно, а иногда даже вовсе бессознательно, механически, почему и употребляет их часто некстати, не зная настоящего, точного значения употребляемых им слов и оборотов. Чрезвычайно ошибочно было бы думать, что это может быть достигнуто легко и скоро. Вникнув в дело глубже, мы найдём, что во всех нас и во всю нашу жизнь продолжается такое, более или менее деятельное, духовное усвоение языка, которым уже обладает наша память. И несмотря на это постоянное усвоение, самый развитой человек может убедиться, что он всё же употребляет множество слов и оборотов, строгое значение которых не вполне им сознано. Но тем не менее, эта работа постепенного сознавания полусознательно или совершенно бессознательно, через подражание только, усвоенного родного языка должна начаться с самых первых дней учения и по своей первостепенной важности для всего развития человека должна составлять одну из главнейших забот воспитания. Какой-то великий мыслитель (Кондильяк, если не ошибаемся) сказал, что сама наука есть не что иное, как хорошо выработанный язык, и это выражение если не вполне справедливо, то имеет много справедливого. В языке каждого развитого народа слагаются результаты жизни, чувства, мысли бесчисленного числа индивидов не только этого народа, но и множества других, язык которых он унаследовал: и всё это громадное наследство душевной жизни бесчисленного числа людей, копившееся многие тысячелетия, передаётся ребёнку в родном языке! Немудрено же, что дитя долго, а может быть, и никогда, не справится вполне с этим громадным наследством — не сделает его действительно *своим* духовным богатством.

2) Язык, перенимаемый детьми у взрослых, не всегда бывает безукоризненен: богатый в одном отношении, он

бывает иногда чрезвычайно беден в другом; бывает, кроме того, испещрён неправильностями, недомолвками, провинциализмами и барбаризмами. Чем теснее и беднее та сфера, в которой выросло дитя, тем скуднее его словесный запас; но не должно думать, чтобы эта скудость слов и оборотов условливалась непременно бедным социальным положением дитяти: часто дитя богатого класса беднее в этом отношении дитяти крестьянина. Кроме того, в язык ребёнка входит из окружающей его среды множество уродливостей и, в низшем классе, провинциализмов, а в высшем — чужеземных слов и оборотов. Наконец, очень часто в той общественной среде, в которой ребёнок усваивает родной язык, многие слова и обороты, имеющие тесное значение, употребляются в смысле более обширном и, наоборот, словам и оборотам, имеющим обширное значение, придаётся часто какой-нибудь особенный, узкий смысл. Отсюда возникает для наставника обязанность исправлять и пополнять словесный запас дитяти сообразно с требованиями его родного языка и, притом, вводить эти исправления и пополнения не только в знание дитяти, но и в число его привычек, выполняемых с той лёгкостью и быстротой, которых требует речь словесная и даже письменная.

3) Дитя усвоило язык подражанием; но язык, как мы сказали, создан не подражанием (кому же человек мог подражать?), а самосознанием, т. е. наблюдением человека над тем, что совершается в его душе и что он выражал сначала невольно, как и животное, теми или другими звуками и тою или другою связью этих звуков. Пройти этот путь самосознания и составляет собственно дело филологии, или языкоучения. Филология, так сказать, распутывает ту сеть звуков, которую создало человечество из первоначальных звуковых рефлексов в продолжение многовекового своего существования и среди бесчисленного множества исторических случайностей; она старается открыть те душевные законы и те исторические влияния, на основании которых самосознанием человечества выплеталась эта сеть,

покрывшая земной шар сотнями языков, тысячами наречий. Понятно, что такая наука должна быть безгранично обширна и что она далеко ещё не прошла всего предстоящего ей пути. Но тем не менее, филология, т. е. сознание душевных законов и исторических влияний, при которых создавался и существует язык, начинается уже с самых первых лет ученья — начинается с той минуты, когда ребёнок сознает связь подлежащего со сказуемым или согласование прилагательного с существительным. Таким образом, грамматика является началом филологии и в то же время началом самонаблюдений человека над своей душевной жизнью. В этом отношении грамматическое изучение имеет чрезвычайную важность: отрывая внимание детей от внешней природы, оно направляет его на их же собственные душевные состояния и душевные процессы. Многие науки обогащают только *сознание* дитяти, давая ему новые и новые факты: грамматика, преподаваемая логически, начинает развивать *самосознание* человека, т. е. именно ту способность, вследствие которой человек является человеком между животными. Вот почему грамматику не без основания причислили к числу наук, *очеловечивающих* человека (humaniora).

Такой взгляд на изучение грамматики не только показывает важность этого изучения в системе общего образования, но и указывает тот путь, которому должно следовать это изучение. Если язык есть создание самосознания, усваиваемое потом бессознательным подражанием, то и изучение грамматики языка должно проистекать для ребёнка из его собственных наблюдений над тем, как он говорит. И чем самостоятельнее будут сделаны эти самонаблюдения, тем лучше. Но понятно само собой, что по своей отвлечённости и необычайной сложности своего предмета эти самонаблюдения не могут быть сделаны сколько-нибудь быстро и успешно самим дитятею, без руководства наставника. У десятилетнего дитяти есть уже все данные для таких самонаблюдений: он уже говорит и, как человек, имеет уже способность наблюдать над своими душевными состояниями и над

их выражениями в звуках. Следует только *вопросами* обратить мысль дитяти на него же самого и на его речь, что нелегко, но на десятом году жизни совершенно возможно. Вот почему в этом возрасте уже возможно начать изучение грамматики — этого естественного введения и в филологию, и в психологию. Кроме того, детям, начинающим свой курс ученья, а в настоящее время и всякому взрослому человеку, приходится иметь так много дела с печатным словом, что приучить дитя к разу́мной беседе с книгой есть одна из важнейших задач первоначального учения. Имея это всегда в виду, мы охотно наполняем наши первоначальные учебники вопросами, заставляющими маленького читателя беседовать с книгой и не дозволяющими ему рассеянно пробегать строчку за строчкой, или бессмысленно задалбливать их одну за другой.

4) Нет надобности распространяться о необходимости с первых же годов учения приучить ребенка к ясному пониманию письменной и печатной речи или совершенному и точному пониманию условных знаков письма и печати. В этом отношении обязанность наставника ясна.

5) И наоборот: на наставнике же лежит обязанность выучить и само дитя быстро выражать *на письме* свою изустную и мысленную речь, так чтобы она совершенно была понятна каждому образованному человеку, следовательно, сообразна с общепринятыми для письменной речи правилами. Этого нельзя откладывать вдаль, потому что письменная речь потребуется немедленно как наставником отечественного языка, так и наставниками других предметов; а если дитя не усвоит привычки правильного письма, то оно усвоит привычку письма неправильного, и тогда придётся уже бороться не с одним незнанием языка, но и с дурными привычками, которые тем прочнее, чем долее и чаще повторялись действия, составляющие их содержание.

Все эти разнообразные и обширные цели изучения отечественного языка должны быть достигаемы *совместно*. К этому ведут *три рода* совместных занятий, а именно: 1) *беседы с детьми*, 2) *толковое чтение и*

изучение наизусть литературных образцов и 3) *изучение грамматики*. Хотя здесь специально касается нас только третий вид этих занятий, т. е. *изучение грамматики*, но мы должны упомянуть и о двух первых, чтобы показать отношение их к занятию грамматикой.

1) *Беседы с детьми*. В наших школах почти всегда забывают, что на обязанности наставника отечественного языка лежит не только письменная, но и изустная речь учеников, и что, кроме того, хорошая письменная речь, главным образом, основывается на хорошей изустной, или, по крайней мере, мысленной речи; ибо мысленная речь, так же, как и изустная, состоит уже из слов и отличается от изустной только тем, что не выражена в звуках. Ещё менее сознаётся у нас та истина, что действительно хорошая речь вовсе не то, что гладкая болтовня, и что болтовню, не имеющую действительного содержания, нет никакой надобности развивать в детях, а напротив, надобно подавлять, если уже она развилась в них под влиянием каких-нибудь вредных жизненных условий. Образцы этого вредного влияния очень часто встречаются в настоящее время и особенно в детях богатых классов, сызмалу приучающихся к гладкой, но пустой болтовне (и иногда на нескольких языках разом), которая положительно потом мешает им думать и развиваться, и мешает иногда до того, что самый терпеливый наставник не знает, что делать с этим препятствием, созданным пустою, вечно болтающей средой, в которой вырос ребёнок. И как часто приходится встречать в жизни достойные плоды такого исключительно *язычного* воспитания! Как часто приходится бороться с такой изболтавшеюся личностью, если она получает потом общественное значение, и бороться по большей части безуспешно, потому что нет ничего труднее, как провести разумную мысль действительности в голову такого господина, который сам себя заслушивается и за красивой сетью своих собственных фраз не видит иногда страшной прорехи в мысли — такой прорехи, которую заметил бы менее его развитой человек, только не запутавшийся в своей собственной

диалектике. Особенно часто мы замечаем сильное развитие такой диалектики в людях, получивших исключительно лингвистическое образование: занимаясь всё своё детство и всю свою юность фразами, на разных языках, они, наконец, наткут их столько, что сквозь них не может пробиться ни одна светлая, реальная мысль. Понятно, что школа должна предохранять от такого недостойного обращения со словом, а не приучать к нему.

Основание разумной, чисто человеческой речи заключается в верном логическом мышлении, а верное логическое мышление, как мы это показали, возникает не из чего иного, как из верных и точных наблюдений *. Та речь действительно хороша, которая выражает как раз то, что должна выразить: ни более, ни менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к её содержанию, только портят её; а известно, как часто школа, и особенно основанная на одном языкознании, развивала, да и теперь развивает страсть к этим, так называемым, *цветам красноречия,* а попросту детским блёсткам и погремушкам, которые часто мешают не только другим, но даже и самому говорящему вникнуть в истинный смысл его же собственной речи. Повторяем ещё, что не садить и размножать, но вырывать с корнем эти цветы красноречия должна хорошая школа, приучающая дитя выражать предмет, как он в душе его сознаётся, а сознавать по возможности ближе к истине, т. е. сообразно наблюдению. Вот почему для беседы с детьми должно выбирать предметы, которые легко и удобно могут быть ими наблюдаемы, следовательно, предметы наглядные, и притом из мира, детям доступного. Эти наблюдения и вытекающие из них беседы не должны быть беспорядочны и бессвязны, но должны быть расположены так, чтобы новая беседа дополняла предшествующие, а предшествующие беседы служили, в свою очередь, для пополнения и уяснения новой.

* См. «Педагогич. антропология» К. Ушинского, ч. I, гл. XLIII.

В самой этой связи наблюдений и заключается здравая человеческая логика; а потому лучшего предмета для бесед, как предметы естественных наук, выбрать невозможно. Эти предметы наглядны и находятся между собой в связи да и сама логика есть не что иное, как отражение в нашем уме связи предметов и явлений природы. Что такое идеи *особи, вида, рода, признака, качества, предмета, явления, отношения, условия, причины, следствия, обстоятельства,* — что такое все эти *логические категории,* как не результаты наблюдений человека над явлениями внешней природы и явлениями его собственной души, которые вызываются опять же явлениями внешнего для души мира? Каждое название предмета, его действия и его качества есть следствие наблюдений, и что есть в речи логического, то проистекает из наблюдений человека над природой и самим собой. Два другие элемента речи — чувствование и историческая передача — уже нарушают этот логизм речи. В этом смысле сама грамматика есть не что иное, как логика языка, т. е. выводы из наблюдений над ним, хотя самый язык есть далеко не созданее одной логики, как это хотят провести некоторые грамматики, но также создание чувства и истории, беспристанно разрывающих всякую логику. Но если мы хотим выяснить связь между логикой и языком и внести возможно более логических элементов в язык человека, то не можем сделать этого лучше ни на чём, как на наблюдениях над предметами и явлениями природы, ибо из этих-то наблюдений и вышла вся логика языка.

Но не отвлекут ли наставника русского языка такие связные беседы о наглядных предметах от его главных занятий. Конечно, отвлекут, если наставник не понимает, в чём состоит его дело, или не хочет выполнять его. Такой наставник легко может превратиться из плохого преподавателя отечественного языка в ещё более плохого преподавателя естественных наук или даже в проповедника каких-нибудь модных миросозерцаний, который, за неимением терпеливых слушателей между

взрослыми, понесёт свою незрелую философию десятилетним детям, не понимая и сам, каким страшным деспотом он является и как бессовестно нарушает права детской личности. Он бы завопил, конечно, если бы увидал, что взрослый мужлан уродует ребёнка, пользуясь избытком своих физических сил, а сам поступает гораздо хуже, останавливая нормальное и свободное развитие детей и злоупотреблением своей умственной силы мешая им самим выработать самостоятельное миросозерцание из науки и прямых наблюдений над жизнью природы, души и общества.

Но такой увлекающийся преподаватель отечественного языка может точно так же увлечься всякой беседой, каково бы ни было её содержание. Разве каждая басня Крылова не даёт ещё гораздо более прямого повода к постройкам нравственных систем, философских миросозерцаний и социальных утопий? Разве нельзя по поводу каких-нибудь *овец, гусей, свиней* Крылова уйти очень далеко и уже не в описании одних овечьих пород овцы четвероногой? Разве *оракулы, дервиши, жрецы, юпитеры* басен и даже латинских классиков не ведут гораздо прямее к проповедям самого опасного свойства, чем описание картофеля или репы? Чем выше сюжет беседы, тем опаснее одностороннее увлечение преподавателя и если бы мы не доверяли преподавателю и в то же время поставлены были в несчастную необходимость позволять ему беседовать с нашими детьми, то менее всего допустили бы его избрать сюжетом для этих бесед евангелие.

Кроме того, беседы, содержание которых взято из мира нравственности, религии, истории, общественной жизни, уже сами по себе, одной своей трудностью, необходимо отвлекают преподавателя русского языка от его главного дела гораздо более, чем беседы о какой-нибудь лошади, сосне и тому подобных предметах, которые уже знакомы ребёнку и по своей наглядности гораздо доступнее его пониманию. В этих беседах почти не требуется никаких объяснений: все ясно само собой, и наставник может прямо идти к главной своей

цели, — к постройке из этих простых наблюдений столь же простых логических суждений и к выражению этих суждений, изустно и на письме, в речи столь же простой, немногосложной, не отягчённой ненужными украшениями, но ясной и верной своему простому содержанию и правильной грамматически. Этого удобства в такой же степени не даёт преподавателю ни беседа историческая, ни беседа о каком-нибудь литературном произведении, содержанием которого является нравственный мир человека или его общественный быт — явления слишком сложные и отвлечённые, чтобы десятилетний мальчик мог наблюдать их, судить их и сказать о них что-нибудь иначе, как повторив более или менее бессмысленно слова книги или учителя, что, конечно, не даст детям самостоятельных упражнений ни в логике, ни в языке.

Если же мы советуем вести беседы так, чтобы между ними была связь, а не перескакивать с одного предмета на другой, хватаясь во всякой беседе за новый и никогда не возвращаясь к прежним, то причина этого слишком ясна, чтобы нужно было много о ней распространяться. *Во-первых*, мы считаем положительно вредным, в чём бы то ни было, всякое бесследное перепрыгивание с детьми с предмета на предмет: такое прыганье ослабляет детскую память *, наполняя её бессвязными, постоянно глохнущими и никогда не возобновляемыми остатками. *Во-вторых,* такое прыганье от предмета к предмету ни на шаг не подвигает вперёд самостоятельной работы ребёнка: при каждом новом предмете он остаётся так же беспомощен, как был и при первом. *В-третьих,* выбирая для беседы каждый раз новый предмет, преподаватель также каждый раз должен приводить и свои смысловые объяснения, отвлекающие его от его главного дела — логики, которая необходимо должна составлять подкладку всякой грамматики и всякой разумной *речи* человека, стоящей этого названия.

* См. «Пед. антроп.», т. I, гл. XXIV.

Скажут, может быть, что связью между беседами должна служить *грамматика*; но мы скажем, что связью должна быть логика, без которой и сама грамматика не имеет связи. *Логическое суждение есть основа логической речи*, а эту-то *логическую речь* и должен развивать наставник отечественного языка, по крайней мере, в первые годы занятий, предоставляя уже себе впоследствии перейти к её риторическим украшениям, если уже они для чего-нибудь нужны. Только впоследствии, когда запас ученических знаний значительно прибудет по многим отраслям науки и сами ученики из детей станут юношами, можно будет беседовать с ними о предметах географии или истории, или разбирать какое-нибудь литературное произведение, написанное не для детей, а для взрослых.

Вот те основания, по которым мы всегда советовали и теперь продолжаем советовать для первых бесед с детьми, необходимых в классах отечественного языка, избирать наглядные предметы природы и вести эти беседы в системе, устанавливаемой самими предметами бесед. В дидактические подробности классных бесед мы здесь не входим: они были уже не раз затронуты нами и найдут себе полное изложение в нашей дидактике при 3-м томе «Педагогической антропологии».

2) Второе занятие наставника отечественного языка должно состоять в толковом *чтении и изучении наизусть образцовых литературных произведений*. При этом занятии преподаватель должен достигать нескольких целей, изложенных выше. Точное понимание слов и оборотов, употреблённых писателем, с одной стороны, вводит дитя в более и более сознательное обладание его собственных словесных богатств, а с другой — пополняет и исправляет эти богатства, и даёт, наконец, детям хорошие словесные привычки. Это уже само собой показывает, какого рода статьи должны быть выбираемы для чтения и изучения наизусть в малолетних классах. Статьи эти должны отличаться правильностью языка, правильностью и логическою, и историческою, т. е., другими словами, должны быть в одно и то же

время и логичны, и народны. Правильность языка не должна быть только внешняя, ибо такая правильность, гладкость и приятность, если они не сопровождаются логичностью, даже вредны: привлекая дитя блёстками и погремушками, они именно приучают его к той болтовне, от которой мы хотели бы его охранить. Статьи, назначаемые для чтения и изучения наизусть детьми, должны быть по содержанию доступны детскому пониманию; ибо иначе они не достигнут своей главной цели: не введут дитя в сознательное обладание богатствами слова, а увеличат и без того большой запас слов и оборотов, несознанных или полусознанных дитятей. Из этого выходит также требование, чтобы статьи эти не толковали о чувствах, которые не могли ещё развиться в ребёнке, и не давали ему гибельной и отвратительной привычки употреблять без чувства слова, созданные глубоким чувством. Статьи эти, наконец, должны быть нравственны, т. е. в них не должно быть лжи и безнравственных уроков. Отсюда уже видно само собой, как трудно составить сколько-нибудь объёмистую детскую хрестоматию из того, что представляет наша литература, в которой, кажется, ни одно талантливое перо не посвящало себя детям. Но *на нет и суда нет*. Должно выбирать, что возможно лучшего, — вот и все.

Мы не будем также входить в подробное изложение правил чтения и изучения наизусть: они также найдут себе место в нашей общей дидактике. Теперь же мы упомянули об этих двух отраслях первоначального занятия отечественным языком с той только целью, чтобы выяснить настоящее положение *третьей*, т. е. *грамматики*, которой мы здесь специально занимаемся. Мы хотели показать, что грамматика есть одно из занятий наставника русского языка: занятие, без сомнения, важное, но не исключительное и не преобладающее.

3) *Изучение грамматики* отечественного языка в первоначальном преподавании имеет две цели, из которых мы можем одну назвать *внешней*, а другую *внутренней*, так как не можем назвать одну из них теоретической, а другую практической, ибо они обе практические.

Внутренняя цель изучения грамматики отечественного языка вытекает из того её значения, которое мы признали за грамматикой как началом самонаблюдений человека над собственным мышлением и выражением его в словах. А отсюда, в свою очередь, вытекает уже прямое указание, какой дидактический приём должен господствовать при первоначальном изучении отечественной грамматики.

Так как грамматика есть результат наблюдений человека над собственным языком, а не язык результат грамматики, то самый рациональный приём изучения грамматики будет такой, при котором стараются обратить внимание дитяти на то, как он говорит, и только руководят его наблюдением над теми грамматическими законами, которым он бессознательно подчиняется в своей речи, усвоенной подражанием, но созданной самосознанием. Руководство наставника при этом, без сомнения, необходимо: предоставленное самому себе дитя, конечно, не сделает никаких наблюдений над таким сложным, обширным и, притом, невидимым явлением, каким представляется человеческое слово во всей его исторической и логической организации. Но при этом руководство должно, сколько возможно более, оставлять самостоятельности ученику. Сознание этой необходимости заставило нас принять тот вопросительный способ изложения, который, как легко заметит читатель, проведён во всей нашей первоначальной грамматике, состоящей гораздо более из вопросов, чем из догматических положений.

На обязанности наставника, а также и учебника, руководящего самосознанием дитяти, лежит подбирать так явления слова, чтобы дитя постепенно переходило от явлений простых к явлениям сложным и употребляло выводы, сделанные им из прежних наблюдений, для уяснения новых и более сложных явлений.

Но не нужно думать, чтобы наблюдение, сделанное дитятею раз, так уже с первого раза и осталось в его голове. Дитя имеет дело в грамматике не с наглядными предметами, в усвоении которых так могуще-

ственно содействует память зрения, наиболее впечатлительная и сильная у детей, но с невидимыми явлениями слова, и потому делает эти наблюдения труднее и утрачивает их результаты быстрее. Вот почему в грамматике необходимее, чем в какой-нибудь другой области ученья, беспрестанные повторения и притом преимущественно в форме упражнений.

Внешняя цель изучения отечественной грамматики состоит в приучении дитяти к грамматически правильному выражению своих мыслей изустно и преимущественно на письме, так как исправлению изустной речи, по её быстроте, весьма мало способствует изучение грамматики. Если и возможно приобрести правильность в письме одним навыком, то разве в продолжение очень долгого времени и притом механическим переписыванием правильных образцов, как приобретают иные писаря. Но такой способ приобретения для детей, которым придётся с первых же лет ученья не списывать, а выражать свои мысли или мысли, переданные им изустно, совершенно неприложим. Понятно само собой, почему при обучении детей правописанию на помощь навыку, конечно, необходимому, должно призывать грамматические правила, облегчающие и ускоряющие навык. И это дело не может быть откладываемо, потому что дитя, чем долее пишет неправильно, тем труднее потом отвыкает от ошибок. Кроме того, заставляя детей списывать, надобно всегда иметь в виду, что эта, хотя необходимая, но *механическая работа сознания* затрудняет мышление гораздо более, чем механическая же работа рук или ног, при которой голова продолжает работать свободно.

Объяснив значение и цель первоначального преподавания грамматики, мы тем самым уже показали значение тех дидактических приёмов, которые употреблены нами в нашем учебнике.

Основа нашего учебника заключается в наблюдении форм и законов языка сначала над примерами, нарочито для того подобранными, а потом над отрывком

из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» и в заключение — над 15-ю образцовыми произведениями нашей литературы, и преимущественно баснями Крылова. В начале же мы должны были дать такие простые образцы, из которых не может состоять ни одно цельное литературное произведение. Как ни прост язык классической и едва ли не единственной в этом отношении сказки Пушкина, но и с неё начать невозможно. Но так как сказка Пушкина даёт почти одни простые предложения, то и для первых наблюдений над сложением и связью предложений мы должны были опять прибегнуть к нарочито подобранным для этой цели примерам. Только после этого мы получили возможность наблюдать связную речь басен Крылова.

Весьма понятна цель, для которой мы привязываем все грамматические наблюдения и выводимые из них определения и правила к литературным образцам, выучиваемым наизусть так, что дитя может произносить и писать их без ошибки. Этот приём, употребление которого весьма распространено в педагогической практике со времени Жакото (который злоупотребил им и довёл его до крайности), совершенно рационален и основывается на тех особенностях деятельности памяти, которые мы во всей подробности старались изложить в нашей «Педагогической антропологии» *. Запоминая какое-нибудь типическое стихотворение, легко, резко и прочно отпечатлевающееся в памяти, дитя привязывает к нему и грамматические правила, которые оно узнало при разборе выученного стихотворения.

Всякое наблюдение, если только возможно, руководится в нашем учебнике сначала вопросами, на которые сам учащийся должен давать ответы. Потом из этих наблюдений составляется грамматическое определение или грамматическое правило. Затем предлагается ряд упражнений, закрепляющих в памяти данное определение или правило. Если же мы полагаем, что ученик

---

* «Пед. антр.», ч. I, гл. XXIII.

сам не может дать ответа на вопрос, предлагаемый ему учебником, то ставим тут же и ответ. Вопрос в этом случае указывает на пробел в знании ученика, и тем самым помогает пополнить этот пробел. Хорошо понятый вопрос есть уже половина ответа. Вот общий способ изложения, которому мы следуем в нашем учебнике.

Наблюдения и выводимые из них правила сначала вовсе не классифицируются, по крайней мере, не классифицируются заметным для ученика образом. Определения и правила *синтаксические, этимологические* и *орфографические* идут рядом, размещаясь единственно по своей относительной простоте и понятности, а отчасти и по своей необходимости для правописания при многочисленных письменных упражнениях. Вот почему рядом с первыми понятиями о составе простого предложения идёт у нас разложение слов на слоги, слогов на звуки, изображение звуков буквами, отыскание коренной части слова, упражнения в производстве слов, столь необходимом для правописания, и главнейшие правила постановки букв. Для упражнений в постановке буквы ѣ в корнях слов подобраны нами пословицы, письмо которых наизусть должно дать навык глазу и руке дитяти в преодолении этой капитальной трудности русского правописания.

Если разбор избранного нами образца приводит нас к таким явлениям слова, полное объяснение которых ещё невозможно, то мы или пропускаем их, или, если это не может быть сделано, даём им объяснения *провизуарные* — не ложные, чего ни в каком случае и никогда не должно давать дитяти, но неполные — достаточные на этот случай, но не обнимающие других или не углубляющиеся до самой основы объясняемого явления. Эти провизуарные объяснения даются с тем, чтобы потом, при новом случае и уже по приобретении необходимых для того сведений, дать объяснение полное и вполне основательное. Такие провизуарные определения и правила — обычное явление при всех наблюдениях: а мы именно хотим, чтобы ученик сам наблю-

дал и, по возможности, сам же выводил грамматическое правило или понятие, только руководимый учителем: в этом и состоит главное значение грамматики для общего развития. Понятно, что многие объяснения, которые вполне возможны только при глубоком философском анализе или при историческом изучении языка, напр., при сравнении языка русского с церковно-славянским, так и должны остаться провизуарными в первоначальной грамматике. Если бы учитель и мог сам дать объяснение более точное и основательное, то он не должен ставить детей на своё место, а помнить всегда, что доступное ему может ещё вовсе не быть доступно его ученику: впереди же ещё не мало предстоит толковать о грамматике.

Смысловым или вещественным разбором мы занимаем возможно менее, чтобы не развлекать внимания детей, и потому выбираем для разбора такие простые по смыслу статьи, которые почти не требуют никаких смысловых объяснений.

Когда набирается столько определений и правил, что не мешает уже обозреть их и закрепить в памяти учащихся повторением, то мы выставляем ряд вопросов, исчерпывающих все встречавшиеся до тех пор грамматические определения и правила. При этом мы ставим вопросы так, чтобы мало-помалу привести в голове ученика в обычную грамматическую систему все приобретённые им при разборе, и потому вразброд, грамматические понятия и правила. Таким образом, *систему дидактическую* мы переводим мало-помалу в *систему научную*. Это мы считаем делом важным, ибо только система способна удержать в памяти многочисленные и разнообразные грамматические сведения. Но полная научная грамматическая система есть уже дело второго курса грамматики — грамматики систематической, к которой мы только подготовляем детей.

Разобрав отрывок, взятый нами из сказки Пушкина, и после нескольких систематических повторений по вопросам всего приобретённого из грамматики материала, мы получаем уже возможность разделить разбор на

смысловой, синтаксический, этимологический и *орфографический* (стр. 144), к чему учащийся был подготовлен мало-помалу системой вопросов. Здесь мы изменяем и самую систему повторений; ибо прежняя по множеству накопившихся сведений уже становится невозможной. Далее повторение должно идти не по вопросам, а на разборе же и предоставляется самому ученику, руководимому наставником. Мы выставляем только образцы разбора и устанавливаем его систему (стр. 152—158). Система эта еще не полна: следовало бы отделить в *смысловом* разборе *разбор вещественный* от *логического*; но это дело дальнейших занятий.

В конце каждой, вновь разобранной и заученной статьи мы предлагаем ряд письменных упражнений. преимущественно орфографических, ибо дать ученику письмо, достаточно правильное для того, чтобы он мог как можно скорее и уже безвредно для себя и неутомительно для наставника, исправляющего ошибки, заниматься письменными работами, составляет одну из главных целей нашего учебника. Мы надеемся, что эти, заученные и объяснённые, как следует, *пятнадцать* небольших, лёгких стихотворений дадут детям к двенадцатому же году весьма сносное правописание, которое придётся потом пополнять только по частям. Теперь же ученические тетради часто до того переполнены ошибками, что делают невозможною тщательную и толковую поправку их со стороны учителя; а ошибки, оставленные без поправки или не объяснённые ученику и не замеченные им, укореняют неправильное письмо.

В конце практической грамматики у нас приложена небольшая хрестоматия, составленная отчасти и из наших оригинальных статеек, написанных нарочно для этой цели. Мы назвали эту хрестоматию *грамматической*, так как она назначена служить сначала пособием при изучении практической грамматики, а потом для повторения и дополнения замеченных уже правил и в особенности правил правописания и постановки знаков. Конечно, нисколько не повредит делу, если некоторые из этих последних статеек хрестоматии будут так же

вполне разобраны и выучены наизусть, как и разобранные в самой грамматике. Особенно мы рекомендуем для этого отрывки из сказки Пушкина о «Царе Салтане», написанной такими лёгкими стихами, что они заучиваются детьми без малейшего труда.

В конце книги у нас приложено несколько известных уже детям молитв и несколько отрывков из библии на церковно-славянском языке и напечатаны они церковной печатью. Цель этой небольшой церковно-славянской хрестоматии состоит в том, чтобы начать приучение детей к чтению церковной печати и дать им первый навык в понимании церковно-славянского языка. Язык этот так близок нам, что часто люди, даже совершенно безграмотные, только прислушиваясь к нему в церкви, усваивают понимание его в замечательной степени. На эту-то родственность двух языков мы и рассчитываем здесь, давая внизу только переводы тех слов и выражений, которые могли бы быть не совершенно понятны детям. Грамматика церковно-славянского языка ожидает ученика впереди, а теперь, когда и отечественная-то грамматика ещё не изучена систематически, изучение церковно-славянской мы считаем преждевременным. Для этой последней цели мы можем рекомендовать отличное и совершенно практически составленное руководство г. Водовозова *. Особенное значение имеет этот прекрасный учебник для учителей народных школ, так как на этих лицах лежит обязанность удовлетворить тому требованию, которое заявляет наш народ своим школам, т. е. приучить детей не только читать, но и понимать церковно-славянский текст. В народных школах это дело, конечно, может ограничиться одним навыком в чтении и переводе мест из библии; но сам учитель, чтобы руководить этим переводом, должен знать церковно-славянский язык грамматически, и для этой цели мы не можем порекомендовать ему ничего лучше книги г. Водовозова.

---

* Практическая славянская грамматика с примерами и упражнениями. Составил В. Водовозов. С.-Петерб., 1869.

Весьма вероятно, что некоторые упрекнут нас в том, что мы знакомим дитя не с языком и письмом Остромирова евангелия, а берём отрывки из библии. Но, *во-первых*, мы имеем целью именно познакомить детей с языком, ныне употребляемым в православной церкви; *во-вторых*, для тех, кому предстоит дальнейшее изучение языка, мы считаем язык библии прекрасным переходом к изучению древне-церковно-славянского, образчик которого сохранился для нас в Остромировом евангелии; *в-третьих*, мы назначаем взятые нами отрывки из библии не только для чтения, но и для перевода, а потому берём самые доступные по смыслу для детского понимания, тогда как отрывки из евангелия для той же цели были бы неудобны; и *в-четвёртых,* мы убеждены, что грамматическое изучение церковно-славянского языка в связи с русским, для чего собственно и имеет значение Остромирово евангелие, должно быть отодвинуто гораздо далее того периода учения, для которого мы назначаем нашу первоначальную грамматику.

При нормальном ходе учения за практической первоначальной грамматикой, извлекаемой из разбора, должно следовать систематическое повторение и дополнение её по какому-нибудь систематическому же учебнику, имеющему уже гораздо более философского и исторического элемента. Вместе с тем должно идти дальнейшее чтение из библии и переводы с церковно-славянского языка на русский. Переводы на родной язык — одно из лучших средств для теоретического и практического изучения этого языка; но в первых трёх и даже четырёх классах обыкновенного нашего среднего учебного заведения дети не настолько ещё ознакомились с каким-нибудь из иностранных языков, чтобы учителя русского языка могли уже задавать переводы с него. В этом отношении переводы с церковно-славянского будут значительным подспорьем.

За систематическим изучением русской грамматики может уже следовать изучение древне-церковно-славянской, которое поведёт и к более глубокому историческому пониманию грамматики языка русского. Но мы

желали бы, чтобы изучение церковно-славянского языка имело не одну только эту побочную цель, но стремилось также и к тому, чтобы ученики теоретически и практически овладели этим языком *.

Объяснив значение и общий состав нашей первоначальной грамматики, мы перейдём теперь к объяснению некоторых частностей. Объяснения эти двоякого рода: в одних мы излагаем значение тех или других, употреблённых нами, частных дидактических приёмов, а в других — стараемся оправдать некоторые принятые нами нововведения в грамматике. Но для удобства справок мы расположим и те, и другие по страницам книги, а потом сведём все наши грамматические определения в одну систему, выказав для неё уже такие основания, которые хотя доступны преподавателю, но могут быть не всегда доступны детям.

Мы начинаем нашу грамматику с разбора простого

---

* Этому желанию, без сомнения, долго ещё придётся оставаться в области желаний; но мы не можем удержаться, чтобы не высказать его здесь и не показать его оснований.

Мы полагаем, что церковно-славянский язык, — это общее наследие всех славянских племен от какого-то, никому неизвестного праотца, всем славянским племенам одинаково близкого, — имеет не только *великое прошедшее,* но и *великое будущее.* Это и в настоящее время уже общий церковный язык большей части славянских племён, и если этим племенам суждена когда-нибудь общая духовная жизнь, то, без сомнения, эта общая жизнь найдёт себе лучшее выражение в церковно-славянской речи, легко усваиваемой всеми славянами и в то же время не принадлежащей ни одному племени и, следовательно, не навязываемой одним племенем другому. Язык, на котором могут объясняться между собой православный болгарин, серб, русин, кроат, словак и наш русский *начётчик*, и который все они одинаково называют *своим,* — есть великое общее богатство славян, которое стыдно было бы оставить втуне. Он может иметь бóльшее значение для племён славянских, чем латинский для племён романских, ибо последний гораздо труднее доступен французу, испанцу и итальянцу, чем первый всякому славянину.

Во всяком случае тщательное изучение церковно-славянского языка даст не только русский, но даже славянский оттенок нашему образованию ещё и потому, что церковно-славянский язык чрезвычайно облегчает изучение других славянских наречий.

нераспространённого предложения (п. 1—3) и потом немедленно же переходим к распространённому. Понятно само собою, почему мы начинаем предложением, а не отдельными словами. Предложение есть нечто целое, более понятное детям, да и самый язык человечества и каждого отдельного человека начинается не отдельными словами, а целыми предложениями. В первых словах младенца: мама, няня, дай, на, больно и т. д. заключаются, конечно, для дитяти не отдельные слова, а целые предложения, выражающие или чувство, или желание, а в зародыше уже и мысль. Кроме того, для нас важно также с самого начала приучать детей к постановке знаков, что невозможно без знакомства с предложением и его частями.

В простом предложении мы указываем сначала только две части: *сказуемое* и *предмет речи* (п. 2). Если мы не говорим здесь о подлежащем, то уже потому даже, что точное понимание подлежащего невозможно без понятия о падежах, так как подлежащее есть именно предмет речи в именительном падеже, — невозможно также и без понятия об изменениях окончаний, ибо другая характеристическая черта подлежащего состоит в согласовании его со сказуемым.

Трудно представить себе что-нибудь нелогичнее начала почти всех наших грамматических учебников, начинающих разбором предложения: определяя подлежащее как предмет речи, вслед за тем они говорят *о предложениях безличных*, как таких, в которых нет подлежащего. Если подлежащее есть предмет, о котором говорится в предложении (а все наши грамматики именно так его определяют), то, подставив равное вместо равного, выйдет, что *безличное* предложение есть такое, *в котором нет предмета речи*, или, что всё равно, *в котором ни о чём не говорится*. Но разве возможно такое предложение, в котором ни о чём не говорится? А между тем этот очевидный абсурд есть логический вывод из наших обычных определений подлежащего и безличных предложений. Кроме того, разумно ли заставлять ребенка принимать на веру, что, напр.,

в предложении *я хочу* лицо видно, а в предложении *мне хочется* лицо не видно, и что потому это последнее предложение следует называть безличным? Начиная грамматику с таких абсурдов и с таких противоречий очевидному факту, который кидается в глаза самому дитяти, мы не должны удивляться, что и вся грамматика представится ему чем-то вымышленным, искусственным, придуманным учителями для мучения учеников, а не результатом простых и верных наблюдений над языком, которые и само дитя может сделать.

Чтобы наше обвинение не показалось голословным и чтобы оправдать необходимость принятого нами нововведения, мы вынуждены привести здесь определения подлежащего и безличных предложений из самых общеупотребительных грамматик.

Г. Антонов в своей очень распространённой грамматике говорит: «В предложении непременно (заметьте *непременно*) *две главные части: подлежащее* — предмет, о котором говорится, иначе — всё, что *подлежит* нашему суждению, и *сказуемое*, действие или качество, придаваемое предмету или отнимаемое от него, иначе — всё, что *сказывает*, говорит о подлежащем» *.

При таком определении подлежащего г. Антонов и оставляет своих учеников в продолжение всей этимологии, пока, наконец, в конце своей книги не возвращается опять к синтаксису. Здесь, без всяких предварительных объяснений, он уже определяет подлежащее несколько иначе: «подлежащее есть в предложении

---

* Русская грамм., младший курс, изд. 2-е, 1863, стр. 3 и 4. Мы не можем ещё не привести здесь и замечательного объяснения, что такое связка. «Для приведения в связь подлежащего со сказуемым, — говорит г. Антонов, — употребляется *связка*, слово *есть*, *был*, которое нередко опускается, но всегда подразумевается. Так, в предложении: ночь темна, связка подразумевается — *есть* темна; зябнет сторож — сторож есть тот, который зябнет». Кто же скажет *ночь есть темна?* Кто из русских, наконец, поймёт выражение *сторож зябнет* в смысле *сторож есть тот, который зябнет?* Из этого вы можете видеть, насколько существующие грамматики оправдывают то развитие логичности в детях, которого ожидает от грамматики, например, г. Буслаев. Хорошо же первое знакомство детей с логикой грамматики!

главный предмет, о котором говорится: оно отвечает на вопросы именительного падежа: *кто? что?**. Здесь уже говорится только, что подлежащее бывает *главным* предметом, о котором говорится, из чего ученику предоставляется уже самому заключить, что *неглавным* предметом сказуемого может быть что-то другое, а не подлежащее, но что это такое — этого нигде не объясняется. Если г. Антонов намекает на предметы речи в безличных предложениях, то их нельзя назвать неглавными: ибо понятие главного слова относительно, и где нет подлежащего, там и другое слово может быть главным. Притом же не везде подлежащее бывает главным предметом в предложении: делая фразное ударение, например, на дополнении, можно и его сделать главным словом в предложении.

Далее г. Антонов говорит, что подлежащее бывает выражено существительным, местоимением, прилагательным и причастием, но всё в *прямом именительном падеже* и «глаголом в *неопределённом наклонении*, как соответствующим именительному падежу имён существительных». «Есть один только (?) случай, прибавляет г. Антонов, когда подлежащее является в родительном падеже: это бывает при сказуемом, когда оно есть глагол *безличный с отрицанием не*, напр., *не слышно песен на лугах*». «Впрочем, — объясняет это явление г. Антонов далее, — подобный родительный падеж подлежащего есть только форма, особый оборот, в сущности же подлежащее *должно быть* в именительном падеже»**. Что же объясняет это объяснение? За что же считать ученику этот *особый* оборот? Не за ошибку ли против языка? Не за нарушение ли грамматического правила, что подлежащее *должно быть* в именительном падеже? Но кто же кому предписывает правила — язык ли грамматику или грамматик языку? И в последнем случае, откуда грамматик берёт свои велемудрые правила, которых язык и знать

* Там же, стр. 135—136.
** Там же, стр. 137.

не хочет и которые почему-то обязательны только для ученика. Но если г. Антонов в выражении: «*не слышно песен*» признает подлежащее, хотя и неправильно (т. е. не по его грамматике) поставленное, то почему же он не хочет признать такое же неправильное (т. е. правильное по языку, но неправильное по грамматике) подлежащее в следующих выражениях: *ему больно, его слышно*? Признав же эти выражения за правильные по языку, г. Антонов не мог бы сказать, что постановка подлежащего в родительном падеже есть только *единственный случай* постановки подлежащими имён в косвённых падежах. Дело же в том, что если бы г. Антонов увлёкся этими примерами подлежащих в дательном и винительном падеже, то он не знал бы, что̀ ему делать со своим определением подлежащего. Вот он прибегнул к единственному, будто бы, исключению, да и его признал так себе, за форму, не стоящую внимания, и умолчал о множестве других исключений. Но о них не молчит русский язык, который как будто в насмешку над нашими грамматиками особенно любит употреблять предложения с предметами речи в косвенных падежах.

Г. Говоров, которого грамматика не менее распространена, говорит о подлежащем так: «Из понятия о предложении видно, что в состав его непременно (тоже *непременно*) должны входить две части: *предмет*, о котором должна идти речь, и *суждение* о нём. Главный предмет, о котором говорится в предложении, называется *подлежащим*, потому что он подлежит нашему суждению, а само суждение о предмете называется *сказуемым*, потому что в этой части предложения *мы сказываем*, или высказываем то, что хочется нам сказать о предмете». И несколько далее: «*подлежащее* и *сказуемое* — это *главные части* предложения, потому что без них не может составиться никакого предложения (т. е. никакое предложение)»*. Ну и прекрасно! Без подлежащего, следовательно, предложения и быть

* Опыт элем. рук., курс 1 и 2, 6 исправ. изд., 1868 г. стр. 3.

не может. Но вот беда — через несколько же страниц грамматику приходится говорить о безличных предложениях и говорить следующее: «Есть такие предложения, в которых нет определённого подлежащего, или оно скрыто и вовсе неизвестно, — эти предложения называются *безличными*, напр., *светает — что* светает? — неизвестно». В пример безличного предложения приводится также известный стих Лермонтова: «и верится, и плачется, и так легко, легко» *. Но если этот стих Лермонтова изменить так: *мне верится, мне плачется, мне так легко, легко* — что же, будет ли тогда в этих предложениях предмет, о котором говорится, или нет? *Мне верится в силу лекарства* — что будет неопределённого в этом предложении? Если же, наконец, г. Говоров признает подлежащие *определённые* и *неопределённые*, то и должен был, по крайней мере, высказать это напрямик, а не путаться самому и не путать детей, что в учебнике совсем не годится.

Теперь подымемся повыше. Г. Буслаев в своей исторической грамматике говорит, что «предложение, как суждение, выраженное словами, состоит из подлежащего и сказуемого» **. Несколько далее г. Буслаев говорит, что «этимологическая форма подлежащего есть именительный падеж», и тут же прибавляет, что «в логическом отношении предложение именуется *безличным*, когда сказуемое, будучи выражено глаголом безличным, не имеет при себе явственного и определённого подлежащего». «В *грамматическом* отношении, — говорит далее г. Буслаев, — безличное предложение не должно быть отличаемо от личного, потому что так называемый глагол безличный имеет грамматическое подлежащее, либо в своём личном окончании, напр., «(ему) не сид-*ит-ся*», либо в неопределённом местоимении: напр., «*il* pleut», «*man* sagt», а внизу г. Буслаев делает такое примечание: «только в *логическом* отношении можно назвать в безличном предложении подлежащим датель-

* Там же, стр. 10.
** Историч. грам., ч. 2, стр. 22.

ный падеж, означающий отношение к лицу, напр., «*мне* хочется» *.

Из этих положений г. Буслаева можно сделать несколько замечательных выводов: 1) г. Буслаев отвергает признаваемое в грамматиках безличное предложение, говоря, что оно не должно быть отличаемо от личного именно в *грамматическом* отношении. Тогда очень странно, почему г. Буслаев сам же часто употребляет этот термин как в своей «Исторической грамматике», так и в своем «Учебнике», где, между прочим, говорит, что «предложение именуется безличным, когда сказуемое, будучи выражено глаголом безличным (где же безличный глагол в выражениях: мне больно, мне скучно и т. д.? Или это не безличные предложения? Тогда, какие же они?), не имеет при себе ясного и определённого подлежащего; напр., рассветает, смеркается, хочется и проч.**». Следовательно, г. Буслаев определяет в грамматике то, что сам же признаёт именно в грамматике не существующим. 2) Г. Буслаев, не признавая *грамматического* отличия безличных предложений от личных, признаёт, повидимому, *логическое* значение безличных предложений и говорит, что называется безличным предложением в логическом отношении; но в примечании своём высказывает, что в безличных предложениях есть *логическое* подлежащее и что, напр., в предложении: *мне хочется* — слово *мне* может быть признано логическим подлежащим. Как же быть после этого? Существует ли безличное предложение, или не существует? Существует ли оно в грамматическом отношении, или только в логическом? Или нет его ни в логическом, ни в грамматическом? Что же вынесет для себя (в этом отношении, конечно) преподаватель первоначальной грамматики из книги г. Буслаева и что понесёт он объяснять своим ученикам?

Но, может быть, г. Буслаев в своём «Руководстве к первоначальному преподаванию русского языка» на-

* Там же, стр. 26 и 27.
** Учебн. русской грам., М., 1869, стр. 149.

ставит будущих учителей, как им быть при уроках с этим безличным предложением, которое, не существуя ни логически, ни грамматически, продолжает однако путешествовать по грамматикам? Ничуть не бывало: здесь г. Буслаев вовсе умалчивает об этом камне преткновения и говорит прямо, что «подлежащим называется то, о чём говорят, а сказуемым то, что говорится о подлежащем», или еще кратче, что «подлежащее есть предмет для разговора»*.

Таким образом, корифеи нашей грамматики предоставляют первоначальному преподавателю самому выпутываться из того затруднения, из которого они сами никак выпутаться не могут; а первоначальный преподаватель постоянно сталкивается с определением подлежащего как предмета речи, с отрицанием подлежащего в косвенном падеже и с признанием безличных предложений как таких, в которых нет подлежащего, т. е. в которых ни о чём не говорится. Он, пожалуй, готов бы привязаться к выражениям подлежащее *определённое* и *неопределённое, логическое* и *грамматическое*, и на них выехать из затруднения, но нигде не видит, чтобы эти термины были признаны за термины грамматические, а замечает только, что об этом говорится как-то вскользь, и предпочитает точно так же скользить и перед своими маленькими слушателями, которым оттого не легче.

Г. Богородицкий принадлежит к числу грамматиков, не боящихся нововведений, однакоже и он определяет подлежащее так: «То *слово, которым выражается предмет нашей речи,* называется в грамматике *подлежащим,* которое всегда отвечает на вопросы *кто* и *что*» **. Но, сказав это, г. Богородицкий немедленно же вынужден оговориться и прибавить, что «в русском языке обыкновенно часто встречаются такие сказуемые, которых качество или действие проявляется на предмете *самостоятельно,* нисколько *не завися* в своём

---

* Кратк. рук. к первонач. препод. русск. яз., 1867, стр. 14.
** Грамм. языка русского, вып. 1-й, 1868, стр. 5.

проявлении от предмета, на котором оно проявляется. В таком случае сказуемое отвечает на вопросы: *что делается с предметом?* а предмет не отвечает уже на вопросы *кто? что?* и перестаёт уже быть подлежащим, делаясь другим членом (каким же? притом о других членах ещё не было в грамматике сказано ни слова), напр., «мне *скучно*»; «ему *весело*» и т. д. Затем автор задаёт преподавателю задачу: «объяснить разницу сейчас приведённых предложений с предложениями: я скучаю, он веселится». Задача не лёгкая, потому что, собственно говоря, разницы-то никакой нет между предложениями *я скучаю* и *мне скучно, ему весело* и *он весел.* Но, предположив, что преподаватель решил эту задачу, г. Богородицкий заключает так: «А если сказуемые могут употребляться, по свойству русского языка, *самостоятельно*, не нуждаясь (?) в подлежащем для проявления своих качеств и действий, то отсюда следует, что в русском языке должны встречаться и такие предложения, в состав которых входит *один* только *главный* член, т. е. одно сказуемое без подлежащего. Напр.: «Рассветает». «Смеркается». «Мне скучно». «Ему весело» и т. д.— и потом ниже уже прямо называет подлежащее именительным падежом, говоря: «подлежащее как имя предмета нашей речи в грамматике называется именительным падежом», безличные же предложения предлагает назвать «предложения с самостоятельным сказуемым»*. Но, *во-первых,* всё это объяснение вовсе не такого свойства, чтобы могло быть передано ученику, начинающему русскую грамматику и ничего ещё не знающему ни о второстепенных членах предложения, ни об именительном падеже, ни о косвенных падежах, о чём та же грамматика толкует гораздо дальше; а *во-вторых*, это объяснение не может быть передано ещё и потому, что в нём есть чувствительный логический недочёт. Так, напр., здесь говорится, что сказуемые безличных предложений *не нуждаются* в подлежащих. Но как же не

* Там же, стр. 5.

нуждаются? Может ли какое-нибудь предложение не нуждаться в предмете речи? Если я скажу — *больно, скучно*, то из этих слов точно так же не выйдет предложения, как если бы я сказал: *болен, скучен*. Следовательно, и эти *независимые сказуемые* точно так же нуждаются в предмете речи, как и зависимые; а на этом-то и основано всё темноватое объяснение г. Богородицкого.

Не помним где, но мы читали ещё другой приём, которым хотят примирить определение подлежащего как предмета речи с определением безличных предложений как лишённых подлежащего, т. е. предмета речи. Полагают, что в безличных предложениях сказуемое выражает действие или состояние, независящее от предмета, и что в предложении, напр., *мне скучно*, показывается состояние, над которым предмет не властен. Но ясно, что и это толкование не выдерживает критики. В личных предложениях — *я болен, я скучаю, он умер, он спит* — болезнь, скука, смерть, сон также не зависят от лица, как и в предложениях — *мне больно* и *мне скучно*.

Но к чему же все эти хитросплетённые толкования? Неужели только для того, чтобы отстоять определение подлежащего как предмета речи и в то же время доказать его обязанность стоять непременно в именительном падеже? Неужели только для того, чтобы всё же попрежнему наряжать наш молодой язык в средневековые формы латинской грамматики, которые и для мёртвого латинского языка не совсем-то пригодны? Нам кажется, что, во всяком случае, если мы ограничимся только скромной ролью наблюдателей, оставим нелепую претензию быть законодателями языка, то на нашей обязанности останется в сущности дело очень простое: рассказать детям, что мы сами заметили, или, что еще лучше, помочь им самим сделать эти замечания.

В такой неопределённости первого же грамматического понятия, сообщаемого детям, нельзя, конечно, не признать очень важного дидактического недостатка, с которым никак не может примириться первоначаль-

ное преподавание, первое условие которого есть ясность и определённость.

Вот на каком основании мы говорим сначала о *предмете речи* и современем только, когда дитя познакомится уже с изменениями окончаний в глаголах и именах и с согласованием слов, мы скажем ему о *подлежащем* как *одном из видов* предметов речи в предложении (п. 58)*.

Нам могут заметить, что в так называемых безличных предложениях предмет речи не всегда ясен и что его часто нельзя отличить от дополнительных слов. Так, напр., что будет предметом речи в предложении *у меня нет денег?* О чём говорится в этом предложении — *обо мне,* или *о деньгах?* Это замечание будет совершенно справедливо, но оно относится и к некоторым личным предложениям. Так, напр., где будет подлежащее в предложении: *золото один из драгоценных металлов?* Смотря по вопросу, которым это предложение вызвано, подлежащим может быть или слово *золото,* или слова — *один из металлов.* Это замечание вы и можете сообщить ученикам, прибавив, что в таких случаях следует узнавать предмет речи по общему её смыслу; так, напр., в предложении — *денег нет у меня, а хлеб есть* — предметом речи будут *деньги;* а в предложении — *у меня денег нет, а у него их много,* за предмет речи скорее можно принять местоимение *меня.* Но эта неясность предмета речи в так называемых безличных предложениях, как и в некоторых личных, не должна привести учителя к необходимости утверждать бессмыслицу, что будто в безличных предложениях нет предмета речи, или, другими словами, что в них ни о ком и ни о чём не говорится.

Сказуемое и предмет речи мы называем главными *членами* предложения, ибо заметили в учебной практике, что название *частей* предложения часто застав-

* Принятое нами разделение предложений на *прямые, косвенные, безличные* и *однословные* — см. несколько ниже.

ляет детей смешивать *части предложения* с *частями речи*. Название *разряда* слов, усвоенного некоторыми практиками для частей речи, мы не приняли потому, что для ребёнка в таком случае не будет понятен самый избитый вопрос экзаминатора: *какая часть речи?* А мы всегда имели в виду, чтобы особенности нашей грамматики не могли испортить учебной карьеры ученика.

От предложения, состоящего из двух слов, мы переходим к, *так называемому, распространённому* и приучаем дитя распространять предложения по вопросам (п. 3), т. е. продолжаем тот же самый приём, который мы употребили уже во 2-й ч. «Родного слова». Этот приём мы считаем весьма полезным. Он нечувствительно знакомит дитя с составом предложения и обращает внимание ученика на согласование и управление слов, ещё не отягощая детской памяти трудными терминами.

Всем членам предложения, кроме главных, мы дали название *слов объяснительных*, не разделяя их на обстоятельственные, дополнительные и определительные. Мы предоставляем сделать это, если это уже нужно (для экзаменов), систематическому и более подробному курсу грамматики. Во всяком случае помещение этих подразделений на первых же страницах первоначальных грамматик весьма не практично: если они и могут быть помещаемы, то, по крайней мере, по изучении этимологии. Что же касается до нас, то мы считаем всю эту классификацию второстепенных членов предложения ни на чём неоснованной, как это мы надеемся доказать в особой статье. Здесь же самый объём нашего учебника избавляет нас от этих толкований.

По разъяснении состава предложения многие первоначальные учебники, желая соблюсти последовательность, стараются выводить из предложения же этимологические понятия частей речи. Этот приём советует и г. Буслаев в своём «Руководстве к первоначальному преподаванию русского языка». Но нетрудно убедиться, что приём этот ведёт учебник и наставника к большим

нерациональностям. Так, напр., г. Буслаев, стараясь вывести понятие о глаголе из понятия о сказуемом, говорит: «Сказуемым обыкновенно бывает *глагол.* Глагол есть старинное речение и значит то же, что слово: стало быть, глагол есть всё то, что говорит, что *сказывает* о предмете: потому-то глагол и бывает *сказуемым»* *. Но разве прилагательное, существительное и наречие не могут точно так же говорить о предмете и не бывают точно так же сказуемыми? И наоборот, разве глагол не бывает подлежащим и дополнением? Таким образом, желание логически вывести понятие глагола из понятия сказуемого приводит г. Буслаева к явной неправде, и это же будет и при всякой другой попытке провести тождество между членами предложения и частями речи, ибо этого тождества на деле нет.

То же самое желание заставляет г. Говорова в *первом* же курсе своего *элементарного* руководства (назначенного, следовательно, для десятилетних детей) выражаться так:

«Каждая мысль наша, как и всякое отдельное слово, имеет две стороны: *внутреннюю* и *внешнюю.* (Что это за *внешняя* и *внутренняя* сторона *мысли?*) *Внутреннюю* сторону её составляет частное значение и общий смысл слов, соединяемых в одно целое — в одну мысль: а *внешнюю* — слышимые или видимые (на бумаге) слова, которые выражают собою различные понятия и служат средством к передаче мысли *во вне,* так что она настолько же делается понятной для посторонних людей, слушающих или читающих её, насколько и для самого высказывающего её. *Подлежащее, сказуемое, определения, дополнения* и *обстоятельства* — всё это такие части *мысли,* которые принадлежат к внутреннему её составу; а к внешнему составу, стало быть, должны отнестись *слова* как знаки различных понятий. Поэтому-то виды, или разряды слов, одинаковых по

* Рук. к первонач. преп. р. яз., стр. 19.

общему назначению — постоянно выражать какие-нибудь однородные понятия, и называются в грамматике *частями речи*, т. е. частями такой мысли, которая уж выражена в словах. Очевидно, что между частями мысли и частями речи непременно должно быть ближайшее соответствие, как между всяким знаком и тем предметом, который им означается» *.

Спрашивается, для какого десятилетнего дитяти написана эта страница — одна из *первых первого* же элементарного курса грамматики? По нашему мнению, эта страница не годится не только для детей, но и для взрослых; ибо в ней слов много, а мысли *ровно никакой*. Кроме того, попытка вывести части речи из понятий частей предложения приводит и г. Говорова, как привела г. Буслаева, к совершенно ложным выводам. Так, на следующей же странице г. Говоров, желая вывести значение глагола из значения сказуемого, говорит следующее:

«В состав предложения входит *сказуемое*. Мы *иначе и думать не можем о предмете, как представляя его себе или что-нибудь делающим, или находящимся в том или другом положении*. Отсюда в нашем языке происходит новый, важнейший из всех разрядов слов, выражающих действие или состояние предмета, который по этой самой важности и называется *глаголом*, т. е. словом по преимуществу, или, как в старинных и славянских грамматиках, речью. Смысл как в старинном, так и в нынешнем названии этой части речи один и тот же, т. е. без этой части речи и быть не может никакой речи, *глагол один может составить целое предложение* (смеркается, стою, сижу), тогда как без него нет и не может быть никакого предложения».

Но если «один глагол может составить целое предложение», то зачем же на предыдущей странице, стараясь вывести понятие имени существительного

* Опыт элемент. руководства при изучении русского языка, *Шестое* исправленное изд., курс I, стр. 20.

из понятия подлежащего, тот же г. Говоров говорит: «чтобы заговорить о чём-нибудь, прежде всего надобно *назвать* предмет, о котором хочешь говорить». Чему же должен верить ученик, тому ли, что г. Говоров говорит на 21-й стр. своей книги, или тому, что он же говорит на стр. 22-й?

Оговорка, сделанная г. Говоровым в примечании, также очень замечательна. Он ссылается на *факт*, что прилагательные и существительные употребляются в сказуемом не иначе, как «в смысле глаголов», но откуда он взял этот *факт?* Ведь это не факт, а толкование, которое дают иные грамматики, желая подвести русский язык под правила, под которые он не подходит.

Разделение слов по частям речи и разделение предложения на члены основываются на совершенно различных принципах деления и не могут быть выводимы одно из другого. Вот на каком основании мы отвергаем всякую попытку выводить части речи из частей предложения (которая, как мы увидим далее, повела грамматиков и к ложному определению частей речи, напр., наречия) и излагаем понятие о частях речи самостоятельно, по мере того, как они представляются нам при разборе, и по мере того, как мы считаем дидактически своевременным познакомить дитя с значением той или другой части речи.

В определении имён *существительных, прилагательных* и *числительных* (п. п. 8—10) мы не отступаем от обычных определений, только настаиваем на том, чтобы все эти три части речи носили общее название *имён* в отличие от *глаголов*. Понятие склоняемого имени *вообще* и спрягаемого глагола *вообще* должно быть основным этимологическим понятием для ученика, ибо оно является основным и в грамматике, и в логике, как мы это увидим ниже.

Не так легко сделать логическое определение *местоимения*, и мы должны были удовольствоваться покуда провизуарным определением этой части речи, немного отступающим от обыкновенно даваемых в наших грамматиках (п. 10).

Интересно при этом взглянуть, как определяется местоимение в более авторитетных или более употребительных грамматиках.

«Местоимение, говорит г. Антонов, как самое его название показывает, ставится вместо имени существительного или прилагательного» *. Действительно, название этой части речи указывает на то, что она ставится вместо имени; но это только указание, а не определение. Этим указанием можно воспользоваться при первом знакомстве детей с местоимениями, но его никак нельзя принять за определение. Вместо какого имени, напр., ставится указательное местоимение *этот*, стоящее рядом с именем, на которое указывает? Вместо каких имён ставятся местоимения *всякий, каждый, никто* и др.? Под это определение даже вопросительные местоимения не подойдут, ибо они спрашивают об имени, а не ставятся вместо него; словом, такое определение можно, пожалуй, принять провизуарным, но никак не окончательным.

«Местоимение, говорит г. Говоров, есть такая часть речи, которая заменяет собою имя существительное или имя прилагательное (почему же не числительное?) и посредством которой лицо говорящее отличает себя от предмета, о котором говорит, и от того лица, которому говорит» **. Ясно, что это определение ничем не отличается от предыдущего и только без нужды растянуто и затемнено. Под это определение, как и под прежнее, не подходит множество местоимений.

Г. Классовский определяет местоимение как «часть речи, не обозначающую название предмета (как существительное) и не показывающую, каковы предметы (как прилагательное), но заступающую место существительных, прилагательных и числительных» ***. Это полуотрицательное определение яснее, но также не обнимает всех местоимений. Под этим определением г. Классовский ставит примечание, в котором говорит, что

---

* Русск. грам. Антонова, младший курс, 1863, стр. 74.

** Опыт элемент. руковод. Говорова, изд. 6-е, курс I, стр. 71.

*** Справочная кн. по русскому правописанию, стр. 94.

хотя местоимения «ставятся вместо имён существительных, прилагательных и числительных, но они не заменяют их так, как вполне заменяется, напр., произведение 2 на 2 суммой 2 сложенных с 2». Это замечание показывает, что г. Классовский глубже других вдумался в значение местоимения: но в таком случае, если местоимения *не вполне заменяют* собою имя, не лучше ли было сказать, что они *указывают* на него или *напоминают* о нём?

В своей «Русской грамматике» г. Классовский определяет местоимения несколько обстоятельнее:

«Местоимение, говорит он, есть общее *отвлечённое* название предмета, качества или счёта, т. е. такое название, под которым мы можем разуметь различные предметы, различные качества и различные количества, а не один известный предмет» * и т. д.

Но разве можно сказать, что местоимение есть *название предмета,* хотя бы и отвлечённое? Под словом *жилище* мы разумеем различные предметы: землянку, избу, дворец, дом, гостиницу и т. д.; но, тем не менее, никто не назовёт слово *жилище* местоимением. Кроме того, чтобы оправдать своё определение, г. Классовский прибегает к очевидным натяжкам. Так, напр., он говорит, что слово *весь* «показывает высшую степень чьей бы то ни было величины». Но очевидно, что слово *весь* вовсе не показывает никакой степени, а только указывает на отношение предмета к его частям,— на то, что предмет берётся весь, без отделения от него какой бы то ни было части. Точно так же вопросительное местоимение — *который?* вовсе не представляет собой бесчисленного числа вопросов, а прямо спрашивает о порядке предметов в ряду других предметов того же рода. «Местоимение, заключает г. Классовский, есть часть речи, неопределённо заменяющая прямые названия предметов, качеств и количеств названиями отвлечёнными» **. Но мы уже показали, что

* Русская гр., курс 2-й, 1869, стр. 77.
** Там же, стр. 78.

и отвлечёнными названиями местоимений назвать нельзя и что понятие, заимствованное г. Классовским из другой науки, а именно из математики, к местоимениям не применимо. Сравнение, которое он проводит между именами и местоимениями, с одной стороны, и числами именованными и отвлечёнными, с другой, весьма остроумно; но сравнение — не доказательство. В языке собственно всякое имя есть уже отвлеченное понятие и степеней отвлечения в языке очень много: столько же, сколько степеней обобщения понятий. От понятия о *бытии* и *небытии* и до *собственного имени* неисчислимая градация отвлечений. Местоимения же: *я, ты, этот, это* и проч., как показал уже Гегель в своей «Феноменологии духа», являются в одно и то же время и величайшими отвлечениями и величайшими обособлениями, до каких только достигает язык. Кроме того, что такое разумеет г. Классовский под именем *прямых* названий? Наконец, г. Классовский всё же говорит о *замещении* имён местоимениями; тогда как замещения часто не бывает никакого, а только указание.

Г. Буслаев, в своей «Исторической грамматике», оставляет местоимения вовсе без определения; но в своём «Учебнике русской грамматики» говорит: «местоимение означает лица говорящие и слушающие, и отношение их к предмету разговора, выражаемое вопросом и более или менее определительным ответом» *. Это определение не только очень темно, отвлечённо, но и неверно. Какое отношение лица говорящего к предмету речи выражается местоимениями, напр., в следующих предложениях: *каждый человек знает это*, или — *всякий день солнце всходит?*

Г. Поливанов вовсе уклоняется от определения местоимений и прямо приступает к их разделению **.

Г. Богородицкий отступает уже от обычных определений. «Части речи служебные, говорит он, употребляющиеся *вместо имени* предмета (кроме *я* и *ты*),

* Учебник русской грамм., стр. 81.
** Учебник этимологии, стр. 89.

а иногда *вместо* связи одного предложения с другим («вода, которую мы употребляем» вместо «вода, употребляемая нами») составляет пятый разряд слов *местоимения**. В этом определении мы опять встречаем, что характеристическая черта местоимений состоит в том, что они употребляются *вместо* имени. Но мы видели уже, что, кроме исключаемых автором местоимений *я* и *ты,* следует ещё исключить из такого определения и многие другие. Остальная же прибавка к определению никуда не годится: если местоимения служат иногда для связи предложений, то эта черта не отличает, а, напротив, приравнивает местоимения к другим частям речи — союзам, наречиям, причастиям и, наконец, просто прилагательным, которые также могут иногда связывать одно предложение с другим.

Спрашивается после этого, как же требовать от детей в первом классе гимназии, чтобы они верно отличали одну часть речи от другой, когда сами наши грамматики не указали ещё для самих себя ясного отличительного признака различных частей речи? Как же требовать от детей, чтобы они верно определяли части речи, когда определения, даваемые нашими лучшими грамматиками, ещё так шатки, неопределённы и просто неверны?

Но надобно же, наконец, как-нибудь определить местоимение. Надобно же указать отличительный признак этой важной части речи, столь легко смешиваемой с другими.

Если бы мы писали систематическую грамматику, следующую за элементарным курсом, то прежде всего определили бы местоимение — *служебною частью речи, имеющей флексии*, и это определение обняло бы все местоимения, за исключением двух: *некто* и *нечто*; но и эти два местоимения не склоняются только потому, что находят себе замену в склонении слов *кто-то* и *что-то*; *кого-то, чего-то, кому-то, чему-то* и т. д., а может быть, также для избежания смешения в зву-

* Грамм. языка русского, стр. 110.

ках, с косвенными падежами местоимений: *никто* и *ничто*. Дав такой *внешний* характеристический признак местоимениям, мы потом занялись бы изложением их служебной роли в предложении, которая для различных местоимений различна, но имеет однако одну общую характеристическую черту, о которой мы скажем ниже. Если же мы в своей грамматике определили местоимения не так, как бы следовало их определить, а только провизуарно, то это потому, что нам пришлось говорить о них, когда дети не имеют ещё понятия о флексиях и не умеют ещё отделять служебных частей речи от знаменательных.

Наше определение *глагола* (п. 13) мы считаем не только более понятным для детей, чем обыкновенно употребляемое в грамматиках, но и *более* полным и точным. Под это определение подходят и так называемые страдательные глаголы, которые показывают не только состояние предмета, но и самое действие, приводящее предмет в это состояние. Кроме того, если мы определим глагол как слово, «выражающее действие или состояние предмета»*, то не отличим глаголов от прилагательных, также часто выражающих состояние предметов. В выражениях: *вода тепла, воздух холоден*, слова *тепла* и *холоден* также выражают состояние предмета, но не глаголы. *Внешний* же и более для детей наглядный признак глагола тот, что *глаголы спрягаются*. Вот почему и этот внешний признак мы внесли в определение.

Для определения *предлога* мы прибегли к картинке, к которой обыкновенно прибегают в английских грамматиках (п. 18). Но если мы определили предлог не как слово, «показывающее отношение одного предмета к другому», а как слово, показывающее отношение одного члена предложения к другому, то мы сделали это с той целью, чтобы ярче противопоставить предлог союзу, об определении которого будет сказано ниже.

---

* Опыт элем. грамм. Говорова, стр. 78, Грамм. Антонова, стр. 82, Грамм. Богородицкого, стр. 109, и проч.

Глагол мы, согласно с грамматиками, признаём главной частью речи и понимание его наиболее вводящим в понимание грамматики. Вот почему мы занялись сначала изменениями глаголов, а потом уже изменениями имён (п. 20). Это мы сделали тем охотнее, что с изменениями глагола по трём временам дети, учившиеся по «Родному слову», уже несколько знакомы.

Изменения глагола очень разнообразны, и если бы мы познакомили дитя разом со всеми этими изменениями, как это обыкновенно делается, то без меры затруднили бы маленького ученика множеством новых понятий и терминов, и он долго не мог бы усвоить их хорошо. Вот почему мы знакомим с изменениями глагола понемногу, укрепляя в памяти ученика каждое вновь приобретённое понятие множеством изустных и письменных упражнений, постепенно приучающих дитя к орфографии глагольных флексий.

Известно, что новые грамматики заподозрили самое существование времен*. Но это нововведение ещё не вошло в общее употребление, да едва ли и войдёт. Мы же считаем его только за слишком далёкое увлечение историческим взглядом на грамматику. Хотя бы история языка и доказала нам, напр., что наше прошедшее время, не имеющее личных окончаний, а имеющее окончания родовые, произошло от старинных причастий**, то это ещё не доказательство, что в русском языке нет прошедшего времени. Как бы оно ни произошло, но оно произошло и установилось, и всякий русский скажет вам, что *был* не то, что *буду*, и что *был* выражает прошедшее время, а *буду* — будущее. Если в церковно-славянском языке прошедшее время имеет свои особые личные окончания, то это ещё не налагает на русское прошедшее время непременной обязанности иметь их. Язык без времен невозможен, и во всяком языке есть все три времени, употребляет ли он для выражения их изменения окончаний или какой-нибудь

* Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 117.
** Ист. грам. Буслаева, ч. I, стр. 199.

другой способ, как, напр., вспомогательный глагол, взятый в настоящем времени и приложенный к причастию и проч.

Точно так же не уничтожает времён и то обстоятельство, что часто в русском языке глагол, взятый отдельно, выражает одно время, а по общему смыслу речи выражает другое. И в иностранных языках для живости выражения настоящее время нередко употребляется вместо прошедшего и будущего; но это не подавало никому повода утверждать, что в этих языках нет времён. Если же в русском языке эта замена времён чаще и разнообразнее, чем в других, то это объясняется основным отличительным характером русской речи, которая прежде всего старается произвести впечатление на чувство, а не на ум слушателя, и в этом характеристическом стремлении своём часто не обращает внимания ни на логику, ни на грамматику, сильно рассчитывая на сметливость слушателя*. Вместо того, чтобы уничтожать времена, гораздо проще будет указать, как это и делалось прежде, на факт замены времён, к чему сказка Пушкина очень скоро подаёт нам повод (п. 31).

Имея в виду в нашей первоначальной грамматике одно практическое ознакомление детей с разделением глаголов на *виды*, мы, конечно, не углубляемся в разъяснение причины явления замены одних времён другими, которая, впрочем, кажется нам довольно очевидной. Всякий глагол есть название понятия, взятого в *категории явления*, или, что все одно, *в категории воли* и *времени*, как это мы объясним ниже; но отношение явления ко времени выражается в русских глаголах не одним, а двумя способами. Один из этих способов обыкновенный и составляет необходимую принадлежность глагола на всех языках: явление представляется или совершающимся, совершившимся, или имеющим совер-

---

* В еврейском языке, по словам Гейгера, по крайней мере, в библейском тексте такая замена времён встречается беспрестанно; но и здесь мы замечаем тоже стремление живостью представления производить впечатление на чувство, а не на рассудок.

шиться. Но другой способ составляет принадлежность русского глагола, который самым своим составом выражает уже не прошедшее, настоящее или будущее время, но продолжённость, окончательность, быстроту, однократность или повторяемость явления,— выражает время, так сказать, не вне явления, а в пределах его самого. Во *временах* явление берётся в отношении других явлений; в *видах* явление берётся в отношении своего собственного начала, конца, повторяемости, перерывчатости, мгновенности. Весьма естественно, что глаголы, выражающие окончательность, мгновенность или однократность действия, не получили в языке настоящего времени. В этом случае духом русского языка руководило верное сознание, что всякое явление распадается собственно на две половины: прошедшую и будущую, и что мгновенное действие должно принадлежать в сознании к той или другой половине и не может быть уловлено в настоящем. Но, не дав настоящего времени целому разряду глаголов, русский язык тем не менее не хотел отказаться от той живописности, которую он так любит. Именно эта живописность, это желание действовать на воображение и чувство заставляет в рассказе представлять прошедшее время настоящим — и вот это же стремление побудило в глаголах, не имеющих настоящего времени, выражать прошедшее будущим, принимая его за настоящее и придавая такой оборот фразе, что смысл будущего времени совершенно невозможен, хотя форма его и остаётся. Выводить же из этой образности языка, что он вовсе не имеет форм для выражения времён, мы считаем крайне неосновательным: если бы не было форм для выражения времён, то их и выразить нельзя бы было, а тогда не мог бы существовать и самый язык, столько же *рассказывающий* явления, совершающиеся *во времени*, сколько и *описывающий* предметы, размещённые *в пространстве*.

Может быть, покажется странным, что мы разделили глаголы по будущему времени на имеющие будущее простое и имеющие будущее сложное (п. 21); но, во-первых, это нам было необходимо, чтобы дать ученику

возможность письменных упражнений в спряжениях и тогда, когда он ещё не имеет понятия о видах; а во-вторых, мы считаем эту черту самою характеристической чертой русских глаголов, которая очень легко вводит дитя в разделение глаголов на виды.

Знакомя со спряжениями глаголов в изъявительном наклонении, мы, естественно, должны были дать ученикам понятие о лицах, числах и родах (п. 22 и след.). Это, конечно, подаёт нам ближайший повод познакомить ученика с понятием числа и рода не только в глаголах, но и в именах.

В определении рода мы также позволили себе отступить несколько от определений общепринятых.

Мы говорим (п. 24), что «родов *два*: мужской и женский; если же слово не относится ни к тому, ни к другому роду, то говорят, что оно *среднего* рода». Такое понятие среднего рода кажется нам гораздо рациональнее, чем представление под средним родом какого-то гермафродита, — представление, зашедшее в грамматику во времена невежества. Нет сомнения, что в понятии *рода* в грамматическом смысле лежит в основании физиологическое понятие *пола*, а понятие пола, конечно, началось с самого человека и с тех одушевлённых предметов, в которых он заметил то же самое различие полов. Только уже потом человек в своём стремлении к олицетворению, столь сильном в первобытном состоянии, перенёс понятие разделения полов и на предметы неодушевлённые, — *но не на все*. Одни из вещей подвергались этому олицетворению, другие — нет, и эти-то последние остались *без пола*. Уже только впоследствии, когда процесс создания языка стал замедляться и прочно установившиеся привычки языка клонили под свой уровень всякие нововведения, имена предметов стали причисляться к мужскому или женскому полу, смотря по окончаниям, установившимся уже как отличительные признаки полов в предметах одушевлённых. Так и теперь в словах, которые мы продолжаем заимствовать из иностранных языков, уже окончание усвоенного слова, а не какое-либо свойство

самого предмета решает его *пол* в языке русском (*экватор, эклиптика, кафедра, пальто* и т. п.). Справедливость нашего воззрения на значение среднего рода как бесполого доказывается ещё и тем, что русский язык ставит прилагательное и глагол в среднем роде всякий раз, когда они ни к чему не относятся, или относятся к чему-нибудь неизвестному, или, наконец, прилагаются к таким словам, которые сами по себе рода не имеют, как, напр., при приставке прилагательного к глаголу или другому прилагательному. Мы не ввели бы этой небольшой отмены, которая в сущности и не уклоняет ученика далеко от общепринятого понятия о родах, если бы она не понадобилась нам впоследствии.

Мы отличаем род имён существительных (п. 24) не по окончаниям, что предоставляется сделать систематической грамматике, но по приложениям указательных местоимений: *этот, эта, это* — приём, употребляемый давно в учебной практике и который мы считаем достигающим той цели, какую мы предположили себе в нашем учебнике.

Чтобы доставить детям возможность орфографических упражнений в глагольных флексиях, мы выставляем два образца спряжений глаголов в изъявительном наклонении (п. 26 и 28); один — с будущим простым, другой — с будущим сложным.

Познакомив ученика с звательным словом, мы знакомим его с самым понятным для него *наклонением* — с наклонением повелительным, и немедленно же с другими наклонениями, ибо только из сравнения различных наклонений ученик может понять значение наклонения (п. 33 и след.).

Новые грамматики пытаются уничтожить не только времена, но и наклонения и притом на том же самом основании. Но если краткая форма глагола, употребляемая для повелительного наклонения, может по смыслу всей речи выражать условие и если неопределённое наклонение может иногда выражать повеление, то это вовсе ещё не значит, чтобы наклонений не было. Неопределённое наклонение, или *имя глагола*, может выра-

жать собой повеление как простое напоминание того, что должно делать. Вместо «ты должен сидеть» говорят «сидеть!», выражая этим отсутствие всякой мысли о неповиновении, которое требовало бы повеления. Слова же «*ты должен*» выпускаются именно для той же цели сильнейшего действия фразы на чувство. Точно так же повелительное наклонение может быть заменено даже не глаголом, а просто существительным; вместо «дай руку!», говорят просто «руку!», вместо «подыми ногу!» командуют просто: «ногу!». Но разве от этого выражения повеления одним существительным именем уничтожается различие между глаголом и существительным? Если же глагол в краткой форме, взятый отдельно (*отпусти, возьми* и проч.), выражает повеление, а поставленный в речь известного склада выражает условие, то это еще не значит, чтобы не было повелительного наклонения. Для того, чтобы повелительная форма выразила условие, нужно даже не одно, а два предложения. «Отпусти, старик, золотую рыбку, и она ушла бы в море» — отбросьте последнее предложение, и слово «отпусти» примет повелительное значение. Этот факт следует заявить детям, как мы и сделали (п. 35); но не следует уничтожать повелительного наклонения — этой древнейшей формы глагола, как показывает филология.

Мы не признаём повелительного наклонения в 1-м лице (п. 33), ибо идея приказа самому себе нелепа, да и русский язык не имеет особой формы для 1-го лица повелительного наклонения, а выражает приглашение к какому-нибудь совокупному действию вместе с приглашающим просто 1-м лицом множ. ч. буд. вр. Прямой приказ 3-му лицу также невозможен и потому весьма разумно выражается в русском языке особым сложным оборотом: «пусть он придёт», что первоначально значило: «не мешай ему придти», «пусти его придти», «не тронь, не рушь — придёт» — говорят ещё и теперь в некоторых местностях.

Самая краткая форма глагола *глядь, хвать* и т. д. (стр. 61), которую некоторые грамматики совершенно

несправедливо относят к междометиям *, обнаруживает, по нашему мнению, то же стремление русского языка сжатостью выражения действовать на чувство, для чего он не церемонится отбрасывать и слова, и окончания глаголов. «Ястреб хвать цыплёнка» выражает гораздо ярче быстроту действия, нежели: «ястреб быстро схватил цыплёнка».

В определении союзов грамматики выражаются не с надлежащей точностью. «Союз, говорит, напр., г. Говоров, есть неизменяемая частица речи, посредством которой мы связываем целые предложения и *части* предложений» **. Почему же не часть речи, а частица речи? Не потому ли, что коротка? Но есть союзы и довольно длинные. «*Союз связывает части предложений*» — это совершенно несправедливо: союз никогда не связывает подлежащего со сказуемым, сказуемого с дополнительным словом и т. д. Если союз *и* ставится иногда между подлежащим и сказуемым, то тогда он теряет значение союза, причём обыкновенно говорят, что он стоит для усиления, а не для связи. Кроме того, союз *не только связывает,* но и очень хорошо *показывает отношение* связываемых им мыслей; для этого-то и существует так много союзов. Для выражения же связи достаточно было бы одного союза *и*. «Союз, говорит г. Буслаев, показывает связь между предложениями» ***. Это определение уже ближе к делу, но не обнимает собой союзов, *выражающих отношение* между предложениями.

Неточность подобных определений, не дающих верного признака для отличия союза от других частей речи и не выражающих всего значения союза, заставила нас несколько иначе определить союз (стр. 63), а именно как такую «служебную часть речи, которая связывает мысли и предложения или соединяет члены *различных* предложений», и при этом прибавить, что «иногда союзы только связывают, а иногда показывают и отношение».

* Грамм. Антон., Грамм. Говорова и др.
** Опыт элемент. руков., стр. 111.
*** Истор. грамм., ч. 2-я, стр. 88.

Заметив же выше, что предлог показывает отношение *между членами одного и того же* предложения, мы тем самым совершенно отделили его от союза. В слитном предложении слиты различные предложения, различные мысли, и это слияние их обозначается или союзами, или знаками препинания.

Различение случаев, когда союз только связывает, от тех, когда союз показывает отношение между связываемыми мыслями, дало нам возможность вообще уяснить как постановку, так и опущение знаков препинания перед союзами (п. 40). Далее, при объяснении связи предложений (пп. 92 и 93), нам представится случай пополнить это провизуарное определение союзов, внеся в него и понятие союзов, обозначающих раздельность связываемых им мыслей — союзов *разделительных*.

При изложении понятия видов (п. 43) мы удовольствовались тремя: *совершенным, несовершенным* и *многократным*, так как этого достаточно для цели нашей первоначальной грамматики.

Глагол, как мы это яснее покажем ниже, выражает предмет в категории времени и категории причины, или, что все равно, выражает предмет как совершающийся или становящийся вследствие действия какой-либо причины, т. е. как *явление*. Отношение явления ко времени может быть *двоякое*: одно *внешнее* отношение явления по времени к другим явлениям или к нашему сознанию, и другое *внутренчее*, при котором время берётся *в границах самого явления*, выражаемого глаголом, причём в глаголе, самим его составом, может выражаться или продолженность явления, или его совершённость, мгновенность, перерывчатость, повторяемость. Первое, *внешнее*, отношение явления ко времени выражается *временами*: прошедшим, настоящим и будущим; второе, *внутренчее*, отношение явления ко времени выражается *видами*: совершенным, несовершенным, однократным, многократным, для чего самый глагол изменяется в составе своём, так что уже изменение по видам принадлежит не к *флексиям*, а к *словообразо-*

ванию, и глаголы различных видов *должны быть необходимо рассматриваемы как различные слова*, образовавшиеся от одного глагольного корня.

Само собой разумеется, что объяснение видов *как способов выражения времени в пределах самого явления, выражаемого глаголом*, слишком отвлечённо, чтобы могло быть сообщено детям того возраста, для которого назначается *первоначальная грамматика*. Но уже и в этот период учения преподаватель русского языка должен употреблять всё старание, чтобы практически ввести детей в обладание одним из замечательнейших преимуществ русского языка: приучить детей, сколь возможно вернее, различать и употреблять кстати глаголы различных видов. Для этой цели надобно заставлять детей при каждом разбираемом глаголе сказать его настоящее, прошедшее и будущее и, мало-помалу, приучать детей по всем временам различать глаголы различных видов, что нелегко. Не только дети, начинающие грамматику, но даже и ученики средних и высших классов, а иногда и сами наставники, очень часто смешивают при спряжении глаголы различных видов; так, напр., от глагола *даю* зачастую делают будущее *дам*; тогда как *даю* есть настоящее время от глагола *давать*, который только в старинных песнях сохранил в настоящем времени свою полную правильную форму — *даваю*; а слово *дам* есть будущее время от глагола *дать*.

Нельзя и надеяться, чтобы десятилетний ученик всегда безошибочно различал глаголы различных видов, но должно стараться достичь в этом отношении возможно большего результата. Нет надобности немедленно же вводить дитя во все тонкости видовых различий и в понимание *двоякого значения глаголов*, которые имеют и будущее простое, и будущее сложное и, следовательно, как бы разом принадлежат к двум видам, совершенному и несовершенному, как, напр., глаголы: *сходить, сносить, проходить, казнить* и друг. При встрече с такими глаголами следует однако, сколь возможно, уяснять примерами, что, напр., глагол *схо-*

дить имеет двоякий смысл: *движения сверху* (он сходит с горы) и *совершения действия* (он сходил на почту) и что в первом своём значении этот глагол имеет будущее сложное — *он будет сходить*, и соответствующий себе совершенный вид *сойти — сойдёт*; а во втором значении тот же глагол имеет будущее простое — *он сходит на почту*. Но прежде, конечно, следует убедить дитя, что два различные по значению слова могут быть совершенно сходны по звукам, как, напр., *му́ка, мука́*; *бе́лок, бело́к*; *замо́к, за́мок*, а часто не различаются и ударением, как, напр., в слове *замо́к*, которое может означать и прошедшее время от глагола *замокнуть*; или в словах *пол, уж, леса* и проч.

Мы ограничиваемся тремя видами, *несовершенным, совершенным* и *многократным*, ибо различие *подвидов* в этих видах ещё более тонко и вводит в заблуждение не только детей, но и самих грамматиков. Так, напр., г. Антонов говорит, что *неопределённые* глаголы несовершенного вида «не определяют действия в самом совершении его, а показывают просто *способность* к действию, *уменье* или *привычку*; напр., ходит, носит, водил, возил* и т. д., из чего дитя могло бы заключить, что в выражении, напр., *часовой ходит под окном*, слово *ходит* выражает не настоящее действие часового, а только его привычку ходить под окнами; а в выражении: *кучер возил в город письма* выражается способность кучера возить письма. Точно так же мы введём детей в ошибку, если скажем им, что глаголы, оканчивающиеся на *нуть*, выражают однократность действия, хотя бы даже сделали из этого правила исключение, какое делает г. Антонов для глаголов, означающих переходное состояние **. Встретившись с глаголом «*льнуть*», дитя не найдёт в нём никакого *переходного состояния*, хотя и найдёт настоящее время от этого глагола *(льну)*, и совершенно верно причислит его к глаголам несовершенного вида.

* Грамм. Антонова, стр. 89.
** Там же, стр. 90.

Вот почему, по крайней мере, для первоначальной грамматики, мы предполагаем оставить все эти тонкости в стороне и только, прибегая к различию глаголов по будущему времени, приучать различать глаголы совершенные от несовершенных. Многократный вид выскажется ясно сам собой. При отделении глаголов к *несовершенному* виду следует пользоваться только отрицательным признаком; ибо в этих глаголах не выражается прямо совершённость действия, хотя действие, ими выражаемое, может быть и окончено. Лучше бы назвать несовершенные глаголы глаголами *продолженного* вида; но этот термин, уже впрочем употребляемый некоторыми, ещё не вошёл в учебную практику, от которой мы хотим отступать наивозможно менее. Стоит впрочем только прочесть всё то, что написано в последнее время о *видах*, чтобы убедиться, как мало ещё это ученье созрело для того, чтобы во всей полноте и ясности быть передано детям.

Правило о постановке буквы ѣ перед спрягаемым окончанием глагола (п. 50) объяснено нами настолько, насколько может быть без особенного углубления в образование слов, недоступного ещё детям того возраста, для которого назначается наша грамматика.

За спряжениями глаголов у нас следует склонение имён и местоимений (п. 51 и след.). Склонять мы приучаем детей по вопросам, к которым они привыкли уже прежде, при многочисленных постройках распространённых предложений. Приём этот давно употребляется на практике и вообще с успехом. При этом замечается только затруднение в отличении *родительного* п. от *винительного* — в склонении имён одушевлённых предметов, и *именительного* от *винительного* — в склонении имён предметов неодушевлённых. Вот почему мы, вместо обыкновенных трёх склонений, определяемых окончаниями и родами слов, что предоставляется сделать систематической грамматике, различаем только склонения имён одушевлённых предметов и неодушевлённых, что на первый раз совершенно достаточно для русского ученика, верно склоняющего

уже по слуху, если только верно поставлен вопрос, которым вызывается тот или другой падеж. Для отличия же падежей, сходных по вопросу, мы даём практический приём, весьма достаточный для первого раза (п. 52).

К склонению прилагательных и местоимений мы приучаем также практически и главное здесь для нас орфография, так как изустному правильному склонению ни одно русское дитя не выучивается из грамматики.

Знакомство ученика с падежами даёт нам возможность познакомить его и со значением подлежащего (п. 58). Предмет речи в предложении, как мы уже заметили выше, есть общее правило, не имеющее исключений; ибо предложение, ни о чём не говорящее, не есть предложение: подлежащее же есть только частный случай, когда предмет речи стоит в *прямом* падеже и, по большей части, согласуется со сказуемым. Такие предложения мы и приняли называть *прямыми* в отличие от *косвенных*, в которых предмет речи стоит в косвенном падеже. Далее, когда представится повод, мы познакомим детей с остальными двумя видами предложения, а именно: с предложениями уже действительно *безличными*, когда лицо действующее, но не предмет речи, нарочно показывается неизвестным (напр., *его громом убило*, т. е. убило нечто неизвестное, а гром при этом был только орудием) и с предложениями *однословными*, каковы: *светает, холодеет* и.пр., когда предмет речи и сказуемое слиты в одном слове (стр. 88, 92). В этих последних предложениях предмет действующий представляется производящим не что либо другое, а самого себя. В такой форме выразил русский человек поразившее его беспричинное, повидимому, появление холода и тепла, света и тьмы. Вот почему предмет действующий здесь сам спрягается и означает собственное своё появление.

Значение междометий (п. 59) яснее и определённее, чем других частей речи. Это бедные и уже извращённые остатки того чувственного языка, который был когда-то единственным языком человека, как остался теперь единственным языком животных.

Междометий нельзя причислить к частям речи незнаменательным, потому что они очень знаменательны,— и в ином крике, в ином восклицании человека выражается так много, что и словами сказать трудно. Но междометия не следует причислять к *словам:* ибо каждое знаменательное слово представляет собой какое-нибудь *понятие*, а междометие выражает желание или чувство: не разъясняет их в понятиях, выраженных словами, но выражает одним криком, одним звуком или бессмысленным сочетанием нескольких — сочетанием, в основе которого лежит невольный голосовой рефлекс, связанный уже самой природой с тем или другим душевным движением — испуга, радости, изумления, желания, быстрого поворота мыслей, душевного стремления к приложению силы и т. п. В междометии нет мысли: в нём есть только *чувство* или *желание**. Это присутствие одного только чувства и отсутствие мысли и составляет отличительный признак *чистого* междометия, так что к междометиям следовало бы собственно относить только такое сочетание звуков, выражающих чувства и желания, которое, помимо этого невольного выражения, не имеет никакого смысла: каковы: *ах! ох! ей! ба!* и т. п. Совершенно последовательно по аналогии отнести также к междометиям записанные в буквах звуки, издаваемые животными или даже неодушевлёнными предметами. Но не так легко решить принадлежность к междометиям таких восклицаний, каковы: *ну! на! вот! спасибо!* и др. Восклицание *ну!*, которое мы употребляем для вызывания усилия в других людях и животных, есть несомненный голосовой рефлекс, который и теперь невольно вырывается, когда человек внезапно вызывает в самом себе большое усиление для поднятия тяжести и т. п. Оно слышится в глаголе: тянуть, тяну! Неудивительно потому, что оно образовалось в междометие понукания.

---

* Если в учебнике мы все же назвали междометие словом, то именно потому, что детям этого возраста нельзя ещё сообщить точного значения слова, как условного знака понятия.

Сомнительней уже отнести к междометиям слова, подобные *на* и *вот*. Восклицание *на*, относимое обыкновенно также к междометиям, едва ли может быть к ним отнесено. Оно имеет такой же положительный смысл, как и *дай*, и есть, кажется, повелительное наклонение какого-то затерянного глагола того же корня, который слышится в глаголах *внять, понять*, в существительном *понятие* и др. В слове *вот* слито междометие *во* (во-как!) с указательным местоимением *то* или *се* (во-се!). Но это слово весьма часто *союз* и в смысле союза оно употреблено и в разбираемой нами сказке Пушкина; так что, собственно говоря, мы некстати заговорили в этом месте о междометиях, но нам хотелось уже покончить с частями речи, а другого междометия сказка Пушкина нам не представила. Уже совершенно несправедливо отнести к междометиям такие полные смысла слова, как *спасибо, исполать* *, *о, горе!* **. Уже одно то, что *спасибо* слово склоняемое (Мужик за спасибо в Москву сходил да пол-спасиба домой принёс), должно было, кажется, удержать от помещения его в число междометий. По поводу этих слов скорее можно заметить, что и другие части речи могут быть употребляемы как междометия, если мы хотим выразить, что они вырвались невольно, как выражение чувства, а не как выражение мысли. К таким же междометиям можно отнести и присловья, употребляемые многими без всякого смысла, невольно, неудержимо, по привычке, следовательно, как невольные рефлексы, хотя эти рефлексы уже установились привычкой, а не природой ***.

Далее (п. 60) мы делаем замечание, которое тоже может подать повод к недоразумениям. Мы говорим, что «прилагательное само по себе не имеет рода, а принимает род того существительного, к которому приставлено». Но разве это не так? Для нас же это

---

* Поливанов, стр. 114.
** Ист. гр. Буслаева, ч. 2-я, стр. 44.
*** Педаг. антр., т. I, гл. XIII.

положение важно потому, что из него выходит, что если прилагательные приложены к таким словам, которые рода не имеют, то и сами принимают *безродное* окончание, т. е. окончание, так называемого, среднего рода.

Теперь нам остаётся только определить *наречия* (п. 63), которые мы с намерением оставляли под конец, ибо они могут быть поняты только при сравнении со всеми остальными частями речи.

Из всех частей речи *наречие* остаётся самым неопределённым в наших грамматиках.

«Наречие, говорит г. Говоров, есть неизменяемая часть речи, которая определяет различные обстоятельства действия и состояния предмета или обстоятельства качества его» *. Это определение, во-первых, неверно, ибо, определив наречие неизменяемой частью речи, г. Говоров на следующей же странице выставляет главу: «об изменении наречий по степеням сравнения»; а во-вторых, употребляет выражения, которых нет возможности объяснить ни детям, ни взрослым. Что такое «обстоятельство состояния предмета»? — Что такое «обстоятельство качества»? Следует потрудиться прежде объяснить это взрослым, а потом уже объяснить детям и не требовать, чтобы дети понимали то, что и для взрослых непостижимо.

«Наречие, говорит г. Антонов, есть слово, которое стоит при глаголе для показания обстоятельства действия, а также при имени прилагательном, для выражения степени качества **. В этом определении наречие также определяется не по собственному значению, как другие знаменательные части речи, а по своей роли в предложении.

Такое же определение наречия с небольшими отличиями даётся и всеми другими грамматиками. Но определять часть речи ролью слова в предложении можно только для слов *служебных*, а *не знаменательных*,

---

* Оп. элем. руководства, курс 1-й и 2-й, стр. 101.
** Русская грамм., младш. курс., изд. 2-е, стр. 108.

какими являются наречия. Тогда и прилагательное надобно определять тем, что оно бывает определительным словом, существительное тем, что оно бывает подлежащим, а глагол тем, что он бывает сказуемым, и все эти определения будут одинаково ложны. Как существительное бывает не только подлежащим, но и сказуемым, и дополнением, и определением; как глагол бывает не только сказуемым, но и подлежащим и дополнением, — точно так же и наречие бывает не только обстоятельственным словом, но и подлежащим, и сказуемым, и определительным словом *. Неужели же наречие, являясь, напр., сказуемым, перестаёт быть наречием? Конечно, нет, а должно перестать, если оно определяется не по собственному значению, а по своей роли в предложении и если этимологическое определение слова берётся из синтаксиса. Кроме того, не одни же наречия бывают обстоятельственными словами; так, напр., в предложении: *гвоздь вколачивают молотком* — слово *молотком* показывает обстоятельство действия, а между прочим не наречие. Степень же качества прилагательных выражается не одной приставкой наречия, но и изменением окончания. Следовательно, это вовсе не определение, а только *описание одного из частных случаев употребления наречий*, и притом такого употребления, которое нисколько не отличает наречий от других частей речи.

«При глаголе и прилагательном, говорит г. Поливанов, *может* (?) *стоять* обстоятельственное слово, выраженное частью речи *неизменяемою*. Такая часть речи называется наречием» **. Но вслед за тем г. Поливанов говорит об изменениях наречий по степеням сравнения и, без сомнения, хорошо знает, что наречие, по крайней мере, в том виде, как он сам его прини-

* Мы употребляем эти термины в том же смысле, в каком употребляет их грамматика, хотя, как мы выразились выше, мы не признаем логичности этих терминов и самого этого подразделения второстепенных частей предложения, что постараемся развить подробнее в особой статье.

** Учебник этимологии, стр. 106.

мает, может быть сказуемым. *(Эта гора далеко, а тот город близко)*. Следовательно, г. Поливанов определяет наречия, с одной стороны, неизменяемостью, а с другой тем, что они бывают обстоятельственными словами: и оба эти признака оказываются неверными. Какое же это определение? Кроме того, г. Поливанов говорит, что наречие бывает обстоятельственным словом при прилагательном: но разве можно назвать обстоятельственным словом наречие *очень*, напр., в выражении: *очень тёплая комната?* Здесь слово *очень* выражает степень, но никак не обстоятельство, да и понятие «обстоятельство качества» есть понятие *логически невозможное*.

Г. Богородицкий в своём перечислении частей речи помещает и наречия* и даже несколько выше определяет их «как части речи знаменательные, именующие *точно и определённо обстоятельства* действия»**; а внизу, в примечании к этому определению, говорит: «Мы не допускаем наречия как особенной части речи, которая бы выражалась особой формою в языке. Наречие *как часть речи знаменательная* (?) имеет значение синтаксическое, но никак не этимологическое. Более подробно слово о наречии мы относим к статье «*Словоизменение*». — Статьи этой мы не находим в книге г. Богородицкого, а потому и не знаем, что́ он говорит в ней; но не думаем, чтобы в какой бы то ни было статье он мог оправдать те видимые противоречия, в которые впадает по поводу наречий. Выкинув наречия из частей речи, что́ же он с ними сделает и куда их поместит? «Наречия именуют *точно* и *определённо* (курсив в подлиннике) *обстоятельства* действия»; — но разве в предложении: *некогда я его видел, но когда — не помню*, слово *некогда* показывает обстоятельство действия *точно* и *определённо*, или это не наречие? «Наречие, как часть речи знаменательная, говорит г. Богородицкий, имеет значение синтаксиче-

---

* Грам. яз русского, стр. 111.
** Там же, стр. 109.

ское, но никак не этимологическое». Здесь уже такая путаница, что мы и распутать её не берёмся. Разве все знаменательные части речи имеют значение только синтаксическое?

«Наречия, говорит г. Буслаев в своей «Исторической грамматике», суть слова производные или сложные*. Но это, конечно, не определение: производных и сложных слов и кроме наречий очень много. «Наречия, говорит г. Буслаев в своем *Учебнике русского языка*, суть слова производные или сложные, за исключением весьма немногих, означенных ниже»**. Извольте по такому признаку научить детей узнавать и определять наречия.

Но всего интереснее, что те же самые злокачественные наречия заставляют г. Буслаева говорить такие вещи, которые, без сомнения, поразят своей нелогичностью самого же г. Буслаева, если он обратит на них внимание. Так, в одном месте своего «Учебника грамматики» г. Буслаев говорит: «*флексиями называются изменения по склонениям и спряжениям*»***, а на следующей же странице сказано: «*части речи неизменяемые, за исключением наречий, флексий иметь не могут*». Что же следует вывести из этого? По самой снисходительной логике в этой одной мысли г. Буслаева соединены три противоречия: 1) Наречие есть часть речи неизменяемая. 2) Наречия имеют флексии. 3) Неизменяемыми частями речи называются те, которые не имеют флексий. Вот до чего доводят наречия наших авторитетнейших грамматиков!

Оставив на время наречия в стороне, мы спросим наших читателей: возможно ли при таком состоянии самых основных грамматических понятий и определений составить вполне педагогически первоначальное руководство к изучению русской грамматики и в то же время не сделать в ней никаких нововведений, а придерживаться какого-нибудь из более употребительных

* Ист. грамм., ч. I, стр. 150.

** Учеб. русск. грамм., Буслаева, стр. 133.

*** Там же стр. 39, § 27.

руководств? Мы считаем эту проблему совершенно неразрешимою. И только эта крайность могла заставить нас сделать некоторые нововведения в учебнике.

Но как же быть с наречиями? Надобно же их определить хотя сколько-нибудь удовлетворительно; надобно же приучить детей отличать наречия от других частей речи.

В нашей первоначальной и практической грамматике мы даём, как нам кажется, очень доступное для детей определение наречий и относительно вернее прочих: а именно, мы определяем наречия как слова знаменательные и в то же время неизменяемые, считая этот признак не только самым верным, но и самым наглядным для детей (п. 63). Но чтобы выдержать это определение, мы должны были сделать несколько *нововведений*, за которые, без сомнения, обрушатся на нас многие присяжные грамматики. Для успокоения их мы можем им сказать, что наше определение, достигающее вполне той цели, которую мы себе избрали в нашей первоначальной грамматике, нисколько не мешает будущим преподавателям систематической грамматики изменить его, как им будет угодно, тем более, что мы сами указываем ученику на существование других определений.

Чтобы сделать наше, как нам казалось, единственно возможное определение наречия верным, мы вынуждены были: 1) уничтожить понятие среднего рода как чего-то самостоятельного; 2) выключить из наречий так называемые наречия качества и 3) причислить к наречиям так называемые сравнительные степени прилагательных.

Первое нововведение мы уже старались оправдать в своём месте*; а теперь нам остаётся только доказать справедливость двух остальных.

Так называемые наречия качества, сделанные из прилагательных (хорошо, звонко и проч.), мы признаём за прилагательные в усечённой форме и с безродным

* См. выше, стр. 283.

окончанием или, что все равно, с окончанием среднего рода (п. 72). Мы не можем понять, почему слово *хорошо*, будучи прилагательным в предложении — *это дело хорошо*, станет вдруг, не изменившись нимало, наречием в предложении: *это сделано хорошо*. Мы уже выше показали всю невозможность определения наречий, как и других знаменательных частей речи, их синтаксической ролью в предложении; а если это невозможно, потому что противоречит фактам и не логично, то точно так же *не логично принимать, что слово может перескакивать из одной части речи в другую при перемене своей роли в предложении*. Для служебных частей речи, которые и определяются своей ролью в предложении, это было бы ещё понятно; но для знаменательных — бессмыслица. Если же, употребляя прилагательное имя, местоимение или, причастие для связи предложений, мы, тем не менее, называем эти слова *прилагательными, местоимениями и причастиями в роли союзов*, как это делает всякая грамматика, *а не союзами*; то почему же для одного наречия делается исключение и его называют то прилагательным, то наречием, смотря по месту, которое оно занимает в предложении? Это крайне не логично — так же не логично, как называть одно и то же животное то птицей, то рыбой, смотря по шкафу, в который поставлено его чучело. Если же прилагательное в усечённой форме, будучи приставлено к глаголу, другому прилагательному или стоя в предложении подлежащим или сказуемым, принимает окончание среднего рода, или, по-нашему, безродное окончание, — то это потому, что оно не может принять никакого другого окончания, *кроме безродного*, так как оно прилагается к словам, рода не имеющим.

Правда, что прилагательные качественные, будучи приложены к глаголу или к другому прилагательному, не выражают в своём окончании не только рода, но и числа (*эти дела сделаны хорошо; сильно действующие средства* и т. п.), хотя в окончаниях глаголов или прилагательных число выражено, но гораздо лучше

просто указать на эту особенность в согласовании прилагательных, как мы указываем, напр., на ту особенность, что подлежащее не всегда согласуется со сказуемым, чем вследствие одной этой черты переносить прилагательное в наречие и делать из наречий такую безобразную часть речи, которая не поддаётся никаким определениям.

Что касается до признания сравнительных степеней только за наречия (п. 73) (тогда как грамматика признаёт их то за наречия, то за прилагательные), то и для этого, как нам кажется, мы имеем также совершенно достаточные основания. Слова *добрее*, *сильнее* и пр. ни по чему не могут быть признаны прилагательными. *Во-первых*, эти слова не изменяются ни по родам, ни по числам, ни по падежам, тогда как прилагательное причисляется к частям речи изменяемым. *Во-вторых*, — эти слова вовсе и не прилагаются к существительным: в предложении — *слон выше верблюда* слово *выше* не прилагается ни к слону, ни к верблюду, а стоит сказуемым и показывает отношение по величине между слоном и верблюдом. *В-третьих*, для показания степени качества в прилагательных без прекращения их прилагательного значения русский язык избирает совсем другой способ: *малый, меньший, самый малый, малейший*; *слабый, слабоватый, слабейший, самый слабый*; *трусливый, трусоватый, трусливейший* и т. д. Но слова *меньший*, *слабейший*, имея флексии, как и сравнительные степени в церковно-славянском языке, действительно прилагаются к именам, согласуясь с ними в роде, числе и падеже, и не имеют ничего общего по этимологии (а только по *словопроизводству*) со словами слабее, менее и т. д., которые не имеют флексий и не прилагаются к именам. Наконец, *в-четвёртых*, страннее всего то, что одна и та же грамматика как раз одно и то же слово относит к разным частям речи: то скажет — *силён, сильнее* и находит, что сильнее будет прилагательное; то скажет — сильно, сильнее и находит, что сильнее будет наречие. Правда, грамматика оправды-

вает это тем, что во втором случае слово *сильнее* стало обстоятельственным словом; но тогда, почему же существительное, став обстоятельственным словом, остаётся существительным, а не становится наречием? *В-пятых*, слова *трусливейший, слабейший* вовсе не относятся к словам *трусливее, слабее*, как степень сравнительная к превосходной. Говоря: *трусливейший из двух, слабейший из детей*, мы выражаем только сравнительную, а не превосходную степень. Слова же *слабее, сильнее* играют совсем другую роль: они не показывают степени качества, а только сравнивают. Поставить рядом слова *сильный, сильнее, сильнейший*, как выражение *различных степеней качества*, значит смешать разнородные понятия.

Вот те основания, по которым мы решились не считать слов *сильнее, слабее* и проч. то прилагательными, то наречиями, как это делается в других грамматиках, а причислить все эти неизменяемые слова, выражающие сравнение, к наречиям *.

Впрочем, имея в виду практическое значение нашего учебника, мы знакомим учащихся, насколько это возможно в первоначальной грамматике, не входящей в разбор различных видов *объяснительных* слов, и с тем воззрением, которое принимает средний род прилагательных в усечённой форме иногда за прилагательное, а иногда за качественное наречие, а наречие, выражающее сравнение, то за прилагательное, то за наречие. Конечно, двоякое объяснение есть дидактическая трудность; но скорее можно преодолеть какую угодно трудность, чем объяснить смысл того, в чём нет смысла.

---

* Г. Буслаев в одном месте своей «Исторической грамматики» говорит, что это «прилагательные, употребляемые в смысле наречий» (ч. I, стр. 45); но почему считает их прилагательными — не объясняет. Не объясняет и того, почему существительное, будучи обстоятельственным словом, остаётся существительным, а прилагательное, попав в обстоятельственные слова, становится наречием, — не объясняет и того, за что считать эти сравнительные слова, когда они являются сказуемыми; ибо сказуемым может быть как наречие, так и прилагательное.

Принимая в расчёт всё важное значение классификации слов по частям речи и что эта классификация есть один из главных *научных* результатов, которых предполагает себе достигнуть наша первоначальная грамматика, мы позволим себе теперь собрать наши отдельные заметки относительно размещения слов по частям речи в одну, по возможности, стройную систему. Мы делаем это, конечно, не для учеников, но для преподавателей, с той целью, чтобы дать последним возможность вести первых к чему-нибудь определённому. Скажут, может быть, что эти рассуждения о разделении и значении частей речи не нужны для преподавателей, хорошо знакомых с грамматикой и имеющих в ней свои твёрдые убеждения. Но, разбирая и сравнивая или употребительнейшие, или лучшие наши грамматические учебники, мы видим, что таких твёрдых грамматических убеждений может не быть у весьма многих преподавателей грамматики. Кроме того, мы назначаем нашу книгу не для одних совершенно уже установившихся преподавателей: назначаем её также, и главным образом, для домашнего подготовления к средним учебным заведениям, которое ведётся домашними наставниками или самими родителями. Если же классификация частей речи и выходящие из неё определения их, и все трудности этой классификации и этих определений не ясны в голове преподающего, то эта неясность непременно отразится и в голове учащихся. Конечно, можно приучить детей классифицировать слова по какой-нибудь искусственной схеме, не выдерживающей углубления в себя; но это будет только *дрессировка*, в которой ученик приучается давать ответы, удовлетворяющие учителя, но не рассудок. Нельзя, конечно, десятилетнему ребенку объяснять грамматические понятия во всей их глубине и часто приходится довольствоваться поверхностным объяснением; но это объяснение не должно заключать в себе чего-нибудь нелогического или противоречащего истине, так чтобы ученик мог мало-помалу углубляться в него; а для этого преподаватель и первоначальной грамма-

тики должен *вполне* понимать то, что не вполне, а только отчасти объясняет детям. Вот почему мы считаем и здесь необходимым дать прочное логическое основание классификации слов по частям речи.

Всякая классификация делается на основании каких-нибудь существенных признаков, извлекаемых наблюдением из классифицируемых предметов или явлений, и потому прежде всего следует определить точнее те признаки, по которым слова, употребляемые в языке, классифицируются в части речи. Эти признаки суть следующие: 1) *знаменательность* или *служебность слова*, 2) его *изменяемость* или *неизменяемость* по флексиям и 3) *самостоятельное значение* слов знаменательных и *служебное значение* слов служебных. Понятно, само собой, что слов служебных, т. е. не имеющих самостоятельного значения, нельзя классифицировать иначе, как по служебной роли в предложении; следовательно, это уже не будет чисто *этимологическая* классификация, какова она должна быть для слов знаменательных. Вот почему также в первоначальной грамматике разделению и определению частей речи должно необходимо предшествовать знакомство с составом предложения.

По принципу *знаменательности* и *служебности* все слова, употребляемые в речи, разделяются на *знаменательные* и *служебные*: *первые*, и будучи взяты отдельно, выражают какое-нибудь *понятие*; *вторые* имеют значение только в предложении — служат для комбинации знаменательных слов в предложении и предложений в речи там, где этого нельзя сделать отдельными флексиями знаменательных слов. К *знаменательным* словам причисляют обыкновенно *имена* (всех трёх видов), *глаголы, причастия; деепричастия, наречия и междометия;* а к служебным: *местоимения, союзы и предлоги.*

Однакоже легко убедиться, что знаменательность частей речи не одинакова. Имена, глаголы и наречия всегда знаменуют какое-нибудь понятие, так что каждое слово является только *условным звуковым знаком*

понятия и не имеет ничего общего по звуку с изображаемым им понятием, за исключением небольшого числа слов звукоподражательных, родственных с междометием. Междометие же не есть условный знак и не выражает собою *понятия,* а *чувство* или *желание*; не понятие о чувстве или желании, но самое чувство или желание, как бледность и дрожь выражают испуг, как слезы и стон выражают страдание; словом — это *невольные голосовые рефлексы чувства* и *желания.* В чистоте своей междометие есть не что иное, как невольное восклицание, вырываемое у нас насильственно каким-нибудь сильным душевным движением: *чувством* или *желанием,* от этого и все действительные междометия можно разделить на междометия, выражающие чувства (радость, горе, страх, удивление, любовь и пр.), и междометия, выражающие желания. Если к междометиям относят выражение в буквах каких-нибудь звуков неодушевлённой природы (крах! бац! и проч.) или криков животных, то это только на том отрицательном основании, что звуки эти не представляют собой никакого понятия, а остаются звуками. Но так как всякое знаменательное слово есть именно условный знак понятия, то междометие нельзя и назвать *словом.* Вот почему оно и в грамматике должно стоять особняком и, строго говоря, не может входить в классификацию *слов.* Кроме того, к междометиям случайно может быть отнесено всякое слово, хотя и представляющее собой понятие, если мы о нём подумаем, но в данный момент речи вырывающееся невольно, как невольный звук чувства или желания, а не как условный и потому свободный знак какого-нибудь понятия. Положим, что кто-нибудь приобрёл привычку употреблять какое-нибудь слово, как это часто и бывает, без всякого смысла, всякий раз, как он затрудняется в разговоре; тогда это слово перестаёт быть словом и делается *невольным* восклицанием затруднения, т. е. делается в этом случае междометием. По тому же самому и *слова,* выражающие собой условное понятие о каком-нибудь чувстве или желании, например: *горе,*

радость, счастье, беда, спасибо и т. п., могут быть нами употреблены как междометия, т. е. как невольно вырывающиеся восклицания; но от этого они не становятся междометиями, как это допускают иные грамматики. Никакое слово, употребляемое как символ понятия, не может быть настоящим междометием.

Этим же объясняется и постановка знаков препинания, требуемых междометиями. Если, например, мы хотим придать имени, глаголу или местоимению характер невольного восклицания, то мы ставим при них междометие и не отделяем его запятою (о горе!). Если, наоборот, мы хотим выставить междометие само как восклицание, то мы ставим после него запятую или восклицательный знак, ибо тогда это целое предложение; такими предложениями, по всей вероятности, начался язык человечества; такими предложениями начинается язык каждого ребёнка; такими же предложениями, наконец, выражают животные свои чувства и желания.

Поставив, таким образом, междометие особняком в грамматике, мы займёмся теперь классификацией *слов*, к числу которых междометие не принадлежит.

По принципу *изменяемости* слова разделяются прежде всего на *изменяемые* и *неизменяемые*, разумея здесь изменения по флексиям, а не по законам словообразования и словопроизводства, т. е. разумея только те изменения, которым подвергаются слова, уже образовавшиеся в данный период языка, для составления предложений и речи. К таким изменениям принадлежат изменения по родам, числам, падежам, временам и наклонениям. Изменения же по залогам, видам, степеням сравнения и образование причастий и деепричастий мы относим к словопроизводству; ибо во всех этих случаях появляется новое слово с новыми признаками. Изменение по флексиям соответствует во внешней природе физическим изменениям тела; словообразование же и словопроизводство соответствуют химическому изменению, вследствие которого всегда является новое тело. Установившимися флекси-

ями мы пользуемся беспрестанно: новые же слова появляются только изредка и всякий раз требуют народного признания своего гражданства между другими, уже готовыми словами языка.

К *изменяемым* частям речи, как известно, относятся: имена, глаголы, причастия, деепричастия и местоимения; к *неизменяемым*: наречия, союзы и предлоги.

Но для того, чтобы наречия были действительно неизменяемыми словами, из них следует выключить, как это и сделано нами, качественные прилагательные в среднем роде: а для того, чтобы прилагательное было действительно изменяемым словом, следует из него выключить так называемые усечённые степени сравнения, которые отойдут к наречиям.

При этом разделении мы видим, что части речи *знаменательные* и *изменяемые*, с одной стороны, и части речи *служебные* и *неизменяемые*, с другой, не совершенно между собою совпадают. Этому совпадению мешают *наречия* и *местоимения*. Если бы не местоимения и не наречия, то части речи *изменяемые* были бы в то же время *знаменательными*, а части речи *служебные* — *неизменяемыми*. Но наречие в одно и то же время является словом *знаменательным* и *неизменяемым*, а местоимение — словом *служебным* и *изменяемым*. Эта характеристическая черта наречий и местоимений и должна, как мы думаем, служить им характеристической чертою в определении. Но тогда как местоимение имеет еще кроме того и другую характеристическую черту, наречия остаются покудова при одной этой, формальной, внешней отличительной черте, т. е. должны быть определены только как слова знаменательные, но неизменяемые; общий же их характер по значению ещё до сих пор не уловлен, да едва ли и может быть уловлен по их необычайному разнообразию, в котором они напоминают решительно все части речи, что объясняется самым происхождением наречий.

Почти все наречия, как известно, суть слова производные и происходят от слов других частей речи.

Происхождение их объясняется тем, что какое-нибудь изменяемое слово так часто употребляется в одной и той же форме и притом, по большей части, в сопровождении какого-нибудь другого слова, изменяемого или неизменяемого, служебного или знаменательного, что из этих двух слов образуется третье, которое от частого употребления закаменевает в этой новой форме. Макс Мюллер совершенно справедливо замечает, что это окаменение слов и целых выражений в *наречия* и *речения* есть признак языка, уже останавливающегося в своём развитии, и что, чем долее живёт язык, тем более в нём этих закаменелых слов и выражений. Это, если можно так выразиться, установившиеся *привычки* языка, и чем более живёт язык, тем более накопляется в нём таких затверделых привычек, как и в жизни человека, свободное развитие и движение которого отливается под старость в одну, часто окаменелую форму целой системы привычек. Мы можем и теперь следить, как даже в наше время продолжают образовываться новые наречия. Они образуются чаще всего из предлогов, сливающихся с каким-нибудь существительным или прилагательным, взятым в косвенном падеже. Вот почему и самое правописание наречий никогда вполне не устанавливается; одни, напр., пишут in folio, другие in-folio, третьи infolio; одни пишут *по пустому*, другие *по-пустому*, третьи *попустому*, и все трое правы, но глядят на одно слово с различных точек зрения: одни видят в нём ещё предлог и прилагательное; другие — уже наречие, но ещё в периоде своего образования; третьи — наречие, уже окончательно образовавшееся. Из этого уже само собой объясняется, что наречия могут иметь самые разнообразные значения, напоминающие то имя существительное, то имя прилагательное, то глагол, то местоимение, то предлог и т. д., а потому, хотя остаются словами знаменательными, но не могут быть классифицируемы по своему значению, так что остаётся их классифицировать только по двум признакам: *знаменательности* и *неизменяемости*. Мы говорим здесь, конечно, о классификации этимологической; неоснова-

тельность же привлечения синтаксиса в дело классификации знаменательных слов мы показали выше.

При таком определении наречий могут вызвать некоторое сомнение те наречия, которые г. Буслаев назвал *наречиями местоименными* и которые он относит то к наречиям, то к местоимениям, каковы: *там, тогда, здесь, некогда* и т. п., а также и те наречия, которые получают часто значение предлогов и имеют управление, подобное управлению предлогов, каковы: *вокруг, около, подле, вверху, внизу* и т. д.

Но что касается до наречий, напоминающих собой местоимения, то ясно, что это напоминание только отдалённое и что, напр., наречие *тогда* есть всё же знаменательное, а не служебное слово, как местоимение, ибо даёт нам понятие о времени (*тогда* — в то время), точно так же как наречие *здесь* (*здесь* — в этом месте) даёт нам понятие о месте и т. д. Правда, это понятия очень неопределённые и могут быть приложены ко всякому месту и всякому периоду времени: но всё же это понятия о *месте* и *времени*, чего мы вовсе не видим в местоимениях, которые, будучи взяты отдельно, не напоминают нам никакого мыслимого предмета, хотя могут указывать на бесконечное множество их.

Наречия, имеющие предложное управление, однакоже совершенно отличаются от предлогов тем, что после себя не требуют непременно управляемого слова, тогда как для предлога это неизбежно. *Я хожу вокруг* — можно сказать; *я сижу вверху* — также; но нельзя сказать: *я стою у*, *лежу на* и т. п. Это же происходит именно оттого, что слова: *вокруг, подле, вверху, внизу* имеют самостоятельное значение, тогда как слова: *в*, *под*, *над*, *у* — такого значения не имеют.

При наречиях следовало бы упоминать и о тех выражениях, которые хотя и состоят из слов, не потерявших способности изменяться по флексиям, но сами отлились от частого употребления в одну неизменную форму. Такие неизменно установившиеся выражения можно было бы назвать *речениями* и уже не пытаться разбирать их, что часто без крайней натяжки и невоз-

можно. Так, напр , как разобрать синтаксически выражение: «*на чем свет стоит* мужа ругает»?

Что касается *местоимений,* то они прежде всего также могут быть определены как слова *служебные, но изменяемые,* — и это изменение не есть явление случайное, но необходимо местоимениям по их служебной роли в предложении, как это мы покажем ниже, при определении частей речи служебных.

Части речи *знаменательные,* за исключением наречий, выделяемых только по форме, подразделяются уже по особенностям своего самостоятельного значения, а не по форме, как наречия, и не по своей служебной роли в предложении, как местоимения.

Наречия, не определяясь по своему значению, могут однако удобно подразделяться на *наречия времени, места, степени качеств, числа, образа действия, наречия сравнения* и проч. Мы не входим здесь в подробности этих подразделений, ибо они составляют предмет более подробного курса грамматики.

Изменяемые слова прежде всего делятся на *имена* и *глаголы,* и это деление имеет своё глубокое психологическое основание.

Всё, что из внешней для нас природы подлежит нашему сознанию, отражается в нём непременно в двух категориях: в категории *пространства* и в категории *времени.* Предмет сознания, взятый в категории пространства, как существующий без отношения ко времени, выражается в языке именем и в тесном смысле именем существительным. Тот же самый предмет, но взятый в категории времени, т. е. когда мы думаем о нём, как о чём-то совершающемся, принимается нами как *явление** и выражается глаголом. Всякий предмет нашего сознания может быть отражаем то в первой, то во второй категории, может быть понимаем нами или как *предмет,* в условиях пространства, или как *явление,* в условиях времени. Предмет в условиях

---

* Педаг. антр., т. I, гл. XXXIV.

места непременно состоит в местных отношениях к другим таким же предметам. Это *местное* отношение выражается в языке или предлогами, или склоняемыми окончаниями, которые, по всей вероятности, в своём историческом происхождении имеют много родственного с предлогами. Тот же самый предмет, но взятый уже в категории времени, как явление, находится уже *во временных* отношениях к другим явлениям или к нашему сознанию, и такое отражение предметов в нашем сознании выражается уже не именем, а глаголом, способным выражать временные отношения явлений между собой и к самому сознанию.

Таково первоначальное происхождение имён и глаголов в языке, и, кажется, вопрос о том, что произошло прежде, имена или глаголы, есть вопрос неосновательный. Может быть, в первобытном языке были такие слова, которые столько же были именами, сколько и глаголами. Впоследствии времени это разделение имён и глаголов было перенесено и на отвлечённые понятия, ибо отвлечённые понятия, как это несомненно доказывает филология, имеют гораздо позднейшее происхождение и самые названия этих понятий взяты уже из названий предметов чувственных. Вот почему и самые отвлеченные понятия о добре, зле, красоте и т. д. уже по аналогии с предметами чувственными отражаются в нашем сознании тоже в двух категориях: или в категории места как предметы и выражаются именами, или в категории времени как явления и выражаются глаголами.

Кроме того, человек не только наблюдает явления, совершающиеся в природе, но и сам совершает их, так что его воля является причиной множества перемен в предметах или множества явлений. Вот почему глагол не только получает возможность выражать различные отношения между явлениями в категории времени, но и отношения явлений к причине, их производящей, что выражается или наклонениями, или залогами. Из всех причин явлений человек *несомненно*

знает только одну: *собственную свою волю* *. Причины же прочих явлений, от него не зависящих, человек только *предполагает* и предполагает прежде всего в причине, подобной его собственной воле, так что всякая *причина явления,* или *предмет действующий*, берётся им как лицо, имеющее волю, отсюда и личные изменения глаголов. Это отношение явлений или к воле самого человека, или к воле, предполагаемой им вне его, ещё ранее выражается в языке, чем отношение ко времени, которое долго, а иногда и навсегда, остаётся мало определённым **.

Самое время в отношении явления может быть принимаемо двояким образом: или явление берётся всё, как совершающееся, совершившееся или имеющее совершаться в отношении других явлений и нашего сознания, что, как мы уже объяснили выше, выражается *временами,* или язык стремится выразить время в пределах самого явления, что выражается *видами.*

Психическая история отделения имён прилагательных от имён существительных и образования из прилагательных отвлечённых существительных имён также весьма понятна. Всякий предмет, установившийся в нашем сознании, есть не что иное, как более или менее постоянная совокупность подмеченных нами признаков. Так, напр., что такое железо? Железо есть, во-первых, *тело*, т. е. нечто упругое, мешающее нашим движениям, — есть *тело тяжёлое*, т. е. падающее к земле, — *плавкое*, т. е. делающееся мягким под влиянием жара, и т. д. Сколько бы мы ни определяли железо, мы будем всегда только перечислять его признаки, но никак не уловим того, чем совокупляются эти признаки в одно самостоятельное существо, занимающее своё самостоятельное место между другими существами, т. е. не уловим *сущности* предмета.

---

* Педаг. антр., т. I, гл. XXXIX.

** Ursprung der menschlichen Sprache, von Geiger, 1868, E. B., S. 387.

Но, заметив постоянное совокупление одних и тех же признаков, мы уже *предполагаем* особую какую-то *сущность*, в которой и которою совокупляются эти подмеченные нами признаки*, и на этом основании даём этому существу отдельное имя — *имя существительное*. Название это очень характеристично и очень верно, если только под именем существа, как и следует, мы будем разуметь всё, что существует, — всё, что имеет в нашем уме существование, отдельное от других предметов сознания, а не только то, что доступно нашим пяти чувствам**: будем разуметь всякую мысль и всякое понятие, насколько они являются отдельными мыслями и отдельными понятиями.

Разделение предметов, обозначаемых именами существительными, на предметы одушевлённые, неодушевлённые и умственные, или отвлечённые, хотя и годится для первоначальной грамматики, но не выдерживает строгой критики. Ни под одну из этих категорий не подойдут такие предметы, каковы: зрение, слух, осязание, звук, горе, радость, удивление и проч., хотя эти предметы сознания обозначаются именами существительными. Горе, радость, печаль, боль нельзя же назвать предметами умственными; ибо действительность их существования мы очень хорошо испытываем и очень хорошо знаем, что это не суть только отвлечённые создания нашего ума. Категории же психических, или душевных, предметов мы не имеем в наших грамматиках. Впрочем для нашей цели нам нет надобности устанавливать здесь новую классификацию предметов сознания***.

Именем прилагательным человек выражает уже не самое существо, но только один из его признаков

---

* Пед. антр., т. I, гл. XXXVII.

** Один из критиков «Детского мира» упрекнул нас, между прочим, за то, что мы назвали листок существом, — так мало установились у нас логические понятия, а между прочим, везде и преимущественно в грамматике мы беспрестанно их употребляем и употребляем часто по-варварски.

*** См. об этом Пед. антр., т. I, гл. XXXIV и XXXIX.

и притом, выражая этот признак как признак, а не как отдельное существо (причём прилагательное превратилось бы в существительное: плавкий — плавкость), берёт его, как брал и самое существо,— *вне категории времени и причины*. Между выражениями: *железо плавко* и *железо плавится* есть только та разница, что в первом выражении признак берётся вне категории времени, а во втором — в этой категории.

Деление имён прилагательных на *качественные* и *относительные*, чаще других указываемое в наших грамматиках, не выдерживает логической критики. Всякое прилагательное имя непременно показывает отношение предмета к другим предметам, ибо самое различие предметов по признакам мы не иначе узнаём, как по сравнению, т. е. в отношении к другим предметам и к другим признакам *. В выражении: *железо плавко* мы показываем только отношение железа к огню; в выражении: *свинец тяжёл* — мы показываем только отношение свинца к земле и т. д. С другой стороны, всякий признак показывает, *каков* предмет, и потому всякий установляет качество, но самые качества предметов могут разделяться на такие, степень которых может усиливаться и уменьшаться, и на такие, для которых это невозможно: *вчерашний день* не может быть *вчерашнее* и *каменный дом* не может быть *каменнее*. Говорить же, как это обыкновенно говорится в грамматиках, что только качественные прилагательные могут иметь степени, весьма нелогично. *Мраморная статуя* не может быть *мраморнее*, хотя, конечно, словом *мраморная* мы отвечаем на вопрос — *какая*? и отличаем эту статую от статуй бронзовых, гранитных и т. д. Всего же основательнее делить прилагательные уже чисто грамматически, по окончаниям.

Имена числительные относятся или к существительным или к прилагательным, что обозначается и двоякою их формою: только для удобства можно при-

---

* См. Педагог. антроп., т. I, гл. XXI, пп. 6—8.

знать в грамматике отдельное существование имён числительных, как имён числа и числового порядка.

Весьма естественно, что *глагол* как выражение явления, хотя и взятого в категориях времени и воли, или действующей причины, имеет своё *имя* в *неопределённом наклонении*, как это и замечено удачно новыми грамматиками, и своё *прилагательное* — *в причастиях*. Причастие, как и имя прилагательное, обозначает явление не самостоятельно, но как признак предмета или другого явления, и притом в категории времени и причины, чем и отличается от *прилагательного имени*, так что причастие было бы удобно назвать *глагольным прилагательным* в том же смысле, в каком неопределённое наклонение называется *глагольным именем*. Кроме того, причастия и в особенности деепричастия могут быть рассматриваемы как особые формы, употребляемые для связи предложений. *Деепричастие* заменило в русском языке усечённое причастие церковно-славянского, и мы не видим, почему так и не смотреть на деепричастие. *Видящий* — *видя*; *видевший* — *видев*: не ясно ли, что это одни и те же формы, из которых одна полная, а другая усечённая? Но только усечённая форма не употребляется как прилагательное, а всегда как связь предложений или как сокращённое самостоятельное предложение. Эту форму создал русский народ в своём характеристическом стремлении действовать краткостью на чувство слушателя, предполагая в нём русскую сметливость. Характеристика же этих особых частей речи состоит именно в том, что причастия, получая склоняемое окончание прилагательных, а деепричастия — несклоняемую форму наречий, в то же время сохраняют способность выражать время и отношение к действующему предмету в обозначаемом ими признаке.

Части речи служебные отличаются от знаменательных обыкновенно тем, что, будучи выделены из предложения, они не имеют самостоятельного значения. Однакоже это отсутствие значения есть только понятие грамматическое, а не психическое. Никак нельзя

сказать, чтобы предлоги: *к, в, на*, или союзы: *если, хотя, но* не пробуждали никакого особенного представления в нашем сознании, иначе они и не заслуживали бы названия слов. Но в грамматическом строе речи эти слова действительно не могут быть употреблены *отдельно*: не могут составить ответа на вопрос, не могут закончить собой предложения, требуют непременно других слов после себя. По этому признаку и следует приучать детей узнавать части речи служебные, как мы это и сделали в нескольких местах нашего учебника. Незнаменательность же местоимений состоит в том, что они указывают нам на неопределённое число имён, качеств, отношений, не останавливаясь ни на одном, если указываемого предмета, качества или отношения нет налицо в речи или в сознании слушающего или читающего. Вот почему, хотя незнаменательность местоимений, если можно так выразиться, ещё больше, чем незнаменательность предлогов и союзов, местоимения могут быть употреблены в речи самостоятельно; этой самостоятельностью они обязаны не своему собственному значению, а самостоятельному значению тех имён, на которые они указывают.

Естественно, что служебные части речи должны быть и разделяемы по роду своей службы, а уже не по значению своему.

Предлог выражает отношение главных членов предложения к второстепенным и второстепенных между собою там, где это отношение не может быть выражено одним изменением окончаний; потому внешний характеристический признак предлога состоит в том, что он всегда требует слова управляющего и слова управляемого. Предлоги, употребляемые только слитно с именами и глаголами, не следовало бы вовсе относить к какой-нибудь части речи: они перестали уже быть отдельными словами.

Союз показывает или связь, или раздельность, или отношение, но не между членами предложения, а между предложениями, или стоящими отдельно, или слившимися в одно. Всякое сопоставление и слияние

предложений непременно обозначается знаками препинания, исключая только двух случаев, когда союзом показывается просто раздельность или просто связь и слияние предложений и притом не более двух, причём пропуск союза непременно означается знаком препинания. Союз отличается тем от других частей речи, употребляемых вместо союза, что, как слово незнаменательное и не указывающее на другие знаменательные слова, союз никогда не может быть употреблён отдельно: от местоимений же, кроме того, он резко отличается своей неизменяемостью по флексиям. Вне своей роли союз не может быть употреблён и не имеет никакого значения, тогда как знаменательные части речи: причастие, деепричастие, наречие и местоимение как слово, указывающее на слова знаменательные, беспрестанно употребляются вместо союзов *.

Местоимение, кроме своего внешнего определения, как часть речи служебная и в то же время изменяемая, может иметь ещё другое, по своей служебной роли. Роль эта состоит *в указании* и *в вопросе*, который отчасти тоже имеет характер указания, ибо не только вызывает, но и направляет ответ. На вопрос: *кто?* следует один ответ; на вопрос: *который?* — другой; на вопрос: *чей?* — третий и т. д. Местоимение, следовательно, есть часть речи, не имеющая собственного значения, но на что-нибудь *указывающая* или о чем-нибудь *спрашивающая*. Местоимение *указывает* или на лицо говорящее, или на того, кому оно говорит, или, наконец, на предмет, о котором говорится в предложении, но который в нём не наименован *(я,*

* Правда, союз *и* иногда употребляется для усиления, напр.: *он и пошёл*. Но от чего здесь зависит самое усиление? От пропуска целого предложения, на который намекает оставшийся союз *и*. Вместо: *он пошёл и пошёл* русский язык в своём стремлении действовать на чувство сжатостью фразы употребляет: *он и пошёл*. То же следует сказать о союзе *хотя*, когда он употреблён, напр., в таком выражении: «*хоть горсточку прибрось!*». Здесь также слиты два предложения, но так слиты, что от одного остался только союз *хоть*. Как союз *и* употребляется для усиления, так союз *хотя* для ограничения.

ты, он, себя) — или на то, что говорили прежде о предмете *(этот, тот, сей)*, — или на упомянутое прежде качество предмета *(такой)*, — или на отношение предмета к его частям *(весь, не весь)*, — или на неопределённость предмета *(некоторый, какой-либо)*, — или на отсутствие предмета и качества *(никто, никакой)*, — или на отношение одного предложения к другому (все относительные местоимения), — или, наконец, местоимение спрашивает об имени предмета или качества *(что? кто? какой?)*. Отличительный признак местоимений от причастий, деепричастий и прилагательных, употребляемых тоже в виде связи между предложениями, заключается в том, что все эти слова знаменательные, а местоимения — нет. Отличие местоимений от союзов заключается в изменяемости местоимений, и, наконец, отличие от наречий — в обоих признаках; ибо наречие, как раз, противоположно местоимению: знаменательно и не изменяется. Изменяемостью же отличается местоимение от наречий и союзов, употребляемых при вопросах.

Изменяемость местоимений необходима им по их роли в предложении как указателя; иначе бы местоимение не могло указывать; так же необходимо, как необходимо движение флюгеру для того, чтобы он мог указывать направление ветра.

Теперь нам остаётся сказать ещё о немногих особенностях нашей грамматики.

Познакомив дитя с составом простого предложения, мы знакомим его потом и со связью предложений (стр. 119), приучая, более практически, слагать речь из предложений и разлагать речь на предложения. Этим приёмом легче всего уяснить детям значение знаков препинания. Само собой разумеется, что упражнений в разложении речи на предложения, а равно и в разложении слитных предложений на простые, никак не следует ограничивать одними приведёнными в учебнике примерами. Всякая статейка из книги для чтения, употребляемой в классе, даёт для этого

обильный материал. Привычка же разлагать и слагать речь из предложений одна может дать детям правильную и сознательную постановку знаков.

При знакомстве со связью предложений мы знакомим также с *причастиями* и *деепричастиями*; ибо эти формы, как мы уже сказали, имеют значение как связь предложений, обходящаяся без союзов и слов, заменяющих союзы (пп. 95, 96).

Мы исключили название *действительных* причастий, употребляемое обыкновенно в грамматиках; ибо это название, напоминающее действительные глаголы, может только путать детей, так как причастия на *ший* и *щий* производятся не от одних действительных, но и от средних глаголов. На этом основании мы предпочли назвать одни причастия *простыми*, а за другими удержать название *страдательных* (п. 97).

В разборе стихотворений и басен мы сначала старались указать самый порядок разбора (ст. «Зима» и «Чиж и голубь»), а потом, предоставляя этот порядок самому преподавателю и учащимся, указываем только на новые, ещё незамеченные особенности в языке, встречающиеся при разборе той или другой басни (ст. «Лев и лиса»).

В грамматической хрестоматии нашей первые 29 статей назначаются нами для переписки и упражнений при самом изучении грамматики, как то и означено в своём месте. В одной статье ученик отличает знаменательные слова от служебных, в другой различает виды и наклонения глаголов и т. д. Но, конечно, не всегда будет достаточно для достижения избранной цели двух, трёх статеек. Тогда преподаватель должен назначить переписать и разобрать для той же цели одну, две, три статейки из других частей «Родного слова» или какой-либо другой книги для чтения, употребляемой в классах. Остальные статьи «грамматической хрестоматии» имеют в виду упражнение в расстановке знаков, а равно повторение и пополнение орфографических правил.

Способ употребления нашей книги очень прост. Наставник, *сам познакомившись поближе с нею*, должен потом поручать детям прочесть один или два параграфа, которые во втором издании мы нарочито обозначили номерами, и придумать ответы на сделанные в этих параграфах вопросы. Эти, конечно, изустные ответы детей наставник должен поверить и исправить и потом дать ученикам упражнение по нашей же книге, относящееся к этому отделу. Упражнения эти бывают изустные и письменные, что, впрочем, к сожалению, не всегда строго отделено нами в самой книге, так что наставник должен сам уже указать детям, какие из упражнений должны быть выполнены письменно. Если данных нами упражнений окажется недостаточно для полного ознакомления учеников с каким-нибудь грамматическим понятием и правилом или употреблением какой-нибудь грамматической формы, то наставнику легко будет по данному же образцу дать ещё несколько новых упражнений.

Совершенно необходимо, чтобы как отрывок из сказки Пушкина, приведённой нами в первой половине грамматики, так и все 15 разобранных стихотворений были выучены детьми наизусть и притом так, чтобы дети могли не только произносить, но и писать их без всякой ошибки, оправдывая все знаки препинания и орфографию всех слов, орфография которых не определяется одним выговором.

Когда в учебнике по какому-нибудь поводу указано повторение всего изученного до тех пор отрывка *сказки*, то этот отрывок должен быть написан учениками наизусть на классной доске; точно так же должно писаться на классной доске и всякое разбираемое стихотворение из 15, выставленных нами. Это должно повторяться до тех пор, пока разбор стихотворения не будет окончательно сделан. Повторений при этом случае бояться не следует; ибо во всём, что приобретается навыком, беспрестанное повторение есть единственный способ усвоения.

Статьи хрестоматии, напечатанные без знаков, долж-

ны быть сначала прочитаны учителем так, чтобы он мог потом руководить чтением учеников; потом статьи эти должны быть переписаны учениками в классе на классной доске или дома на тетради, потом разобраны, и только потом уже должны быть поставлены знаки. Буквы, напечатанные толстым египетским шрифтом, должны быть при переписке отмечаемы учениками посредством какого-нибудь условного значка для того, чтобы потом оправдать постановку этих букв.

При всех этих занятиях, как изустных, так и письменных, наставник должен как можно более оставлять самостоятельности ученику: пусть сам ученик изучает грамматику, руководимый учебником и под надзором наставника. Независимо уже от специальной цели изучения грамматики посредством самостоятельных наблюдений над языком, мы имеем ещё цель как в этой части «Родного слова», так и в прочих приучить дитя к самостоятельной работе и к самостоятельной беседе с книгой, которая перед ним раскрыта. Приучить дитя к разумной беседе с книгой и приохотить к такой беседе есть, по нашему мнению, одна из важнейших задач школы.

Способ приучения к чтению церковно-славянской печати и усвоение церковно-славянского счёта ясно обозначено в самой хрестоматии. Что же касается до переводов, то их следует делать по пунктам, на которые разделены статьи, взятые для этой цели из библии. Сначала каждый пункт переводится изустно, а потом уже поручается ученикам сделать письменный перевод. Переводы, окончательно выправленные в классе, переписываются потом учениками дома в чистые тетрадки.

Из всего нашего изложения первоначальной дидактики родного языка видно само собой, что главное, центральное занятие, вокруг которого более или менее группируются все остальные и по которому мы располагаем даже и самую нашу грамматику, есть практическое упражнение в языке, изустное и письменное. Вот почему мы считаем вовсе не лишним прибавить

здесь в заключение полную систему письменных практических упражнений в первые три или четыре года учебных занятий, говоря об изустных настолько, насколько они связаны с письменными. При этом нам, может быть, придётся кое-где повторить то, что было сказано в *первой* части нашего «Руководства», приложенной к первым двум годам «Родного слова»; но это поможет нам закрепить *самую систему* упражнений в уме наставника, а систематичность упражнений есть первая и главнейшая основа их успеха, и недостаток этой систематичности — главная причина, почему многочисленные и долговременные упражнения в орфографии дают весьма плохие результаты.

«В старых школах,— говорит знаменитый Дистервег,— занимали учеников орфографией от 8-го до 14-го года и ученики по большей части всё-таки не усваивали её. Всё шло dictando: ученики писали, а учитель поправлял,— если ещё поправлял, или пользовались нарочито для переписки составленными образцами, каковы были, например, прописи Баумгартена; исправление нарочно написанного с ошибками на классной доске было также любимым приёмом. Главная причина, почему при этой методе редко достигалась предположенная цель, почему правописание становилось мукой для детей и взваливало на учителя Сизифову работу,— исправление необозримой массы ошибок, число которых не уменьшалось существенно с течением времени,— состояла в недостатке методического хода ученья. Обыкновенно на *всех* ступенях ученья изучались *все* правила орфографии; отдельные упражнения были направлены не на какое-нибудь одно правило, но на все вместе; последующее не основывалось на предыдущем, словом, не доставало методической постепенности. Отсюда те печальные последствия, которые, как мы знаем по опыту, почти доводили до отчаяния многих учителей, бесплодно похищали на поправку ошибок лучшую часть их времени или приводили их к полному усыплению. Как мало впечатления во многих школах производила на детей поправка ошибок со стороны учителя!

Часто ученики не брали на себя труда даже взглянуть на подчёркнутые или поправленные слова. И все эти печальные, убийственные результаты зависят от ошибочности в методе» *.

Мы полагаем, что этот ход обучения правописанию и его результаты в *старых* немецких школах многим напомнят, что делается у нас и в школах современных.

Сколько нам известно, у нас чаще всего случается так, что наставник, может быть, и попробовавший сначала выучить писать детей правильно, отказывается потом от продолжения этих попыток, убедившись в их неуспешности, и преподает себе грамматику, потом задаёт сочинения, а в отношении ошибок довольствуется тем, что если заметит их, то накажет ученика или в классе, или на переводном экзамене. Даже простой диктант, которому с такой ревностью предавались наши старые учителя, занимает теперь гораздо меньше времени, если не везде оставлен совсем; потому что и диктант требует поправок, а поправка бесчисленного числа ошибок, без сомнения, невыносимо тяжела, да и мало приносит пользы, если самый диктант и практическое изучение орфографии не ведутся по системе. Вот почему, по крайней мере, в большинстве наших учебных заведений, правописание учеников, предоставленное случаю, стало в настоящее время даже хуже, чем было прежде, когда частою диктовкой и ещё более переписыванием с книг или учительских тетрадок, за неимением учебников, достигалось, по крайней мере, механическое усвоение правописания. Вот почему и теперь в семинариях, например, где диктовка и переписка, часто убийственная и отупляющая, гораздо более в употреблении, чем в гимназиях, — и правописание лучше. В гимназии же чаще всего дело оканчивается тем, что ученик, к великому удивлению самого начальства, попадается в страшной безграмотности в среднем или высшем классе, или даже при поступлении

* Wegweiser für deutsche Lehrer, von A. Diesterweg, 1850, Erst. Th., S. 503.

в университет, за что, конечно, и наказывается значительной порчей своей учебной, а нередко и жизненной карьеры.

Вот что заставляет нас привести здесь в систему и пополнить все, что было сказано нами о практических и преимущественно письменных упражнениях в родном языке.

Письменные упражнения имеют две цели: во-первых,— правильное по правописанию и красивое по чистописанию письменное изложение своих или чужих мыслей; а во-вторых, — самую толковость изложения, т. е. чтобы изложение передавало то, что следовало передать, и было при этом последовательно, связно, ясно и просто. Первая цель может быть достигаема без второй и действительно достигается отдельно, когда дитя выражает на письме чужие слова: переписывает с книги, пишет наизусть заученное или пишет под диктовку. Вторая цель не должна быть никогда достигаема отдельно, и всякое толковое изложение на письме своих мыслей или, по крайней мере, своих выражений должно быть в то же время безукоризненным по правописанию и возможно чистым и красивым по чистописанию. Одни из педагогов советуют отдельное достижение этих целей, другие предпочитают совместное. Мы же думаем, что если дитя с самого начала *совместного обучения чтению и письму по звуковой методе* ведётся правильно, то весьма часто можно соединять упражнения в письменном выражении *своих* мыслей с упражнением в правописании; но если развитие ученика и его уменье читать, а иногда просто возраст, далеко опередили правописание, то тогда лучше упражнять в правописании отдельно, не отвлекая внимание учащегося никакими посторонними правописанию соображениями. Для учеников очень отсталых следует письменное выражение своих мыслей вовсе отложить на некоторое время и ограничиваться одним изустным до тех пор, пока правописание ученика, на которое в то же время следует налечь, сделает возможным передачу и собственных мыслей ученика на письме;

а это станет возможным, когда ученик уже перестанет бояться сделать ошибку в каждом слове и будет делать вообще так мало ошибок, что даст учителю возможность исправлять эти ошибки и объяснять причины этих поправок. Учителя, односторонне увлекающиеся одним умственным развитием детей и пренебрегающие многочисленными орфографическими ошибками их, ввиду толковости изложения, бывают часто причиной неисправимой потом ошибочности в письме, которая может впоследствии отозваться для ученика тем, что он не кончит курса гимназии или не попадёт в университет, да и вообще прослывёт за безграмотного.

При звуковом способе изучения грамоты и особенно если при этом разом изучается и письмо и чтение, правописание и чистописание начинаются с первых же уроков азбуки*.

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ 1-ГО ГОДА УЧЕНЬЯ.

Если наставник приучил дитя верно разлагать слова на слоги и слоги на звуки и, наоборот, складывать слова из звуков, то этим самым он положил уже прочное основание правописанию; ибо огромное большинство слов в языке пишется так, как выговаривается. Отступления от этого бывают только или ради производства, или ради употребления, которое не всегда согласуется и с производством; но и тех и других отступлений, как ни много их кажется для того, кто их изучает, всё же гораздо менее, чем слов, пишущихся сообразно произношению. Следовательно, хороший, ясный выговор слова, такой, чтобы каждый из звуков, составляющих слово, был слышен, и чуткое ухо в различении этих звуков — вот главные основания правописания, как уменье мерно, в такт, двигать кисть руки и привычка управлять этими движениями есть основа чистописания. Остаётся ещё чистота тетрадок, о которой точно так же должен заботиться наставник.

---

* Руководство к препод. по «Р. сл.» К. Д. Ушинский, Собр. соч., т. 6, стр. 284 и сл.

Переписка отдельных слов из первой части «Родного слова» составляет второе упражнение, о котором в своём месте было сказано подробно*. Но так как всякая переписка, оставаясь только перепиской, оставляет голову без работы, то мы заставили маленького ученика размещать по разрядам слова, смешанные из разных разрядов.

Когда дитя навыкнет в переписке отдельных слов, тогда следует дать ему несколько более самостоятельное упражнение, а именно заставлять его самого уже подбирать слова и преимущественно из тех, которые он уже писал. Для этой цели следует задавать детям такие задачи: «напишите мне всех четвероногих животных, которых вы видели в вашем дворе, селе или городе; напишите всех птиц, которых вы видели в вашем лесу, всех, которые у нас зимуют, всех, которые к нам прилетают весной, всех плавающих и т. д.; напишите все растения, которые вы видите на огороде, в лесу, на полях, на лугах» и т. д. Многие из этих имён дети уже писали. Это упражнение должно сначала делать на грифельных досках в классе, причём два, три первые упражнения должны быть сделаны на большой классной доске так, чтобы дети с точностью знали, чего от них учитель хочет, как написать заглавие упражнения, какими знаками разделять слова и т. д. Потом можно задавать эти упражнения делать дома и уже на бумаге. К употреблению пера, бумаги и чернил дети должны быть приучены заблаговременно, конечно, в классе.

Поправка таких упражнений должна быть не отдельная для каждого ученика, а общая. Один из учеников читает написанные им слова и называет отдельно каждую букву, составляющую слово. Если ученик ошибся, то его может поправить товарищ, который, впрочем, должен заявить своё желание поднятием руки. Если рук поднято много, то учитель делает выбор; если же ошибка в слове есть, а дети её не заметили, то учи-

* Там же, том 6-й, стр. 289, 294.

тель обращает их внимание на это слово; если и при этом ошибка не замечена, то учитель пишет слово на доске, как оно должно быть написано, и все, у которых сделана та же ошибка, должны поправить её в своих тетрадях. Когда первый ученик кончит, тогда учитель спрашивает, нет ли у кого других слов, кроме тех, которые были читаны и исправлены, и точно так же исправляет и эти новые слова. Всякое исправленное слово должно быть приписано в тетрадках тех детей, у которых этого слова не было. Если кто-нибудь из учеников поставил такое слово, которое вовсе не идёт к задаче, напр., поместил *репу* в *лес* или *сосну* в *полевые растения*, то это слово должно быть вычеркнуто самими учениками из всех тетрадок, где оно окажется. Сначала лучше приучить детей поправки делать карандашом, для избежания излишней пачкотни. Таким образом, под конец урока составится довольно подробное перечисление предметов на заданную тему: что пропустил один ученик, то будет пополнено другим. После всего наставник должен сделать беглый обзор тетрадкам, переходя от скамьи к скамье.

С самого же начала письменных упражнений на бумаге должно быть непременно заведено две тетрадки — одна для черновых упражнений, другая для переписки начисто. К следующему уроку учитель задаёт переписать поправленные упражнения в другую чистую тетрадку. Если учителю приходится заниматься с другим отделением класса, то он задаёт переписать исправленную задачу в классе, если же нет, то поручает детям сделать это дома.

Вместе с этим должна итти переписка с книги пословиц и самых коротеньких анекдотов и рассказцев. Переписываемая пословица должна быть прежде хорошо понята, насколько, конечно, может быть понята учениками этого возраста, как мы говорили уже об этом: моральный смысл пословиц может оставаться необъяснённым *. Так, напр., в пословице *«горшок котлу не*

* Там же, том 6-й, стр. 293—299.

товарищ» следует только объяснить, почему не товарищ, а в пословице «*алмаз алмазом режется*» следует только объяснить, почему алмаз нельзя резать ножом или другим камнем. Моральный намёк подобных пословиц мы считаем совершенно недоступным для детей того возраста, для которого назначается подобное письменное упражнение. Нападки на помещение большого числа пословиц в наших детских книгах заставляют нас повторить это объяснение. Наши критики забывают, что почти всякая пословица, кроме своего морального значения, описывает коротко, метко и прекрасным народным языком какое-нибудь действительное явление из жизни природы или человека, — и вот это-то самое явление, а не моральный смысл пословицы, по большей части вовсе недоступный детям, составляет ту цель, для которой большинство пословиц помещено нами во все три части «Родного слова». Мы учим русскому народному языку на пословицах, ибо лучшего народного языка, чем тот, который сохранён в пословицах, не знаем, — а вовсе не морали, заключающейся в пословицах, ибо, по нашему глубокому убеждению, морали и вообще нельзя выучить на уроках, а можно только примером и всего более той жизнью, которую мы устраиваем для детей в семье и в школе.

За письмом отдельных слов должно следовать письмо целых предложений в ответ на многочисленные вопросы, выставленные нами в первой части «Родного слова» *. Порядок этого упражнения такой же, как и предыдущего: сначала письмо в классе, уже на бумаге, потом поправка, потом переписка или в классе, или дома.

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ 2-ГО ГОДА УЧЕНЬЯ.

При изучении *второй части* «Родного слова» и письменные упражнения усложняются.

Здесь, во-первых, должно быть делаемо письменное изложение какой-нибудь делозой статейки, прочитанной

* Там же, том 6-й, стр. 295.

в классе. Сначала статейка читается раз или два, потом вопросами выспрашивается у детей её главное содержание. Вопросы эти записываются учителем на доске, и ученики пишут на них ответы, из которых, таким образом, восстановляется содержание статейки. Образцы этих вопросов мы представили в своём месте *. Чем более ученики подвигаются в этом упражнении, тем вопросы могут быть общее, так чтобы иметь в виду со временем привести учащихся в состояние изложить всё содержание прочитанной статейки на один вопрос, что, конечно, может быть достигнуто очень нескоро. Помогающим, переходным приёмом в этом упражнении должна быть постановка вопросов самими детьми. Привыкши к постановке вопросов учителем, они потом без труда делают это сами и тем самым показывают, насколько усвоили содержание прочитанной статейки. Нет надобности, чтобы вопросы исчерпывали все мелочи статьи. Необходимо, напротив, чтобы дети приучались отличать главное от второстепенного, и вопросы следует ставить так, чтобы дитя постепенно приучалось отвечать на них не фразами, взятыми из книги, а самостоятельно составленными. Поправка и переписка этих упражнений должна быть такова же, как и предыдущих. Только разлагать на звуки и слоги придётся здесь не каждое слово, а одни только вновь встречающиеся и притом более трудные слова. Наставник должен всегда помнить, что гораздо лучше предупредить ошибку, чем потом исправлять её.

Рядом с этим упражнением должны идти и те, которые подготовляют к изучению грамматики и приложены нами в конце 2-й ч. «Родного слова» **. Руководствуясь этим приложением, наставнику весьма легко придумать множество самых разнообразных упражнений в том же роде. Если же наставник удовольствуется только теми, которые помещены в книге, то многого не достигнет. Упражнение это следует делать

---

* Там же, том 6-й, стр. 314—315.

** «Родное слово», ч. 2-я; там же, т. 6, стр. 230 и сл.

так: сначала читается вопрос, напечатанный в книге или написанный учителем на доске, и делается на него сначала словесный, а потом письменный ответ. Потом ученики словесно отвечают на подобные же вопросы из книги или предлагаемые учителем, а потом пишут ответы на эти вопросы. Конечно, если учитель даёт свои вопросы, не находящиеся в книге, то должен написать их на доске. Ответы составляются по образцу первого ответа, выставленного на доске.

Рядом с этими упражнениями должно идти упражнение в сравнении, преимущественно в сравнении животных. Хорошо, если при этом случае перед глазами детей будут правильно нарисованные изображения тех животных, о которых идёт речь: чучела, конечно, ещё лучше.

Сначала должно быть замечаемо сходство, а потом различие между сравниваемыми предметами. Это замечание сходства и различия делается целым классом. Когда все сходства и различия исчерпаны и приведены в логическую систему, тогда следует приступить к письменной передаче всего сказанного. Первую письменную передачу должен сделать сам учитель, приглашая учеников помогать ему. Этот образчик, сделанный учителем с участием учеников, должен быть переписан учениками в чистые тетради и служить им образцом для дальнейших упражнений в том же роде. Постепенный успех в этом упражнении обозначается тем, что дети, приискивая сходство и различие, всё менее и менее нуждаются в вопросах и указаниях учителя.

Рядом с этим упражнением должно итти письмо, без помощи книги, стихотворных и прозаических статеек, предварительно заученных детьми на память. Сначала для этой цели следует выбирать самые коротенькие статейки, которых немало найдётся во 2-й ч. «Родного слова». Для этой же цели годятся помещённые там описания животных, сделанные в пословичной форме, именно с той целью, чтобы их легко было заучить наизусть, так как проза вообще заучивается

гораздо труднее стихов. При письме наизусть книжки должны быть отобраны у учащихся, а потом вновь раздаются им для того, чтобы они по печатному тексту поправили сделанные ими ошибки. Пересмотр уже поправленных тетрадок можно сделать посредством самих же учеников, поручая каждому ученику проверить чужую тетрадку по книге.

После этого учитель пересматривает тетрадки и велит переписать из тетрадей окончательно исправленные статейки. Некоторые из педагогов, как, напр., Борман, думают даже всё изучение правописания ограничить одной перепиской с верных образцов в том расчёте, что при частой переписке слова глаз, наконец, механически привыкает видеть его написанным так, а не иначе. Но Борман забывает, что для такого изучения правописания нужно много переписывать и что переписка не только не даёт голове развивающей работы, но, напротив, мешает ей работать гораздо более, чем рубка дров, ходьба или какая бы то ни была другая, чисто физическая деятельность, отчего отличные писари, с самого детства занимающиеся этой работой, отличаются замечательным тупоумием. Вот почему, хотя мы и допускаем пользование перепиской как средством изучения орфографии, но в то же время советуем не давать слишком больших размеров этому упражнению. Да и нет в том надобности, ибо многое в правописании может быть достигнуто сознательным пониманием.

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ 3-ГО ГОДА УЧЕНИЯ.

Теперь нам следует изложить письменные упражнения 3-го года занятий; но это нам несколько труднее сделать, ибо у нас ещё не готов второй отдел *третьего* года «Родного слова», в котором мы предполагаем поместить в системе статейки по географии, преимущественно отечественной, и по естествознанию. Этот отдел даст большое число очень разнообразных умственных, словесных и письменных упражнений.

Теперь мы можем указать на I ч. «Детского мира», которая, по нашему мнению, может, хотя, конечно, отчасти, заменить недостаток второго отдела 3-го года в «Родном слове».

Если наставник, почему бы то ни было, не может сам вести с детьми систематических бесед о наглядных предметах, то может читать с детьми статейки, помещённые в 1-й ч. «Детского мира».

Прочтя описание первого времени года (зимы), учитель вопросами извлекает у детей *главное* содержание прочитанной статьи; потом некоторые из этих, уже более обобщённых, вопросов и притом составленных так, чтобы на них нельзя было отвечать одной перепиской из книги, выставляет на доске. На эти вопросы дети дают сначала изустные, а потом и письменные ответы. По прочтении статейки о третьем времени года (о лете) учитель уже, кроме первого упражнения, переходит к новому, а именно к сравнению лета с зимой. Учитель вопросами ведёт систематическое сравнение и притом только в самых главных чертах, никак не вдаваясь в мелочи, и сам же записывает это сравнение на доске, по образцу которого дети уже сами составляют сравнение между весной и осенью.

Следующее за тем описание человеческого тела поставлено только для того, чтобы познакомить дитя на предмете, ему наиболее известном, с значением тех терминов и выражений, с которыми оно потом беспрестанно будет встречаться при описании животных, и еще для того, чтобы ввести детей в понимание естественной системы, которая служит основанием для систем научных; а потому эта статья не должна быть предметом многочисленных письменных упражнений, тогда как на неё-то именно многие преподаватели и налегают. Дети только должны усвоить содержание этой статьи, в чём учитель руководит их вопросами. Правописание слов, в ней встречающихся, большей частью детям известно, если они учились перед тем по «Родному слову». Но именно на этой статье учитель должен познакомить учеников с системой, для чего следует

написать на доске таблицу частей человеческого тела. Сначала учитель сам чертит эту таблицу, вроде таблиц генеалогических, и заставляет детей по ней рассказать всё содержание статьи; потом дети должны сами начертить такую же табличку, для того, чтобы зрачок вышел у них частью глаза, глаз — частью лица, лицо — частью головы, а голова, наконец, частью человеческого тела и чтобы в рассказе дети не перескакивали от глаза к руке или от ноги к ушам.

Переходя к чтению статеек о животных, наставник вместе с тем опять принимается за сравнение, ибо сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Всё в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение, и если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, которого мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить (если бы такой предмет был возможен), то мы не могли бы составить об этом предмете ни одной мысли и не могли бы сказать о нём ни одного слова. Такое основное положение сравнения во всём процессе человеческого понимания указывает уже на то, что в дидактике сравнение должно быть основным приёмом. Если вы хотите, чтобы какой-нибудь предмет внешней природы был понят ясно, то отличайте его от самых сходных с ним предметов и находите в нём сходство с самыми отдалёнными от него предметами: тогда только вы выясните себе все существенные признаки предмета, а это и значит понять предмет. Поэтому напрасно нас упрекают в том, что мы везде настаиваем на сравнении: другого пути для понимания предметов внешней природы нет *.

В третьем году ученья за сравнением предмета с несколькими другими предметами должно уже следовать описание предмета, извлекаемое из сравнения. Чем более было сделано сравнений, тем описание может быть отчётливее и подробнее. В составлении этих описаний наставник, сам хорошо приготовившийся к тому заранее, должен вести детей вопросами. Сначала это

* «Пед. антр.», ч. I, гл. XXX, пп. 8, 9, 10.

делается изустно, потом письменно и сперва на классной доске. Так как описание делается по отдельным вопросам, то оно будет всё выражено в отдельных, отрывочных предложениях. Тогда учитель, беспрестанно призывая к себе на помощь учеников, должен показать детям, как нужно связать эти отдельные предложения и сделать описание короче, не повторяя напрасно одних и тех же слов. Чем долее идёт это упражнение, тем связнее должно быть описание. Описание, составленное на классной доске одним из средних учеников, исправленное и дополненное целым классом и окончательно учителем, записывается учениками в чистые тетради и служит им образцом для подобных же упражнений.

Для составления описаний лучше брать предметы, хорошо знакомые детям, но о которых нет статеек в книге и с которыми потому сам учитель должен подробнее познакомиться из другого источника. Но сравнивать эти предметы можно с теми, о которых дети читали в своей книге для чтения. Если детям можно показать чучело или картину описываемого животного или описываемого растения, то, конечно, это гораздо лучше, чем довольствоваться одним воспоминанием и рассказом.

Когда будет пройдено несколько отделов животных или растений, то должно составлять систему всего пройденного и выражать эту зоологическую или ботаническую систему в таблице, по которой дети бегло могли бы припомнить всё, что они прочли, хотя в главных чертах. Приучить детей к систематичности в мышлении и к тому, что всё пройденное не должно забываться, а составлять одно органическое целое в голове, есть одна из важнейших задач первоначального обучения.

Когда дети несколько навыкнут в *описании*, то, не останавливая этого упражнения, должно прибавить к нему письменное изложение *рассказов*. Для этой цели лучше всего следующий приём: учитель рассказывает детям какое-нибудь происшествие, по возмож-

ности, коротко, так, чтобы весь рассказ был строчек на 10 или на 15 детского письма, потом заставляет изустно повторить рассказ, вопросами пополняя пропущенное. Когда рассказ будет усвоен всем классом, тогда составляются вопросы, записываются на доске, и дети пишут ответы. Затем тот же порядок, что и при составлении описаний. Содержание рассказа учитель должен заимствовать из какой-нибудь книги для детского чтения, не употребляемой в классах. Исторические рассказы, помещённые в первой части «Детского мира», рассчитаны только на изустную передачу, руководимую как словесными, так и письменными вопросами на классной доске. Для письменной же передачи они слишком длинны и сложны. Другим упражнением для той же цели служат переводы библейских рассказов, о чём сказано было выше.

Когда дети несколько навыкнут в письменном изложении описаний и коротеньких рассказов, тогда можно приучать их к смешению обоих этих видов в форме *письма,* ибо из литературных форм изложения — это самая лёгкая. Это делается так: учитель читает детям и пишет потом на классной доске два-три образчика не очень длинных писем. Эти образчики переписываются детьми в чистые тетрадки и служат им потом образцами в составлении писем. Потом учитель даёт самим детям содержание для письма и лучше всего какое-нибудь действительное происшествие в окрестностях, о котором знают и дети, и посредством вопросов заставляет весь класс составить требуемое письмо, в котором есть и описательная сторона, и историческая. Всякое удачное добавление ученика учитель принимает с удовольствием и вообще поощряет живое представление совершившегося события и окружающей его обстановки. Когда письмо в изустном рассказе окончено, тогда один ученик записывает его на классной доске, где оно исправляется и приводится в должную форму с помощью учителя, потом переписывается в чистые тетрадки. После двух-трёх таких упражнений можно уже поручить детям изустное письмо, состав-

ленное в классе, написать дома и, наконец, давать только темы для письма, что может быть едва ли достигнуто даже под конец третьего года ученья. Таких упражнений должно быть не много в год: в три-четыре недели одно, но всякое выполнено с возможной отчётливостью и с наибольшей пользой для целого класса.

Рядом со всеми этими упражнениями *третьего* года должна идти диктовка, которая в первые два года ученья была бы преждевременной. Статья, выбранная для диктовки, сначала прочитывается вслух учителем. Вопросами выспрашивается всё её содержание, разделяется на части, а части на предложения, замечаются слова, в которых, как может ожидать учитель, большинство класса сделает ошибку. Так, напр., обращается внимание на слова, очень сходные по звукам, на слова с буквою *ѣ* в корне и т. п., словом, смотря по тому, насколько в это время уже пройдена детьми наша практическая грамматика. Затем начинается самая диктовка, причём один из слабейших учеников пишет на классной доске, а другие в своих тетрадях. Гораздо лучше если классную доску можно повернуть так, чтобы другие ученики не видели написанного на ней. Диктовать должно медленно, ясно, но целыми предложениями, а не отдельными словами, чтобы дети привыкли удерживать в уме целые мысли, а не ловили звуков. Лучше повторить предложение, хотя и это не хорошо, чем разделять его на слова. При первых диктовках весьма полезно заставлять одного из лучших учеников повторять сказанное учителем предложение и потом, записывая каждое слово, в то же время произносить его вслух. Иногда это может делать и целый класс, если он при этом никому не мешает. Если дети все учились писать вместе и в такт, то это делается очень равномерно и дружно. Когда диктант кончен, классная доска повёртывается, и ученики сами исправляют ошибки своего слабейшего товарища, причём объясняют причину поправки. Если какие-нибудь ошибки не замечены учениками, то учитель подчёркивает слова с ошибками; если и тогда ученики не заметят ошибок,

то учитель поправляет уже сам, объясняя каждую поправку. Затем остальные ученики поправляют свои тетради по классной доске, и если ошибок менее, чем строк, то могут оставить диктант не переписанным, а в противном случае должны переписать его дома. Ученик, писавший на доске, просто списывает с неё в тетрадь. Само собой разумеется, что в выборе статей для диктанта также нужно соблюдать постепенность и для первых диктантов выбирать статейки, все состоящие из небольших коротких предложений. Чем долее идёт это упражнение, тем и слог диктуемой статьи может быть связнее.

Для учителя легче диктант из книги для чтения, употребляемой в классе, причём поверка идёт самими учениками по книге; но такой диктант меньше приносит пользы ученикам. Его следует употреблять в смешанных классах, ибо, пока ученики поправляют диктант по книге, учитель может заняться с другим отделением класса. Диктант должен повторяться как можно чаще: если возможно, то через класс; но от каждого урока не должен отнимать более четверти часа.

Так называемая *какография*, т. е. поправка нарочито с ошибками написанного учителем, теперь везде почти оставлена, но это напрасно. Какография, употребляемая во-время и с уменьем, как заметил ещё Дистервег, занятие весьма полезное; но её должно употреблять только как поверку и закрепление орфографических знаний, уже приобретённых учеником. Следовательно, ошибки должны быть такого рода, чтоб ученики не только лучшие, но и средние могли бы их поправить и объяснить свои поправки. Это отличный экзамен по орфографии и повторение её правил; но никак не новый урок. Если же какографию употреблять несвоевременно и часто, то она может только принести вред, ибо неправильно написанное слово затверживается в памяти зрения и потом, припоминая это слово с ошибками, ученик уже не знает, правильно ли оно написано или нет, и пишет, как оно затвердилось у него в памяти зрения, т. е. неправильно.

Письмо без книги статей, выученных наизусть, должно быть продолжаемо.

Мы не говорим здесь о тех упражнениях, на которые прямо указываем в практической грамматике, но и здесь считаем необходимым повторить, что весьма часто этих упражнений недостаточно, чтобы укрепить детей в тех или других грамматических понятиях или правилах. Так, напр., мы даём только по две или по три статейки для упражнения в различении имён прилагательных, существительных и местоимений, для отличия служебных частей от знаменательных и т. п.; но само собой разумеется, что на двух или трёх статейках дитя никак не приучится к этому. Дитя наверное не будет различать хорошо частей речи, пока не изучит их все. Не зная ещё склонений, оно наречие будет причислять к существительным; не зная причастий, оно будет причислять их к прилагательным и т. п. Следовательно, упражнение в различении частей речи должно идти во всё время изучения грамматики и повторяться при каждом удобном случае, как, напр., при всякой переписке статейки из книги, при всяком диктанте, при всяком письме заученного наизусть стихотворения и т. п.

Дидактика не может иметь и претензии перечислить все правила и приёмы преподавания. Она только указывает на главнейшие правила и на наиболее выдающиеся приёмы. Практическое же применение их бесконечно разнообразно и зависит от самого наставника. Никакая дидактика и никакой учебник не могут заменить наставника: они только облегчают ему труд. «Кто из учителей желает, чтобы учебник родного языка пришёлся, как раз, к его учебной практике, тот, по словам Дистервега, желает *чисто невозможного*»*.

* Wegweiser, von Diesterweg, Erst. Th., S. 465.

Приложения

ЗАМЕТКИ К. Д. УШИНСКОГО, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЧИСТОТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

Написано:	Исправлено:
1. *гарантируя* детей	предохраняя
2. нам следует *ориентироваться* в этой науке	рассмотреть, насколько эта наука
3. нет *эквивалента*	противовеса
4. *регулировать* мысль	направлять
5. для педагога важны не столько *quod* и *quantum* знания, сколько *quomodo* его усвоения	ту же мысль можно передать чисто по-русски
6. психология отделилась от умозрительной *трансцендентальной* философии	выпустить (иностр. слово)
7. потворствовало всякому *обскурантизму* и *рутинёрству*	это выражение надо изменить, чтобы не встретилось необходимости прибегать к иностранному «диалекту»; употребляю иностранное слово, чтобы сделать вам удовольствие
8. христианство *санктировало* их	утвердило (?)

[1] Печатаемые ниже заметки опубликованы Л. Н. Модзалевским в сборнике „Памяти К. Д. Ушинского" (СПб., 1896, стр. 163—164), изданном к 25-летию со дня смерти великого русского педагога. История этих заметок такова: Л. Н. Модзалевский написал для журнала „Педагогический сборник" статью „Введение в изучение педагогики" и просил Ушинского просмотреть её. Чтение статьи дало повод Ушинскому сделать ряд замечаний, говорящих о том, с какой тщательностью он относился к чистоте русской литературной речи. (*Ред.*)

9. он излагает *sine ira et studio*	не все читатели знают по-латыни
10. прочный *базис*	прочное основание
11. не *рефлексируя* о собственном детстве	не размышляя, не думая, забывая
12. *интернат*	закрытое заведение
13. *tabula rasa*... ...*комбинирует*	сказать по-русски
14. *микрокосм* как верный отпечаток макрокосма	объяснить по-русски
15. *аффектировать* на одну из душевных способностей	это несколько затемняет самую мысль; надо подобрать равнозначащее русское слово, напр., воздействовать или др.
16. школа есть *суррогат* семьи	по-русски
17. *ходегетика*	учение о нравственности
18. школа *формирует* понятие о долге	образует, развивает
19. психология сумела *мотивировать*	выяснить
20. *традиция... эксплуатация*	по-русски

Общее замечание К. Д. Ушинского в конце статьи: «Вообще мне кажется, что употреблять иностранные слова можно только как *необходимое* зло, и что если русские писатели будут часто прибегать к ним, не давая себе труда подумать над оборотом чистой русской речи, то наш *русский* язык *нескоро еще выработается.*

К. У.»

ИЗДАНИЯ КНИГИ «РОДНОЕ СЛОВО», г. 3-й

1. *«Родное слово». Год третий. Отдел первый — грамматический.* Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией. Составил К. Ушинский. *Издание первое.* СПб., 1870, стр. VI (оглавление) + 226. Цена 60 коп.

Издание второе. СПб., 1870, стр. VI + 224.

Третье издание вышло после смерти К. Д. Ушинского. СПб., 1871.

К концу 1908 г. в обращении было 23-е издание (СПб., 1907).

2. *Руководство к преподаванию по «Родному слову».* Часть II (Приложение к 1-му отделу *третьего* года «Родного слова», к практической грамматике). СПб., 1870.

Издание второе. СПб., 1870 (Цензурное дозволение 9-го мая 1870 г.). К концу 1908 г. в обращении было 12-е издание. СПб., 1908.

ЗАМЕЧАНИЯ, РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ НА КНИГУ УШИНСКОГО «РОДНОЕ СЛОВО», г. 3-й, и «РУКОВОДСТВО» К НЕЙ

1. Корф Н. А. «Отчёт члена Александровского уездного училищного Совета за 1869—1870 год» (Екатеринослав, 1870). По-видимому, Н. А. Корф был первым, высоко оценившим грамматику Ушинского. На стр. 105—106 своего отчёта он писал: «Недавно известный педагог наш К. Д. Ушинский издал элементарную грамматику («Родное слово», год 3-й), которой Совет, вероятно, поспешит воспользоваться. Представляя при сем один экземпляр этой прекрасной книги на рассмотрение Совета, я покорнейше прошу, если Совет признает её полезной, снабдить ею все школы уезда не для преподавания по ней в школах, но как неоцененное пособие для неподготовленного учителя, желающего работать над самим собой и таким путём влиять на учеников». Незадолго перед этим сам Ушинский, посылая экземпляр своей книги Корфу, писал ему (23. II. 1870 г.): «Она мне стоила много труда, и тем не менее я ею очень недоволен и теперь уже вижу, что многое придется в ней переделать при новом издании. Конечно, она не нужна для народных школ, где орфография, насколько её нужно для того, чтобы понимать написанное, должна быть усваиваема практически. Но для учительских семинарий и для учителей сельских школ знание русской грамматики я считаю необходимым и в этом отношении мою книгу не бесполезной. Полагаю, кроме того, что толковый учитель найдёт в моей книге много полезных упражнений для учеников». Характерное разъяснение, показывающее, как ещё неопределённы были перспективы русской начальной школы в средине XIX века. Определённо назначая свою книгу для 3-го года начальной школы, Ушинский всё же не был уверен, что детям придётся учиться по ней, и считал полезным, если книга найдёт спрос у учителей начальной школы. Н. А. Корф, так хорошо знакомый с строем начальной русской школы того времени, нашёл возможным только присоединиться к этому взгляду.

2. Кемниц Е. «Родное слово» К. Д. Ушинского, г. 3-й (Учитель, 1870, № 11—12). Огромная рецензия Кемница, из которой могла бы выйти целая брошюра, возникла в результате досадного недоразумения. Видимо, рецензент счёл «провизуарную» грамматику Ушинского чем-то вроде абсолютной догматической системы и поставил своей задачей противопоставить ей другую систему грамматики. В условиях второй половины XIX в., когда система русской грамматики только ещё разрабатывалась, естественны были споры разных направлений. Но рецензент, построивший свою рецензию на оспаривании системы Ушинского, видимо, не принял во внимание того, что система Ушинского, названная им «провизуарной», предварительной, условной, вовсе не имела догматического характера. В своей системе Ушинский делал те обобщения, которые под руководством учителя могли

сделать дети на основании наблюдаемых ими фактов языка и которые, по мере накопления новых фактов, должны были подлежать дальнейшим изменениям и усовершенствованиям. В этом заключалась сущность «дидактической» системы Ушинского. Не соглашаясь с разработанной Ушинским грамматической системой и противопоставляя ей свою, Кемниц высказывает однако же положительное мнение об Ушинском как методисте и присоединяется в этом отношении к общему мнению, что «Ушинский несравним в смысле искусства методической и дидактической обработки материала».

3. *Корсакова Е. Я.* «Чем обязана моя дочь Ушинскому в своем начальном обучении» (Русская школа, 1895, № 12). Автор статьи рассказывает, как, будучи поставлена перед необходимостью начать самой систематическое обучение своей девочки после того, как ей исполнилось 6 лет и она самостоятельно научилась читать, она приобрела «Родное слово» Ушинского, год 1—3, и, руководствуясь указаниями, данными в «Руководстве», начала свои занятия. «Я сразу увидела, какой богатый материал для предстоящих мне занятий заключали в себе эти маленькие книжки... Девочка невольно чувствовала, что она не получает всех знаний готовыми, а как будто сама, собственным трудом участвует в воспроизведении этих знаний; усвоение знаний вследствие этого получало прочность и основательность, а вместе и большую привлекательность. Постепенный, почти незаметный переход от предметов лёгких к более трудным, так хорошо угадывающий постепенность развития ребенка, постоянно поддерживая живой интерес и влечение к занятиям, не давал им с течением времени остывать или охладевать. Всему этому, мне кажется, я обязана тем, что ни тогда, ни впоследствии я не замечала в девочке той рассеянности, которая так часто является препятствием лёгкому усвоению знаний. Привычка слушать и вообще заниматься сосредоточенно в сильной степени облегчает усвоение знаний... Главный секрет уменья приковать внимание ребенка к предмету занятий заключается, по-моему, в том, чтобы найти ту мерку, при которой предмет занятий или статьи для чтения, давая умственную пищу ребёнку, не обременял бы в то же время его умственные силы хотя бы сколько-нибудь излишними трудностями. Я не знаю грамматики, которая заключала бы в себе более разностороннюю разработку вопроса в такой ясной, доступной детскому пониманию форме, с таким обширным и для учащего материалом. Руководительству этой книги я обязана тем, что моя девочка без всяких трудных заучиваний, без всякого неприятного чувства к сухости научного предмета, называемого грамматикой, владела этим предметом настолько, что, поступая в 3-й класс гимназии в 10-летнем возрасте, писала вполне безошибочно, делала синтаксический и этимологический разбор без всяких затруднений. Занятия по «Родному слову» положили прочный фундамент её знаний по русскому языку, и я уверена также и умению ясно, просто и свободно выражать свои мысли и словесно и в задаваемых сочинениях».

4. *Буддэ Е. Ф.* «О значении Ушинского и его «Родного слова» в истории изучения и преподавания отечественного языка» (Русская школа, 1901, № 7—8). Автор, представитель формально-грамматического направления в изучении грамматики, отдаёт однако же должное Ушинскому, его педагогическому таланту и его филологической проницательности, несмотря на то, что сам стоит на противоположной точке зрения, радикально расходящейся с взглядами Ушинского.

5. *«Родное слово» К. Ушинского, г. 3-й. Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II* (Систематический обзор русской народно-учебной литературы, СПб., 1895, стр. 120). Анонимный автор так характеризует выписанные им в заголовке две книжки Ушинского: «Дав в своих прекрасных первых двух книжках «Родного слова» материал для начального обучения языку, составитель в третьем годе предлагает материал грамматический в том объёме, который считаем мы необходимой суммой знаний для оканчивающего курс в двухклассной народной школе... Та же практичность, жизненность и занимательность, вместе с простотой и ясностью изложения, которые отличают первые книжки «Родного слова», составляют огромное достоинство и этой; а по разнообразию материала делают её совершенно необходимым пособием во всякой сколько-нибудь благоустроенной школе... С третьим годом «Родного слова» так же, как и с «Руководством», должен быть основательно знаком всякий учитель народной школы».

6. *Филонов А. Г.* «Мнение о книгах Ушинского «Родное слово», год 3-й, и «Руководство к преподаванию по «Родному слову», г. 3-й» (Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 734. Учёный комитет МНП, оп. 3, дело № 99, журналы заседаний особого отдела 1902 г., стр. 1532—1541). В 1902 г. в Учёный комитет были представлены на рассмотрение «Родное слово», г. 3-й, и «Руководство» к нему. Рассмотрение этих книг было поручено члену комитета А. Г. Филонову, с которым в своё время очень резко полемизировал Ушинский по поводу его «Книги для первоначального чтения». Филонов отнесся к грамматике Ушинского очень скептически и высказал целый ряд несогласий с ним по отдельным грамматическим вопросам. Тем не менее, после тридцатилетнего употребления книги в школах эти частные несогласия нельзя уже было считать препятствием к дальнейшему её переизданию. Поэтому заключение рецензента было следующее: «Принимая во внимание, что в руководстве есть много здравых суждений о преподавании языка, а в 3-й части «Родного слова» собрано много прекрасных практических упражнений, в хрестоматии же, к ней приложенной, немало хороших образцов, заимствованных из сочинений Пушкина, Крылова, С. Аксакова, И. С. Тургенева и других писателей, нахожу возможным допустить обе указанные книги в учительские библиотеки казенных учебных заведений». Определение Учёного комитета гласило: «допустить условно обе вышеозначенные книги в учительские библиотеки низших учебных заведений с тем, чтобы при последующем

их издании были приняты к руководству все замечания Учёного комитета, кои сообщить просителю в копии».

В советской педагогической литературе интерес к практической грамматике Ушинского стал повышаться в той мере, как развёртывалась критика формально-грамматического направления, на первых порах укрепившегося и в советской школе как якобы единственно научного и усваивалась разработанная академиком Н. Я. Марром марксистская идея единства языка и мышления. К настоящему времени возможно указать следующие попытки анализа 3-го года «Родного слова» Ушинского с точки зрения грамматической и собственно методической.

7. *Струминский В. Я.* «Родное слово» К. Д. Ушинского как учебная книга для начальной школы (статья в книге «Избранные педагогические сочинения К. Д. Ушинского», т. II, Учпедгиз, 1939). В статье дана историко-педагогическая характеристика всех трёх книг «Родного слова» Ушинского и показано то новое, что внесено этими книгами в разработку проблемы создания учебника для начальной русской школы.

8. *Проф. Петрова Е. Н.* О некоторых принципах преподавания русского языка в системе К. Д. Ушинского (Советская педагогика, 1945, № 12). Автор очень высоко оценивает проведённую Ушинским через все годы «Родного слова» идею единства языка и мышления и данную им характеристику грамматики как науки, по преимуществу «очеловечивающей» ребёнка. Автор вдумчиво проследил через все три книги «Родного слова», как последовательно и систематически Ушинский осуществляет в своих книгах задачу воспитания мышления ребенка на материале родного языка. Характеризуя приложенные Ушинским ко 2-му году образцы упражнений по родному языку, автор пишет: «В этих 36 маленьких упражнениях, превосходно поданных, мы видим все основные принципы Ушинского: 1) веру в разум ребенка, серьёзные требования к нему, учёт его интересов, организацию его самостоятельной работы, продуманность всего процесса работы; 2) обоснование всего процесса обучения на логическом размышлении в процессе познавательной работы ребёнка, знакомство с окружающим миром, сосредоточение на идейной познавательной стороне курса; 3) народный характер материалов, заботу о правильной русской речи ученика; 4) сочетание некоторой научной системы (элементов её) с дидактическими требованиями, отбор из научной системы самого основного, главнейшего, что необходимо на данной ступени обучения, и разъяснение этого ребёнку, не избегая и трудностей» (стр. 66). Характеризуя третий год «Родного слова», завершающий занятия по родному языку в начальной школе, автор пишет: «книга Ушинского имеет значение не как уже готовый школьный грамматический курс, а лишь как «твёрдое основание к изучению» родного языка. Но это действительно очень «твёрдое основание»; глубокое, большое, устойчивое, оно построено дидактически: отобрано то, что нужно для данной подготовительной (провизуарной) ступени, и распо-

ложено так, как, по мнению Ушинского, лучше воспринимается учеником в последовательности разбора текста... Вопреки общепринятой системе, Ушинский поднимал одновременно все разделы грамматики, опираясь на слова, которые встречаются в тексте. Но повторением и обзорными вопросами он приводил знания учеников в систему по той или иной грамматической теме. Так, из оглавления по глаголу мы видим, что глагол рассматривается на разных страницах в зависимости от удобства текста, но последовательность соблюдается по ступени трудности, и в целом вся тема о глаголе оказывается изложенной вполне стройно и полно».

9. *Редозубов С. П.* Методика русского языка в начальной школе (Учпедгиз, 1947). В разделе «Краткий историко-критический обзор методов преподавания грамматики и орфографии в русской школе» (стр. 135—141) автор даёт обзор основных направлений в изучении и преподавании русского языка, сменившихся в нашей стране на протяжении почти двух столетий, причём в результате этого обзора достаточно отчётливо уясняется историческое положение и значение того вклада, который внесён Ушинским при разработке им первоначальной практической грамматики для начальной школы и который автором так или иначе кладется в основу разработки своего курса методики.

10. *Канонькин Н. П.* и *Щербакова Н. А.* Методика русского языка в начальной школе (Учпедгиз, 1947, 3-е изд.). Подробно и обстоятельно характеризуя роль Ушинского в борьбе двух направлений в разработке и преподавании родного языка (стр. 228—236), авторы заканчивают эту характеристику такими выводами о грамматической системе Ушинского: «его стройная методическая система изучения грамматики во многих отношениях может быть примерной и для нас. Логические упражнения как подготовку к изучению грамматики следует признать особо важным звеном в грамматической работе, которому у нас недостаточно уделяется внимания. Ценными в его системе являются и способ систематизации грамматических знаний и способ закрепления путём непрерывных повторений как средства «предотвращения забвения». Примерным можно считать и текстовой материал, на котором Ушинский ставит изучение грамматических явлений. Приходится констатировать, что методическое наследство Ушинского ещё не вполне учтено и использовано в нашей школьной практике».

11. *Пурцеладзе С. Д.* «Вопросы преподавания грамматики в системе К. Д. Ушинского» (Труды Института педагогических наук Грузинской ССР, 1948, № IV). Пурцеладзе, автор книги «Методика преподавания русского языка в грузинской школе», высоко оценил значение грамматики Ушинского для начальной школы. В своём обстоятельном разборе этой книги он излагает условия, при которых зародилась книга, показывает, как автор разрешил проблему построения курса грамматики в начальной школе и методику преподавания, разработанную Ушинским. Свои наблюдения над книгой он резюмирует в таких словах:

«простота, чёткость и ясность плана каждого параграфа, урока, делают книгу доходчивой для учащихся. Она легка и для учащего. Даже неопытному, мало подготовленному преподавателю становится ясен педагогический процесс. Книга ведёт за собой и учителя, и ученика» (стр. 109). Совершенно ес ественно, что и окончательный вывод автора сводится к признанию необходимости использовать опыт Ушинского применительно к преподаванию русского языка в грузинской школе. «И хотя мы, пишет в своем заключении автор, преодолели формализм в учебном материале грамматики, но пока страдаем ещё формализмом в обучении грамматике, изучаем грамматические формы в отрыве от их функций. В преодолении этого порока нам должно помочь опять-таки изучение наследия Ушинского. Грамматическое наследие Ушинского должно быть использовано не только в русской, но и в национальной, в частности, нашей грузинской школе. Обогатив наш опыт методическим наследием Ушинского, мы обеспечим разрешение сложной проблемы, стоящей перед нашей школой,— проблемы овладения русским языком» (стр. 114).

12. Костин Н. А. Методика русского языка в начальной школе (Учпедгиз, 1949). В разделах своей методики, посвященных вопросам грамматики и развития речи, автор неизменно исходит из указаний Ушинского (стр. 189, 292) и, отправляясь от них, разрабатывает методику работы в начальной советской школе по русскому языку. Это неизменное стремление методистов советской начальной школы опереться в разработке методики преподавания русского языка на Ушинского говорит о том, что авторитет великого русского педагога в вопросах методики преподавания русского языка в начальной школе стоит весьма высоко в глазах советских педагогов. Представляется однако же важным проследить, в какой мере последовательно и продуктивно используется в этом отношении методическое наследство Ушинского.

13. Струминский В. Я. «Родное слово» К. Д. Ушинского, г. 3-й (первоначальная практическая грамматика).

Учебником практической грамматики Ушинский начал вторую серию книжек «Родного слова». Эта серия посвящалась уже не элементарному, а систематическому изучению предметов начального обучения, и первым предметом такой систематической разработки Ушинский избрал родной язык, его грамматику. Мотивы, по которым остановилось внимание Ушинского прежде всего на родном языке, понятны из той общей оценки образовательной роли языка, какую он давал неоднократно. Родной язык — это та сокровищница, в которую народ в течение своей тысячелетней жизни откладывал результаты своего духовного развития и богатствами которой в первую очередь должен так или иначе овладеть каждый ребенок. Практически ребенок уже в семье начинает усваивать родной язык, и «когда дело доходит до учителя, то дитя обладает громадным сокровищем, даже превышающим детские потребности. У шестилетнего дитяти уже гораздо более слов и оборотов для выражения чувств

и мыслей, чем самих чувств и мыслей. Оно во многом, только по врождённой человеку переимчивости, перенимает язык взрослых, но само ещё не выросло до этого языка, так что множество слов и оборотов, уже усвоенных дитятей... ещё не сделалось вполне его духовным достоянием». Отсюда естественно вытекает для школы первейшая задача — «заботиться о том, чтобы дитя всё более и более вступало в духовное обладание теми сокровищами родного слова, которые оно усвоило только подражанием, полусознательно, а иногда даже вовсе бессознательно... Дитя усвоило язык подражанием; но язык создан не подражанием, а самосознанием... Пройти этот путь самосознания и составляет собственно дело филологии или языкоизучения... Понятно, что такая наука должна быть безгранично обширна и что она начинается с той минуты, когда ребенок сознает связь подлежащего со сказуемым или согласование прилагательного с существительным... В этом отношении грамматическое изучение имеет чрезвычайную важность; отрывая внимание детей от внешней природы, оно направляет его на их же собственные душевные состояния и душевные процессы. Многие науки обогащают только *сознание* дитяти, давая ему новые и новые факты: грамматика, преподаваемая логически, начинает развивать *самосознание* человека, т. е. именно ту способность, вследствие которой человек является человеком между животными. Вот почему грамматику не без основания причислили к числу наук, *очеловечивающих* человека».

Таковы те теоретические основания, в силу которых Ушинский в первую очередь поставил перед собой задачу разработать для школы первоначальную практическую грамматику. Подготовительная работа к изучению грамматики была намечена Ушинским уже для первых двух годов «Родного слова»: на протяжении этих лет учащиеся должны были проделать целый ряд практических упражнений в творческом употреблении форм родного языка. Систематическое изучение родного языка на 3-м году должно было завершить эту предварительную практическую работу и возвести к сознанию детей те принципы родного языка, которыми практически уже научился пользоваться каждый учащийся.

Осуществление задачи, поставленной Ушинским для грамматического выпуска «Родного слова», представляло огромные трудности, которые нужно было преодолеть автору в первую очередь. Основная трудность сводилась к тому, что сама грамматика как наука о русском языке оставалась ещё неразработанной. В своём «Руководстве к преподаванию по «Родному слову», год 3-й, Ушинский достаточно подробно описал то плачевное состояние, в котором находилась наука грамматики в его время, в средине XIX в., когда только ещё начиналось научное изучение русского языка и когда старые грамматики, составленные по греческим и латинским образцам, были отвергнуты. Новые теории ещё не успели упрочиться, старые были разрушены, грамматика же стала ненавистным предметом в школе как символ схоластики и вся-

кого рода противоречий. Преподавание грамматики в школах почти прекратилось, безграмотность учащихся росла. В таких условиях необходимо было найти какой-то верный принцип составления грамматики для начальной школы независимо от того, что наука грамматики только ещё начинает формироваться. Ушинский отважно взял на себя эту задачу и разрешил её в борьбе с многочисленными в то время теориями построения грамматики, анализу которых он и отвёл значительную часть своего руководства.

Наиболее характерным для средины XIX в. в разработке грамматики языка было логико-грамматическое направление.

Углубленного подхода к изучению языка в русской грамматической литературе требовал еще в 40-х годах прошлого столетия В. Г. Белинский в своей книге «Основания русской грамматики», изданной в 1837 г., утверждавший социальную сущность языка, единство языка и мышления. Прогрессивные научно-грамматические взгляды Белинского, очевидно, были известны и Ушинскому.

Применение логико-грамматического направления в методике преподавания языка помогало борьбе со схоластическим преподаванием и способствовало развитию мышления ребёнка. Одним из видных представителей этого направления был известный гатчинский педагог Е. О. Гугель, издавший целый ряд руководств для начальной школы, направленных к развитию мышления учащихся, и в том числе «Руководство к умственным упражнениям при преподавании отечественного языка» (1833). Рационализация обучения, пробуждение сознания и мысли учащихся — вот вопросы, решения которых добивался Гугель в своих руководствах и в своей практике. Это были те самые поиски, которые стяжали Гугелю в николаевской России печальную известность человека психически больного и которые в конце концов привели к тому, что Гугель был посажен в психиатрическую больницу, а его библиотека, представлявшая редкое по тому времени собрание педагогической литературы, была опечатана и на долгое время закрыта для пользования. Так были встречены в царской России первые опыты рационально составленных учебников для начальной школы. Гугель с его опытами был основательно и надолго забыт. Но плодотворная, данная еще В. Г. Белинским идея единства языка и мышления и теснейшей связи грамматики с логикой в процессе борьбы с схоластической грамматикой всё же постепенно прокладывала себе путь. В 1844 г. Ф. И. Буслаев издает книгу «О преподавании отечественного языка», в которой логическому анализу речи отведено почетное место наряду с историческими данными о развитии языка, а с начала 2-й половины XIX в. появляются учебники, написанные в духе логико-грамматического направления. Таков был «Учебник русского языка» А. Смирнова, изданный в 1853 г. Автор начинает курс грамматики объяснением логического состава предложения и из него выводит различие частей речи, основываясь на логическом значении слов в предложении; после этого он переходит к этимологии, раскрывающей фонетический состав слов и

их изменения по флексиям и в заключение даёт подробное изложение синтаксиса. Такая система изложения грамматики, конечно, означала прогресс в методике преподавания языка, поскольку только в связи с логикой и может быть поставлено правильно его изучение. Эту прогрессивную сторону методики родного языка, конечно, необходимо было удержать, но необходимо было в то же время учесть, что на одной логике, игнорируя конкретные факты языка, построить методику его преподавания, конечно, нельзя.

Историческое направление в изучении языка упрочилось с начала второй половины XIX в. вместе с появлением «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева и других исследований. В связи с новыми научными изысканиями в области русского языка, построенными на исторической основе, Буслаев, учитывая всю сложность русской грамматики как научной дисциплины, которая только ещё начинает своё развитие, высказал мысль, что изучение её детьми может быть начато не ранее как с 14—15 лет. До этого времени об изучении грамматики как учебного предмета в школе не может быть речи: знакомство с грамматикой должно быть слито с чтением и другими упражнениями по родному языку. По существу это была здоровая мысль о том, что на начальной ступени грамматика должна быть изучаема в какой-то особой, предварительной форме, подготовляющей возможность изучения грамматики научной. Однако же вместо того, чтобы развить и оформить эту идею в практике школьной работы, последователи Буслаева фактически свели дело к тому, что грамматика превратилась в необязательный придаток к чтению и постепенно устранялась из преподавания, превращаясь в школе в явление эпизодическое, случайное, между тем как задача заключалась в том, чтобы как-то упрочить изучение грамматики в начальной школе, поскольку она является предметом начального обучения, закладывающим основы грамотности и умственного развития учащихся. В таком пренебрежении грамматики сказались, с одной стороны, реакция против логико-грамматической системы преподавания, игнорировавшей факты истории языка, а с другой и признание того, что развернувшиеся новые исследования в области языка, показавшие как всю сложность его строения, так и недостаточность научных знаний о нём, требуют предварительной обработки и упорядочения фактического материала по языку.

В 60-х годах эта неопределённость представлений о том, как же вести преподавание этого предмета в школе, достигла своего предела, и составитель программы военно-учебных заведений так характеризовал современное ему положение дела: «На грамматику обращают весьма мало, или даже вовсе не обращают внимания. Без грамматики же объяснительное чтение обратилось собственно в сообщение самых разнообразных сведений из ботаники, зоологии, физики, химии, истории и т. п.; короче, при таком методе все предметы преподавались на уроках русского языка; только самому языку не учили» (журн. «Педагогический

сборник», 1867, XII). Констатируя этот же тревоживший уже многих факт, Ушинский находил ему «только одно рациональное объяснение: прежде учили грамматике лучше, потому что была хоть какая-нибудь грамматика, в непогрешимость которой верил сам преподаватель, — теперь стали учить хуже, потому что старая грамматика разрушена, а новая ещё не создана». Совершенно естественно вытекавший отсюда вывод был тот, что прежде всего нужно озаботиться созданием твердого курса грамматики, которую можно было бы изучать с детьми уже в начальной школе и которая могла бы положить прочные основы как их элементарной грамотности, так, в частности, и дальнейшему развитию их знаний в области языка. В соответствии с этим Ушинский решил, что, пока составители новых грамматик без конца ведут дебаты по многочисленным деталям разрабатываемой ими системы русской грамматики, задача педагога начальной школы заключается в том, чтобы, не дожидаясь того времени, когда окончательно будет установлена система грамматики, дать для школы «провизуарную» (предварительную, условную) систему грамматических знаний, которая при всей своей условности все же ориентировала бы учащихся в тех явлениях языка и его устных и письменных форм, с которыми они встречаются на каждом шагу и сознательным усвоением которых обеспечивалась бы как их грамотность, так и возможность дальнейшего изучения языка. Свою систему подбора и объяснения грамматических явлений Ушинский назвал *дидактической* в том смысле, что, организуя наблюдения учащихся над явлениями языка и заставляя их делать на основании этих наблюдений те или иные обобщения, он преследовал прежде всего педагогическую цель. Учащимся даются «объяснения *провизуарные* — не ложные, чего ни в каком случае и никогда не должно давать дитяти, но неполные, достаточные на этот случай, но не обнимающие других и не углубляющиеся до самой основы объясняемого явления. Эти провизуарные объяснения даются с тем, чтобы потом, при новом случае и уже по приобретении необходимых для того сведений, дать объяснение полное и вполне основательное».

Что касается двух направлений в разработке грамматики, сталкивавшихся между собой в средине XIX в., то Ушинский, признавая положительные черты в каждом из этих направлений, пытался избежать их недостатков. Основное достоинство логико-грамматического направления заключалось в том, что при всех своих недостатках, вытекавших из оторванности этого направления от изучения конкретных, исторических форм живого языка, оно всё же проводило идею единства языка и мышления. В утверждении этого единства заключалось здоровое зерно, от которого нельзя безнаказанно отказываться ни в научной, ни в учебной грамматике. Основное достоинство исторического направления заключалось в том, что оно стремилось обосновать теорию языка на конкретных исторических фактах, хотя часто обилие этих фактов угрожало превратить грамматическую науку в простое собрание одних только эмпирических обобщений.

Сочетая положительные черты обоих направлений, Ушинский полагал, что так как язык является орудием для выражения мыслей, то нельзя изучать это орудие в отрыве от той мысли, выражением которой оно является. Задача начальной школы заключается в том, чтобы ввести учащихся в сознательное обладание языком, поэтому и изучать его нужно именно как орудие мысли, т. е. в связи с мыслью, а не в отрыве от неё. Но если мысль и язык связаны единством, это не значит, что они тождественны. Было бы неправильно забывать о том, что это разные явления; язык имеет свою историю, отличную от истории мысли. Одна и та же мысль в разных языках получает разные формы выражения. Вот почему в грамматике нужно изучать не только логику выражаемой мысли, но и те своеобразные формы, в которых эта мысль находит себе выражение в изучаемом языке. Таковы те основные предпосылки, которые легли в основу созданной Ушинским грамматики для начального обучения.

Само построение грамматики разработано Ушинским с той простотой, которая характеризует подлинно талантливые произведения в любой области человеческой культуры. Всё дело сводится к тому, чтобы организовать ряд наблюдений ребёнка над грамматическими формами, заставить его постепенно обобщать эти наблюдения, запоминать их и практически применять в целом ряде других аналогичных случаев. По мере накопления отдельных частных обобщений последние сводятся в более общие системы, и таким образом система дидактическая переводится, по выражению Ушинского, мало-помалу в систему научную. «Основа нашего учебника, — пишет Ушинский, — заключается в наблюдении форм и законов языка сначала над примерами, нарочито для того подобранными, а потом над отрывком из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» и в заключение — над 15 образцовыми произведениями нашей литературы, и преимущественно баснями Крылова». Непрерывно углубляя внимание учащегося, автор всё время ведёт разбор указанных выше примеров с смысловой (логической), синтаксической, этимологической и орфографической точек зрения. Вся работа по учебнику сводится к очень простым и незамысловатым наблюдениям и задачам, а между тем на каждой странице учащийся незаметно накапливает по несколько правил, причём каждое правило является только формулировкой тех наблюдений, которые перед этим сделаны самими же учащимися. Всякое правило сопровождается рядом упражнений, при помощи которых учащийся закрепляет его в своём сознании. На протяжении 101 параграфа, на которые разделена вся грамматика, учащийся в течение одного года усваивает в самой простой и элементарной форме, без каких-либо сложных определений и терминов столько грамматических и орфографических правил, проделывает столько анализов и разборов речи, что его уже никак нельзя считать неграмотным. Просматривающий грамматику читатель незаметно переходит от одной страницы к другой. И только читая написанное Ушинским руководство к грам-

матике, он видит, какой огромной подготовительной работы требовало от автора составление его учебника и какое педагогическое мастерство понадобилось, чтобы результаты этой подготовительной работы уложить в доступные детскому пониманию строки учебника. Нельзя не обратить внимания в учебнике Ушинского на обилие, разнообразие, простоту и безукоризненность примеров и образцов, подобранных им для детских упражнений, на настойчивое повторение пройденного и постоянную опору на него в прохождении нового материала. Поучительно и непрерывное, систематическое обращение к самостоятельной работе учащихся, для которой предварительно даются исчерпывающие образцы, причём на протяжении учебника объём и количество самостоятельных работ учащихся всё увеличивается, не подавляя учащихся трудностями, но делая всё более привлекательной эту самостоятельную работу.

Появление грамматики Ушинского было встречено несколько менее восторженно, чем издание первых двух частей «Родного слова». Это имело свои причины как в том, что ещё слишком велики были разногласия учёных в области научной грамматики, так равным образом и в том, что во второй половине XIX в. постепенно созревало на место логико-грамматического направления направление формально-грамматическое, отвергавшее точку зрения единства языка и мышления.

Вслед за грамматикой Ушинского последовали другие опыты составления учебников по грамматике для начальной школы. Каковы бы ни были достоинства этих учебников в других отношениях, следует отметить, что из них довольно быстро улетучились та творческая восторженность и простота замысла и выполнения, которые характеризовали собой работу Ушинского. В них стала получать преобладание голая систематика, отбивавшая охоту к изучению грамматики и превращавшая грамматический разбор в своего рода истязание учащихся. Проф. Е. Будде писал, что книга Ушинского была «первым учебником русского языка, похоронившим навсегда старую схоластику в преподавании русской грамматики и провозгласившим новый метод рационального обучения русскому языку. В педагогике после Ушинского, писал Будде, мы почти не подвинулись вперёд; ни один из его педагогических принципов не устарел и не может быть заменён новым, более лучшим; в области педагогики Ушинский был так прозорлив и так далеко видел, что можно только сказать, что педагогика ныне идёт по пути, указанному Ушинским» (Е. Будде, О значении Ушинского и его «Родного слова» в истории изучения и преподавания отечественного языка, «Русская школа», 1901, № 7—8, стр. 232). Отдавая должное педагогическим заслугам Ушинского, проф. Будде как представитель формально-грамматической теории в языкознании однако же глубоко неправильно бросает тень на лингвистические взгляды, проведённые Ушинским в грамматике, а также и на ту идею единства языка и мышления, которую отстаивал Ушинский. Статья Будде написана к 30-летию

со дня смерти Ушинского. К этому времени в области изучения русского языка произошли большие перемены и сформировалось новое, формально-грамматическое направление в его изучении, одним из сторонников которого был сам Е. Будде. Согласно этому направлению, язык изучался как совершенно самостоятельное, чисто внешнее явление, в отрыве от мышления: изучались формы языка, их различные изменения, историческая эволюция и только. Нельзя на изучении одной только формальной стороны языка строить самостоятельную дисциплину. Изучение языка в отрыве от мысли, для которой он является орудием, в особенности вредно в школе, одной из основных задач которой является то, чтобы ввести учащихся в обладание языком как орудием мысли. Делая свой отзыв об Ушинском в период насаждения формально-грамматического учения о языке и учитывая в то же время неоспоримый авторитет Ушинского в области методики и дидактики, Будде поставил себе задачей подорвать с чисто лингвистической точки зрения значимость той работы, которая проделана Ушинским в области грамматики. Отметив, что в области педагогики мы нисколько не подвинулись вперёд после Ушинского, Будде неправильно замечает, что «в истории изучения русского языка мы настолько ушли вперёд со времени Ушинского, что лингвистика сейчас уже не может следовать по пути, указанному здесь Ушинским, и должна отметить те его взгляды, которые ныне уже считаются устаревшими и негодными» (стр. 232).

Совершенно очевидно, что задача Будде как представителя формально-грамматического направления в языковедении сводится к тому, чтобы внушить недоверие к логической точке зрения Ушинского.

Имея в виду ввести ряд лингвистических поправок к взглядам Ушинского, Будде в первую очередь отмечает однако же и его неоспоримые заслуги именно в лингвистике. Большую заслугу Ушинского Будде видит в том, что он первый обратил внимание на то, что в языке как живом явлении человеческого общества основное значение принадлежит не букве, а звуку. В букваре Ушинского это выразилось в том, что он стал на путь звукового метода в обучении грамоте. «Между тем как наша университетская наука ещё и до сих пор не в целом составе своих представителей пошла по новой дороге, низшая школа уже со времени Ушинского, т. е. более 40 лет, идёт по этой дороге (стр. 244).

Однако наряду с этим Будде, подробно разбирая грамматику Ушинского, пытался внести в неё некоторые свои «поправки», подходя к трактовке звукового содержания слова чисто формалистически.

Реакционное Министерство народного просвещения насаждало и закрепляло в дореволюционной русской школе конца XIX и начала XX века формально-грамматическое направление в языкознании и методике преподавания языка. Поэтому грамматика Ушинского не могла удовлетворить тем требованиям, которые предъявляло к преподаванию грамматики Министерство и его

местные органы, и «Родное слово» (год 3-й) не получило такого распространения, как первые две части «Родного слова».

Акад. Н. Я. Марр, основатель нового, материалистического учения о языке, нанёс сокрушительный удар буржуазным идеалистическим и вульгарно-материалистическим теориям языкознания и построенным на этих теориях методикам преподавания языка. Советская методика преподавания русского языка строится на учении Н. Я. Марра. В своих диалектико-материалистических основах и приложении их к конкретным вопросам преподавания грамматики советская методика пошла дальше Ушинского, стоит на иных методологических позициях, нежели стоял Ушинский, однако, некоторые элементы его методики преподавания грамматики, его требование рассматривать язык в единстве с мышлением, аппелировать всегда к смыслу, содержанию слова, — встречают среди советских методистов большое сочувствие. Поэтому исчерпывающий анализ «Родного слова», год 3-й, до сих пор еще не проделанный, должен для советских методистов представлять значительный интерес.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Редактор *Н. А. Сундуков.*
Переплёт, титул и заставки
худ. *Я. Д. Егорова.*
Художественный редактор *Г. З. Гинзбург.*
Технический редактор *В. П. Гарнек.*

Текст сочинений К. Д. Ушинского сверен
К. С. Мокринской.

А09752. Подписано к печати 31/VIII 1949 г. Уч.-изд. л. 15,15. Печ. л. 22,5.
Тираж 25 000 экз. Формат 82×108/32. Цена 15 р. Заказ № 407.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.